

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

22

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1959

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1959

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Я. А. Балагуров (ответственный редак-
тор), кандидаты исторических наук М. Н. Власова и Г. А. Пан-
крушев.

7 24972
ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАРЕЛЬСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. И. Андриянен

А. И. АНДРИЯНЕН

РОСТ ТРУДОВОЙ ИНИЦИАТИВЫ И АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ КАРЕЛИИ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ

Важнейшим условием успешного построения коммунистического общества в нашей стране является вовлечение в активное коммунистическое строительство широких масс трудящихся. В. И. Ленин указывал, что Коммунистическая партия и Советская власть могут осуществить свою созидательную преобразующую деятельность «только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся»¹. В настоящее время народы Советского Союза, воодушевленные историческими решениями XXI съезда КПСС, развертывают свою творческую инициативу и активность в строительстве коммунистического общества.

Изучение истории и опыта борьбы советских народов за построение и укрепление социалистического общества в предвоенные годы представляет не только теоретическое, но и практическое значение. Творческое участие трудящихся в строительстве нового общества исключительно ярко проявилось в социалистическом соревновании. Коммунистическая партия всегда решительно и смело, чутко и бережно поддерживала все новые формы и методы высокопроизводительного труда, созданные творчеством рабочих и крестьян, вела непрестанную работу за вовлечение в социалистическое соревнование все более широких масс трудящихся. Переход к новаторской высокопроизводительной работе целых бригад, цехов, фабрик, заводов, обусловивший крутой подъем производительности труда в годы третьей пятилетки, ярко характеризует преобразующую деятельность Коммунистической партии и советского народа.

XVIII съезд ВКП(б) (март 1939 г.), обобщив итоги строительства социалистического общества, определил задачи дальнейшего развития Советской страны по пути социализма и коммунизма. Съезд утвердил третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1938—1942 гг. В резолюции о третьем пятилетнем плане XVIII съезд ВКП(б) указал, что «на основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма СССР вступил в третьем пятилетии в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 213.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, М., 1953, стр. 883.

Руководствуясь ленинскими указаниями о всестороннем и первоочередном развитии тяжелой индустрии, являющейся материально-производственной базой коммунизма, XVIII съезд ВКП(б) практически выдвинул перед нашей страной основную экономическую задачу — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по размерам производства промышленной продукции на душу населения. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, принятый съездом, должен был явиться одним из этапов в решении этой задачи.

Создание материально-производственной базы коммунизма возможно только на основе постоянного повышения уровня технического вооружения народного хозяйства, преимущественного развития тяжелой индустрии, при непрерывном росте производительности общественного труда. «Повышение производительности труда,—учил В. И. Ленин,—составляет одну из коренных задач, ибо без этого окончательный переход к коммунизму невозможен»¹. В соответствии с указанием В. И. Ленина о том, что производительность труда это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя, XVIII съезд ВКП(б) призвал все партийные, советские и профсоюзные организации всемерно разворачивать социалистическое соревнование и новаторское движение и добиться на предприятиях и учреждениях укрепления трудовой дисциплины и высокой производительности труда всех трудящихся. Съезд указал партийным, советским, хозяйственным и профсоюзным организациям на необходимость усиления коммунистического воспитания трудящихся, обеспечения живой оперативности и деловитости в хозяйственном руководстве².

Решения XVIII съезда нашей партии открыли широкие перспективы для развития и процветания советских народов. Съезд признал необходимым «обеспечить дальнейший хозяйственный и культурный подъем национальных республик и областей, в соответствии с основными задачами размещения производительных сил в третьей пятилетке»³.

На основе утвержденного XVIII съездом ВКП(б) третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР и итогов развития народного хозяйства и культуры Карельской АССР за годы второй пятилетки были намечены задачи развития народного хозяйства и культуры Карелии в третьем пятилетии. По этому плану капиталовложения за третью пятилетку в народное хозяйство и культурное строительство республики должны были составить 1613 млн. руб., или в 2,2 раза больше, чем во второй пятилетке.

В республике планировалось построить и пустить в эксплуатацию Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, вторые очереди Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината и Кондопожской ГЭС и другие предприятия. К концу пятилетки годовую вывозку леса намечалось довести до 17,2 млн. м³, в несколько раз предусматривалось увеличить производство электроэнергии, пиломатериалов, извести, кирпича, мебели, бумаги и целлюлозы. Валовая продукция всей промышленности должна была возрасти за третье пятилетие в 2,4 раза⁴.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 93.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, стр. 907.

³ Там же, стр. 898.

⁴ Центральный государственный архив Карельской АССР (ЦГА КАССР), ф. 700, оп. 16, д. 30/242, лл. 1, 10—11, 19—20, 32—40.

Для более полного удовлетворения материально-бытовых и культурных запросов населения республики в третьем пятилетии предусматривалось значительное развитие пищевой промышленности, доведение улова рыбы до 200 тыс. ц в год, увеличение производства товаров широкого потребления, строительство 360 тыс. м² жилой площади, 82 новых школ и целого ряда коммунальных и культурно-бытовых учреждений¹.

Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР обеспечивал быстрое развитие экономики и культуры Карелии, новый подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Народы Советского Союза встретили с энтузиазмом решения XVIII съезда ВКП(б), направленные на дальнейший подъем экономической мощи СССР, на улучшение материального благосостояния и повышение культурного уровня трудящихся. В Советской стране развернулось массовое социалистическое соревнование и новаторское движение за выполнение плана третьей пятилетки и, в частности, за выполнение заданий пятилетки по росту производительности труда в четыре года. Патриотическое движение трудящихся за выполнение решений XVIII съезда партии является самой характерной чертой в жизни всех советских народов в эти годы.

Во всенародное движение за выполнение решений XVIII съезда ВКП(б) и заданий третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР активно включились и трудящиеся Карелии. Об этом свидетельствовало дальнейшее развитие массового социалистического соревнования и новаторского движения.

Партийная организация Карелии возглавила трудовую инициативу и активность рабочих в борьбе за выполнение заданий третьей пятилетки, за рост производительности труда и увеличение валовой продукции в промышленности.

* * *

Лесозаготовительная промышленность является основной отраслью народного хозяйства Карелии. На рубеже второй и третьей пятилеток она производила 40% всей валовой промышленной продукции, обеспечивала сырьем целлюлозно-бумажную и деревообрабатывающую (лесопильную, мебельную; лыжную) отрасли промышленности, представляющие для народного хозяйства республики первостепенную важность. Строительный лес и пиломатериалы вывозились из Карелии во многие районы Советского Союза и за границу. В лесозэкспорте СССР Карельская АССР занимала заметный удельный вес. Лесозаготовки и связанные с ними целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая отрасли промышленности отражают специфику экономики Карельской АССР, обуславливают специализацию в развитии ее народного хозяйства и являются важнейшим источником доходной части бюджета Карельской республики. Поэтому трудящиеся Карелии всегда уделяли развитию лесозаготовительной промышленности первостепенное внимание.

К концу второй пятилетки лесозаготовительная промышленность Карелии увеличила вывозку леса в сравнении с 1913 г. в 5,5 раза. Такое увеличение вывозки древесины было достигнуто прежде всего благодаря внедрению механизации, созданию ядра постоянных кадров, росту трудовой инициативы и активности лесорубов. В основных

лесозаготовительных трестах республики — «Севкареллес» и «Южкареллес» системы Наркомлеса СССР — механизмами было вывезено в 1937 г. 22,5% всей древесины. Лесозаготовительные предприятия этих трестов были обеспечены в значительном количестве более производительными лесорубочными инструментами — лучковыми пилами и топорами канадского типа. В 1937 г. постоянные рабочие в трестах «Севкареллес» и «Южкареллес» составляли 36,5% к общему числу всех рабочих¹.

Но несмотря на эти достижения, лесозаготовительная промышленность Карелии не выполняла своих планов, вывозка древесины росла крайне медленно, а в начале третьей пятилетки стала даже сокращаться². Это вызывалось, главным образом, нерешенностью основных вопросов механизации лесозаготовительных работ и малочисленностью постоянных кадров на лесозаготовительных предприятиях, в силу чего последние все еще не могли переходить на круглогодичную работу. По мере все большего расширения капитального строительства и роста промышленного производства в СССР с каждым годом сокращался приток сезонной рабочей силы в Карелию из других областей страны. Такое положение имело место и в других республиках и областях страны.

В целях повышения активности рабочих лесной промышленности в борьбе за преодоление трудностей в развитии лесозаготовок СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли специальное постановление об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР. В этом постановлении были предусмотрены мероприятия, обеспечивающие резкое улучшение работы лесозаготовительных предприятий. В 1939 г. заготовка леса полностью переводилась на лучковые пилы, облегчавшие работу лесоруба и значительно повышавшие производительность его труда. Усиливалась механизация лесозаготовок. В лесозаготовительной промышленности перестраивалась система оплаты труда лесорубов, трелевщиков, возчиков, мастеров и инженерно-технических работников. Повышались дневные расчетные ставки лесорубов, за выполнение и перевыполнение плана вводились премии-надбавки рабочим и инженерно-техническим работникам. В постановлении много внимания уделялось строительству в лесных поселках новых жилищ, фельдшерских и врачебных пунктов, больниц, школ, столовых, магазинов. Постановление поднимало заинтересованность рабочих, инженерно-технических работников, колхозов и колхозников в улучшении работы, в повышении производительности труда на лесозаготовительных предприятиях³.

Недостатки в работе лесозаготовительной промышленности, отмеченные в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б), имели место и в Карелии. Проверка хода лесозаготовок, проведенная комиссией экономического совета при СНК СССР в конце 1938 и начале 1939 гг., показала, что в лесозаготовительных трестах плохо использовались механизмы. В тресте «Севкареллес» из 89 тракторов работали на вывозке только 59, в тресте «Южкареллес» из 210 тракторов работали

¹ Партийный архив Карельского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ПА КФ ИМЛ), ф. 3, оп. 1, св. 11, д. 950, лл. 76—77, 80—81; св. 17, д. 120, л. 8; ЦГА КАСР, ф. 700, оп. 16, д. 30/242, лл. 2—3; ф. 689, оп. 5, д. 11/68, л. 55.

² ПА КФ ИМЛ, ф. 3, оп. 1, св. 11, д. 15, лл. 80—81; св. 17, д. 120, л. 8; ф. 8, оп. 1, св. 2, д. 5, л. 10; «Правда», 1938, 16 июня, № 167; «Красная Карелия», 1937, 17 июня, № 137.

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР), ф. 5446, оп. 23, д. 1271, лл. 1—31.

147, а из 187 автомашин — только 86. Комиссия экономического совета отметила плохую организацию труда и слабое распространение новаторских методов в лесу. Из-за неорганизованности погрузки на Лоси-ногорском механизированном лесопункте треста «Севкареллес» нагрузка на трактор-рейс вместо 80 м³ по плану составляла 42 м³. В Авнепорожском механизированном лесопункте («Севкареллес») тракторы использовались не более чем на 50%. Из-за неорганизованности на погрузке леса водители тракторов по нескольку дней ожидали вызова на работу. В то же время имеющиеся на этом пункте 12 дер-риков по вине руководителей лесопункта не работали. На предприятиях треста «Южкареллес» имелось новаторов всего 13%, а в тресте «Севкареллес» — 11,5% к общему числу всех рабочих. Слабое руководство и недостаточное использование имеющихся механизмов являлись главными причинами низкой производительности труда и невыполнения планов в лесозаготовительной промышленности Карелии¹.

Обследование показало, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) не было доведено до всех колхозов и колхозников. Из шести проверенных колхозов бывшего Петровского района о постановлении знали только в одном колхозе. Расчеты с колхозами за работу лошадей задерживались на несколько месяцев².

В январе 1939 г. V пленум Карельского обкома ВКП(б) обсудил вопрос о выполнении в Карелии постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР. Пленум признал работу лесозаготовительной промышленности республики все еще неудовлетворительной. Пленум обкома обобщил положительный опыт работы лесорубов-новаторов и поставил перед партийными, хозяйственными и профсоюзными организациями основную задачу — организовать на основе выполнения постановления правительства и партии широкое движение масс за повышение производительности труда в лесозаготовительной промышленности.

Пленум Карельского обкома ВКП(б) одобрил принятое в начале января решение СНК Карельской АССР и обкома партии «О распространении методов работы лесоруба Готчиева» и обязал партийные, хозяйственные и профсоюзные организации широко внедрять эти методы на лесных предприятиях, сделать их основными на рубке леса.

Заслуга лесоруба-новатора Возрицкого механизированного лесопункта Медвежьегорского района П. П. Готчиева и его последователей заключалась в том, что они глубоко продумали методы своей работы, строго разделив обязанности на производстве между квалифицированным рабочим-лучкистом и подсобными рабочими, организовали труд таким порядком, который исключал возможность простоев, непроизводительных переходов и излишних движений.

В принципе такое разделение труда между квалифицированным лучкистом и подсобным рабочим не было новостью. Оно было предложено еще в 1936 г. новатором Колодозерского лесопункта Пудожского леспромхоза П. И. Филатовым. Но в годы второй пятилетки эта новая организация труда не получила достаточно широкого распространения.

Молодой лесоруб-новатор П. П. Готчиев достойно оценил выгоду разделения труда на рубке леса, усовершенствовал формы и приемы работы лесорубочного звена, внес некоторые изменения в лучковую пилу и всем этим новаторством добился высокой производительности

¹ ЦГАОР, ф. 5546, оп. 23, д. 1271, лл. 129—130; ПА КФ ИМЛ, ф. 3, оп. 2, св. 33, л. 115.

² ЦГАОР, ф. 5546, оп. 23, д. 1271, лл. 129—130.

труда. За время с 8 октября 1938 г. по 20 января 1939 г. он с одним подсобным рабочим заготовил 3120 м³ древесины. В IV квартале его звено (два человека) довело выработку до 41 м³, а в январе 1939 г. — до 50 м³ древесины в день и перевыполняло установленные нормы в 3—4 раза¹.

Выполняя решения XVIII съезда ВКП(б), партийные организации Карелии улучшили организационно-хозяйственное и техническое руководство промышленными предприятиями, повели борьбу с текучестью рабочей силы, улучшили работу по выдвижению, воспитанию и расстановке кадров.

На работу в лесную промышленность — в тресты и леспромхозы — были направлены коммунисты, знающие лесозаготовительное производство. В 1939 г. число коммунистов рабочих-лесорубов выросло на 28% по сравнению с 1938 г. Существенную помощь Карельскому обкому ВКП(б) оказал ЦК ВКП(б), направив в леспромхозы и на механизированные лесопункты 52 партийных организатора ЦК². Партийные организации Карелии стали больше заниматься вопросами повышения авангардной роли коммунистов на производстве, укрепления своих связей с массами рабочих, техников, инженеров и служащих, вопросами организации и руководства новаторским движением. Это тоже сказалось на улучшении работы промышленных предприятий, а также нашло свое отражение в росте партийных рядов. Так, например, за одиннадцать месяцев 1939 г. в партию было принято около 300 лучших рабочих новаторов и передовых инженерно-технических работников лесозаготовительных предприятий³.

Партийные организации Карелии, выполняя решения XVIII съезда партии, проделали большую работу по организации социалистического соревнования и новаторского движения в республике и особенно в лесозаготовительной промышленности. Лесорубы и сплавщики Карелии вступили в социалистическое соревнование с лесорубами и сплавщиками Архангельской области за досрочное выполнение плана лесозаготовок в 1939 г. Они обязались заготовить и вывезти в 1939 г. 13,0 млн. м³ древесины против 10,0 млн. м³ в 1938 г. В социалистическое соревнование включились 1113 бригад, 261 мастерский участок и лесопункт, 30 леспромхозов и сплавных контор; свыше 12 тысяч рабочих взяли индивидуальные социалистические обязательства⁴.

В ходе социалистического соревнования росла инициатива и трудовая активность народных масс. Лесоруб-новатор П. П. Готчиев, совершенствуя организацию и методы работы на рубке леса, перешел от работы звеном к работе бригадой и с тремя подсобными рабочими стал заготавливать по 100 и более кубометров древесины на бригаду в день. Вскоре бригадный способ работы распространился и на другие лесозаготовительные предприятия республики. По методу Готчиева начали работать лесорубы Медвежьегорского леспромхоза — Абрамов, Фомин; Кондопожского леспромхоза — Рязнев; Ладвинского лесопункта — Иванов; Вилговского — Быков; Матросского — Тенхо; Паданского леспромхоза — Вапола и сотни других лесорубов. Они, как

¹ П. П. Готчиев. Рассказ о моей работе. Петрозаводск, 1944, стр. 7.

² ПА КФ ИМЛ, ф. 3, оп. 2, св. 11, д. 95, лл. 18—19; св. 34, д. 132, лл. 9—10; «Красная Карелия», 1940, 11 января, № 9.

³ ПА КФ ИМЛ, ф. 3, оп. 2, св. 11, д. 95, лл. 18—19; св. 34, д. 132, лл. 9—10; «Красная Карелия», 1940, 11 января, № 9.

⁴ ПА КФ ИМЛ, ф. 8, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 25; «Красная Карелия», 1940, 11 января, № 9.

и Готчиев, четко распределили работу в бригаде, хорошо освоили лучковую пилу, что резко повысило производительность труда¹.

Тракторист-новатор Пайского механизированного лесопункта Э. Партанен явился инициатором поездной вывозки леса на тракторе со сменными санями. Он довел среднюю производительность на трактор за смену до 482 м³, а нагрузку на рейс до 265 м³ древесины, вместо 90 м³ по плану. Освоив многокомплектную вывозку на сменных тележках², возчик Онежского лесопункта Кондопожского леспромхоза Кириллов стал вывозить на одной лошади по конно-рельсовой дороге 95 м³ древесины, вместо 22 м³ по плану³.

Замечательными чертами в соревновании лесорубов Карелии и Архангельской области являлись взаимопомощь и обмен опытом. Летом 1939 г. бригада сплавщиков Карелии в составе 22 человек выезжала в Архангельскую область, где 40 дней проработала на запани Яреньга и помогала архангельским сплавщикам в ликвидации прорыва. В ответ бригада рабочих Подюжского леспромхоза Архангельской области, руководимая лесорубом-новатором орденоносцем Улановым, приезжала в Карелию и обучила 140 лесорубов передовым методам рубки леса. Знатный лесоруб-новатор Архангельской области Гузиенко также приезжал в Карельскую АССР и делился с карельскими лесорубами своим опытом работы⁴.

Широко развернулось и личное соревнование новаторов Карелии и Архангельской области. Так, например, Готчиев соревновался с лесорубом Архангельской области Заборским; лесоруб Кондопожского леспромхоза Рязнев — с архангельским лесорубом Улановым; тракторист Пайского лесопункта Партанен (Карелия) — с трактористом Мамонтовым (Архангельская область) и т. д.

В самоотверженном труде на лесозаготовительных предприятиях зародилось движение пятнадцатитысячников. Бригады лесорубов, шоферов, возчиков, трелевщиков и трактористов по 5—6 человек стали брать социалистические обязательства заготовить или вывезти в течение года не менее 15 тыс. м³ древесины. Заготовка и вывозка такого количества леса в год была ранее по силам только целому небольшому лесопункту с десятками рабочих и служащих. Теперь это количество древесины стало заготавливаться или вывозиться силами одной бригады новаторов. Такой производительности труда лесная промышленность Карелии до этого не знала. В конце 1939 — начале 1940 гг. в движение пятнадцатитысячников включилось уже около 500 лесорубов, шоферов, возчиков, трелевщиков и трактористов Карелии. Все они успешно выполняли свои социалистические обязательства⁵.

Движение пятнадцатитысячников имело большое значение в борьбе за дальнейший рост производительности труда в лесозаготовительной промышленности Карелии. Являясь результатом и одновременно ярким выражением трудовой инициативы и активности рабочих лесозаготовительной промышленности, движение пятнадцатитысячников в ходе своего развития еще выше поднимало творческую активность масс.

¹ П. П. Готчиев. Указ. произв., стр. 24—27.

² Многокомплектная вывозка древесины на сменных санях и тележках была предложена колхозником лесорубом Петровского района Карельской АССР И. В. Газруковым. Сменные сани и тележки ликвидировали простой лошадей во время погрузки и разгрузки веза.

³ «Красная Карелия», 1939, 30 сентября, № 224; 18 октября, № 239; 19 октября, № 240; ПА КФ ИМЛ, ф. 3, оп. 21, св. 837, д. 482, л. 55.

⁴ ПА КФ ИМЛ, ф. 3, оп. 21, св. 827, д. 482, лл. 55—56, 66, 72.

⁵ «Красная Карелия», 1940, 16 апреля, № 88.

Пятнадцатитысячники потребовали от хозяйственных руководителей улучшения руководства предприятиями, перестройки организации труда на производстве.

Лесорубы-пятнадцатитысячники Матросского лесопункта — Тенхо, Корхонен, Паюнен и Айраксинен предложили через газету «Тотуус» внести в практику заключение двухсторонних социалистических договоров между рабочими и администрацией. По договору, заключенному с администрацией, они обязались заготовить в течение года на бригаду 15 тыс. м³ высококачественной древесины, а администрация лесопункта обязалась закрепить за ними определенную делянку, обеспечить их хорошим инструментом, организовать доставку обедов на место работы, не разбивать бригады и не переводить ее на другие работы¹. Такие двухсторонние социалистические договоры, заключенные в 1940 г. на многих лесопунктах, содействовали улучшению руководства предприятиями и соревнующимися бригадами.

Обком ВКП(б), правительство Карельской АССР, местные партийные и советские организации терпеливо и настойчиво пропагандировали передовые методы работы в лесу, решительно боролись с проявлениями косности, рутинности и бюрократизма. Всемерно поддерживая и пропагандируя опыт новаторов-пятнадцатитысячников, партийная организация и правительство республики обязали руководителей лесных предприятий организовать с 1940 г. работу всех лесорубов исключительно бригадным способом, а на вывозке леса широко применять сменные сани и тележки. На лесных предприятиях были созданы новаторские школы, в которых сотни лесорубов, бригадиров и мастеров изучали и осваивали опыт работы передовых рабочих-лесозаготовителей².

По инициативе партийных организаций на лесозаготовительных предприятиях стали чаще проводиться слеты новаторов, собрания партийно-хозяйственного актива, производственные совещания, посвященные вопросам улучшения производства и обмену опытом новаторской работы, была организована систематическая проверка выполнения социалистических обязательств и договоров. Эти массовые мероприятия оказали большое организующее и воспитательное влияние. По призыву Всекарельского слета новаторов в октябре 1939 г. в новаторское движение включились 2916 лесорубов, трелевщиков и возчиков, которые обязались за осенне-зимний сезон 1939/40 гг. заготовить 2111,0 тыс. м³ древесины, а также стреловать и вывезти сверх плана большое количество леса. Во время массовой проверки выполнения социалистических договоров в декабре 1939 г. от рабочих и специалистов лесозаготовительных предприятий Карелии поступило 2130 предложений, направленных на улучшение работы³.

Первым помощником партийной организации в борьбе за развитие промышленности являлся комсомол. Комсомольцы показывали образцы высокой производительности труда, были передовиками производства. Комсомольско-молодежные бригады на лесозаготовительных предприятиях выполняли план на 150—200%. Комсомольцы являлись вожаками молодежи в социалистическом соревновании, рациона-

¹ Архив Совета Министров Карельской АССР (АСМ КАССР), ф. Управл. дел., 1940, д. 14, лл. 85—88; «Тотуус» («Правда»), 1940, 16 августа, № 73; «Ленинское знамя», 1940, № 196.

² ПА КФ ИМЛ, ф. 8, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 26; «Ленинское знамя», 1940, 31 августа, № 201; 18 сентября, № 216.

³ ПА КФ ИМЛ, ф. 3, оп. 2, св. 34, л. 132, л. 9; ф. 8, оп. 1, св. 2, д. 5, л. 10; «Красная Карелия», 1940, 12 января, № 10.

лизаторами и новаторами производства. Среди лесорубов-новаторов Карелии видное место занимали комсомольцы П. Готчнев, А. Вапола, Е. Непина и другие. По инициативе мастера Кемского леспромхоза комсомольца Макарова, организовавшего на своем лесоучастке выполнение нормы всеми рабочими, развернулось всекарельское соревнование мастеров леса за выполнение плана всеми рабочими. По призыву комсомолки Е. Непиной 1200 девушек и женщин республики вышли на работу в лес и овладели профессиями лучкистов, шоферов, трактористов¹.

Реализуя решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР и решения XVIII съезда ВКП(б) о ликвидации отставания в развитии лесозаготовок, партийные, советские и хозяйственные организации Карелии добились в 1939 г. выполнения плана лесозаготовительных работ всеми основными лесозаготовительными организациями республики. Впервые за последние несколько лет тресты «Южкареллес», «Секареллес» Наркомлеса СССР выполнили план по заготовке леса на 100,2%, а план по вывозке на 102% и вывезли 6522 тыс. м³ древесины, что на 1233 тыс. м³ превышало вывозку 1938 г. Если за 1938 г. предприятия Наркомлеса СССР снизили вывозку древесины на 8%, то за 1939 г. она увеличилась в сравнении с предшествующим годом на 23,3%. Всего по республике в 1939 г. всеми лесозаготовительными организациями было вывезено 13314 тыс. м³ древесины, а годовой прирост валовой продукции лесозаготовительной промышленности составлял 28,4%².

Лесозаготовительные предприятия Наркомлеса в Карелии добились в 1939 г. большого увеличения вывозки древесины не за счет роста численности рабочих (среднегодовое число рабочих в 1939 г. почти не изменилось в сравнении с 1938—1937 гг.), а главным образом за счет повышения производительности труда, достигнутого на основе развития социалистического соревнования и новаторского движения в республике. Число новаторов на лесозаготовительных предприятиях Наркомлеса Карелии увеличилось в 1939 г. до 5146 человек, а в 1940 г. до 9 тыс. человек против 1500 человек в 1937 г.; число соревнующихся-ударников составило в начале 1940 г. более 12 тыс. человек. На основе трудовой инициативы и активности новаторов и всех рабочих на предприятиях Наркомлеса производительность труда увеличилась в 1939 г. на заготовке до 114%, а на вывозке до 127% к плану. На рубке леса средняя дневная выработка составила 6,8 м³ на рабочего, на вывозке — 8 м³. В республике появились целые лесоучастки и лесопункты, где средняя производительность труда на рубке леса превышала 10 м³ на человека в день, а производительность труда новаторов доходила до 12—13 и более кубометров³.

Быстрому росту производительности труда способствовало дальнейшее увеличение численности постоянных рабочих на лесозаготовительных предприятиях и рост материальной заинтересованности рабочих в результатах своего труда. Если общая численность рабочих на

¹ «Комсомолец Карелии», 1940, 14 января, № 7; 30 марта, № 43; 3 июня, № 77; «Красная Карелия», 1940, 3 марта, № 51; 15 февраля, № 37.

² ПА КФ ИМЛ, ф. 3, оп. 2, св. 34, л. 132, лл. 9—15; ф. 8, оп. 1, св. 2, д. 5, л. 10; ф. 3, оп. 1, св. 13, л. 102, л. 2; Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. Петрозаводск, 1957, стр. 22.

³ ПА КФ ИМЛ, ф. 8, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 25; св. 2, д. 5, лл. 52, 79; ф. 3, оп. 2, св. 34, л. 132, л. 9; «Красная Карелия», 1940, 11 января, № 9; 31 августа, № 201.

этих предприятиях за 1937—1939 гг. почти не изменилась, то численность постоянных рабочих за эти годы увеличилась на 46% — с 12 421 человека в 1937 г. до 18 150 человек в 1939 г. Это были рабочие кадры, выросшие в значительной части из коренного населения республики. Из среды этих постоянных рабочих выдвинулись замечательные мастера лесозаготовок — Филатов, Паюнен, Готчиев, Гавруков, Рязнев, Быков, Кольцов, Сыромолотов, Вапола, Партанен, Тенхо и многие другие. Показывая образцы высокой производительности труда, постоянные рабочие-новаторы вели за собой всю массу рабочих¹.

Большую роль в повышении материальной заинтересованности рабочих в результатах своего труда сыграла новая прогрессивно-премиальная система оплаты труда, введенная в лесной промышленности постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) об улучшении работы лесной промышленности СССР. Только за 1939 г. предприятия Наркомлеса в Карелии выплатили лесорубам, трелевщикам, возчикам и трактористам премий-надбавок за выполнение и перевыполнение плана в сумме 15 млн. руб., а в 1940 г. — уже 21 млн. руб. Средняя дневная заработная плата рабочих ведущих профессий на предприятиях Наркомлеса увеличилась за один 1939 г. у лесорубов на 93%, у возчиков — на 49%, у трелевщиков — на 45% и у трактористов — на 30%².

Увеличению вывозки леса в 1939 г. способствовал рост механизированного транспорта. За два года третьей пятилетки тракторный парк на лесозаготовках увеличился на 21% и составил 328 тракторов, автомобильный парк — на 24,8% и составил 366 машин. Механизированная вывозка древесины выросла с 25,5% в 1937 г. до 28,4% в 1939 г. Трест «Южкареллес» добился наилучших результатов: здесь в 1939 г. механизированным транспортом было вывезено 45,2% всей древесины.

Однако приведенные данные подтверждают, что объем механизированной вывозки леса в предвоенные годы рос все же медленно. В 1939 г. гужевым транспортом было вывезено еще более 2/3 всего объема годовой вывозки древесины, который равнялся 9 млн. кубометров³.

Рост выпуска валовой продукции лесозаготовительной промышленности Карелии в 1939 г. объясняется также укреплением производственных связей между лесозаготовительными организациями и колхозами. В предвоенные годы колхозы Карелии давали лесозаготовительной промышленности республики около 25% сезонной рабочей силы (до 10 тыс. человек ежегодно), которая имела опыт и навыки работы в лесозаготовительном производстве. Многие колхозы значительно увеличили свои доходы от лесозаготовок и подняли денежную часть стоимости трудодня. В личном бюджете колхозников — лесорубов и возчиков — заработки от лесозаготовок стояли на втором месте после доходов от общественного хозяйства⁴.

Установленный партией и правительством порядок организованного набора рабочей силы, укрепил деловые связи между лесозаготовительными предприятиями и колхозами. Многие механизированные лесопункты помогали колхозам в ремонте сельскохозяйственных машин и инвентаря. Возрицкий механизированный лесопункт Медвежьегорского района помог ближайшим колхозам в перевозке хуторских построек.

¹ ЦГА КАСР, ф. 700, оп. 16, д. 30/242, л. 4.

² ПА КФ ИМЛ, ф. 8, оп. 1, св. 2, д. 5, лл. 19, 52, 62; Год творческого созидания. Петрозаводск, 1941, стр. 26.

³ ПА КФ ИМЛ, д. 3, оп. 1, св. 11, д. 95, лл. 80—81; св. 17, д. 120, л. 8; ЦГА КАСР, ф. 1532, оп. 1, д. 50/706, л. 32.

⁴ «Красная Карелия», 1940, 11 января, № 9; 3 февраля, № 27.

Во время весенних полевых работ и уборки урожая лесопункты помогали колхозам, выделяя лошадей.

Первые годы третьей пятилетки были новым шагом по пути индустриализации Карелии. За 1938—1939 гг. в народное хозяйство и культуру Карельской АССР было вложено 645 млн. руб., т. е. в 1,8 раза больше, чем за всю первую пятилетку. Из общей суммы капиталовложений 70% было вложено на промышленное строительство. Если в лесозаготовительной промышленности рост основных фондов шел в первые годы третьей пятилетки главным образом за счет механизации существующих предприятий, то в других отраслях промышленности основные фонды росли по линии капитального строительства и пуска в эксплуатацию новых предприятий. За 1938—1939 гг. число действующих предприятий Карелии увеличилось на 33 единицы. Среди предприятий, пущенных в эксплуатацию в эти годы, был крупнейший в СССР и в Европе Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, первая очередь которого вступила в строй в июле 1939 г. Мощность Сегежского целлюлозно-бумажного комбината в 2,5 раза превышала мощность Кондопожского бумажного комбината. В связи со вступлением в строй Сегежского комбината основные фонды целлюлозно-бумажной промышленности Карелии увеличились в 4,3 раза¹. Современное техническое оборудование на целлюлозно-бумажных комбинатах позволило создать рабочим этих предприятий благоприятные условия для борьбы за рост производительности труда.

В годы третьей пятилетки новаторское движение на фабриках и заводах Карелии становилось все более массовым. На Онежском заводе в 1939 г. новаторы и ударники составили более 50% к общему числу рабочих, против 34% в 1937 г. В том же году новаторов и ударников насчитывалось на лыжной фабрике 77%, на слюдяной — 71% всего количества рабочих. В Петрозаводском отделении Кировской железной дороги число новаторов только за один 1939 г. увеличилось более чем в 2,5 раза и составило около 3800 человек².

Многостаночное движение, совмещение профессий и другие формы труда новаторов получили в республике дальнейшее развитие. В 1939 г. на Онежском заводе 52 новатора работали на 112 станках и выполняли план в среднем на 300—400%. Новаторы Харламов, Омелин и Алексеев, работая каждый на трех станках, выполняли норму на 150 и более процентов на каждый станок³.

Вслед за новаторами Онежского завода на многостаночное обслуживание перешли также токари Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината, рабочие Беломорского лесозавода № 2, Кемского железнодорожного депо, Повенецкого судоремонтного завода и других предприятий⁴.

В цехах Онежского завода десятки рабочих стали совмещать по две профессии и успешно справлялись с работой. В цехе № 9 рабочие Копанев и Богданов работали на токарных станках и на заточке инструмента одновременно и с обеими работами справлялись хорошо. На Кондопожском пегматитовом заводе работницы Иванова, Феофанова и Михайлова обслуживали по два разных агрегата. Совмещение

¹ ЦГА КАСР, ф. 1532, оп. 1, д. 50/706, л. 32.

² ПА КФ ИМЛ, ф. 8, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 25; св. 2, д. 5, лл. 51, 52, 79; «Онежец», 1939, 13 мая, № 67; 7 июня, № 77.

³ «Онежец», 1939, 21 октября, № 141.

⁴ «Онежец», 1938, 31 декабря, № 179; 1939, 5 октября, № 133; 25 мая, № 72; «Красная Карелия», 1939, 30 декабря, № 289; 1940, 8 января, № 6; 17 апреля, № 89; «Комсомолец Карелии», 1940, 1 января, № 1; 10 февраля, № 19.

профессий получило распространение также на Петрозаводском лесопильном заводе и на других предприятиях республики¹.

Принятые партией и правительством решения о широкой механизации лесозаготовительной промышленности потребовали нового изменения профиля производства Онежского завода², реорганизации его в предприятие лесного машиностроения. Чтобы выполнить эту задачу, коллективу рабочих и инженерно-технических работников завода пришлось преодолеть огромные организационные и технические трудности. Освоение производства тракторных газогенераторов типа Л-С-3 явилось практическим выполнением решения партии и правительства о переводе автотранспортного парка на лесозаготовках с жидкого топлива на местное твердое топливо.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР на Онежский завод была возложена ответственная задача — выпустить в 1939 г. 1000 газогенераторных установок для тракторов. Завод не имел для производства газогенераторов должного технического оборудования. Из-за отсутствия требуемого технического оборудования качество выпускаемых газогенераторов вначале было низкое, а их себестоимость высокая. Коэффициент использования имеющегося на заводе оборудования не превышал 65%.

Партийная организация Онежского завода возглавила борьбу рабочих и инженерно-технических работников за освоение производства газогенераторов. Изучив опыт Челябинского и Московского заводов по производству тракторных газогенераторов, онежцы наметили свой план организации нового производства. Силами рабочих была проведена реконструкция важнейших заводских цехов. На заводе был разработан так называемый план внедрения малой механизации, который предусматривал внесение усовершенствований в имеющуюся технику и борьбу за ее более полное использование³.

Рабочие, инженеры, техники — изобретатели Онежского завода проявили немало образцов новаторского труда и выдумки для выполнения правительственного задания по выпуску 1000 штук газогенераторов для лесной промышленности. Планировщик цеха № 6 С. К. Захарченко внес рационализаторское предложение по замене ручного способа изготовления ряда деталей газогенератора штамповочным, что повысило производительность труда на этих операциях в среднем в 8 раз. По старому техническому процессу для изготовления детали газогенератора № 141 (рычаг) нужно было проделать две операции: резку на заготовки на ножницах и ковку детали на наковальне. Дневная норма на одного кузнеца составляла 21 рычаг. С. К. Захарченко предложил сделать штамп и выбивать рычаги под трехтонным молотом. После осуществления такого предложения кузнец стал вырабатывать

¹ «Онежец», 1940, 19 марта, № 36; «Красная Карелия», 1940, 10 февраля, № 19; 18 марта, № 76; «Новая Кондопога», 1940, 1 января, № 1.

² Онежский машиностроительный и механический завод в первые годы Советской власти ремонтировал паровозы и подвижной состав Мурманской (ныне Кировской) железной дороги, в 1927—1933 гг. производил дорожные машины, являясь пионером дорожного машиностроения в СССР, а в 1934—1935 гг. специализировался на производстве паровых машин и двигателей внутреннего сгорания для речных и озерных судов и буксирных пароходов. В 1936 г. Онежский завод перешел в ведение треста «Лесосудомашстрой» Наркомлеса СССР и стал специализироваться как завод лесного машиностроения.

³ ПА КФ ИМЛ, ф. 8, оп. 1, св. 2, д. 5, лл. 41—42; «Онежец», 1939, 9 января, № 4; 5 апреля, № 53; 1940, 29 февраля, № 26; 25 марта, № 39.

за смену 350 рычагов. По производству только одной этой детали Захарченко дал заводу экономии почти на 17 тыс. руб. в год¹.

Рационализатор цеха № 17 водопроводчик Н. Варламов предложил усовершенствовать производство другой детали газогенератора (воротка), изготавливать ее не ручным способом, а на станке. Его предложение также дало заводу 17 тыс. руб. экономии в год².

Рационализаторские предложения инженеров, техников и рабочих завода по усовершенствованию производства газогенераторов позволили заводу почти наполовину отказаться от дорогостоящей и низкокачественной механической обработки деталей и перейти на более производительное изготовление их в штампах и приспособлениях. Этот метод обработки деталей также существенно облегчил труд рабочих. Внедрение полученных рационализаторских предложений в производство дало экономии государственных средств в сумме более 300 тыс. руб. в год³.

Освоив производство газогенераторов и получив от лесной промышленности заказ на их поставку в течение целого ряда лет, онежцы создали себе благоприятные условия и возможности для повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции. В 1939 г. Онежский завод выпустил 937 газогенераторов (рост в сравнении с 1938 г. в 3 раза) и снизил их себестоимость в 2,5 раза⁴. Кроме того завод дал лесозаготовительным предприятиям тракторные прицепы, топоры и другое оборудование.

Больших успехов коллектив рабочих, инженеров и техников Онежского завода добился в годы третьей пятилетки и в области выплавки высококачественной хромо-молибдено-алюминиевой стали, хотя он не был специализированным сталелитейным заводом. Выплавка такой высококачественной марки стали в обыкновенной мартеновской печи, а не в электропечи, до этого не была известна в практике отечественной металлургии и за границей.

Онежский завод стал выплавлять такую сталь, при переработке которой количество бракованных деталей снизилось более чем в 10 раз. Это достижение онежцев было настолько значительным, что им заинтересовались многие крупные металлургические комбинаты страны. При попытках плавить сталь ХМЮА-38 в мартеновской печи коллектив Кировского завода в Ленинграде столкнулся с трудностями. Продукция не достигала нужного качества. По приглашению Кировского завода главный металлург Онежского завода инженер Б. В. Севрук и старший мастер мартеновского цеха П. А. Жидков ездили передавать опыт онежских сталеваров кировцам⁵.

Партийные организации лыжной и слюдяной фабрик Петрозаводска настойчиво добивались использования на своих предприятиях всех внутренних производственных возможностей по росту производительности труда и увеличению выпуска валовой продукции. На фабриках были созданы новаторские школы и организована техническая учеба с прикреплением молодых рабочих на выучку к опытным рабочим-новаторам, широко практиковался обмен опытом и поощрялась изобретательская деятельность и рационализаторская мысль. От внедрения в производство рационализаторских предложений фабрики получали сотни тысяч рублей экономии ежегодно. Петрозаводская лыжная

¹ «Онежец», 1939, 17 февраля, № 24.

² Там же, 22 июня, № 84.

³ ПА КФ ИМЛ, ф. 8, оп. 1, св. 2, д. 5, лл. 41—42; «Онежец», 1939, 9 января, № 4; 5 апреля, № 53; 1940, 29 февраля, № 26; 25 марта, № 39.

⁴ Там же.

⁵ «Онежец», 1941, 8 января, № 3.

фабрика выполнила план 1939 г. на 113,5% и увеличила выпуск валовой продукции на 20,7%, выработку на одного рабочего — на 25,9%. Фабрика выпустила за год 333,4 тыс. пар лыж и заняла по их производству второе место в Советском Союзе¹. Слюдяная фабрика Петрозаводска, соответственно, выполнила план на 106,1%, увеличила выпуск валовой продукции за 1939 г. на 25,4% и добилась роста выработки на одного рабочего на 33,9%².

1939 г. стал годом начала нового подъема промышленности Карелии. Благодаря росту политической и производственной активности рабочих, инженеров и техников, все отрасли промышленности республики в этом году значительно улучшили свою работу. В сравнении с 1938 г. выпуск валовой продукции в 1939 г. увеличился на 18,7% в неизменных ценах 1926—1927 гг. Улучшились качественные производственные показатели промышленных предприятий, выросла производительность труда, снизилась себестоимость продукции, лучше был выполнен план по номенклатуре продукции. Увеличение выпуска валовой продукции во всех отраслях промышленности было достигнуто главным образом за счет повышения производительности труда³.

После XVIII съезда ВКП(б) партийные, советские и хозяйственные организации Карелии усилили внимание к запросам и нуждам промышленности, улучшили организационное и производственно-техническое руководство промышленными предприятиями. Это явилось важнейшим условием дальнейшего подъема трудовой активности рабочих и инженерно-технических работников во всех отраслях промышленности.

Новые успехи в развитии промышленности Карелии в годы третьей пятилетки были достигнуты в результате организующей и направляющей деятельности Коммунистической партии, самоотверженного труда рабочих и инженерно-технических работников фабрик, заводов.

Рост технической вооруженности промышленности республики явился материальной основой для улучшения ее производственных показателей. На основе претворения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии за годы предвоенных пятилеток в народное хозяйство и культуру Карелии было вложено 2,5 млрд. руб., в том числе 1,5 млрд. руб. за три года третьей пятилетки. Таковую сумму бывшая национальная окраина, отсталая и экономически слаборазвитая, какой была Карелия до Октябрьской революции, своими силами не смогла бы изыскать. Это стало возможным благодаря бескорыстной помощи братской семьи советских народов и прежде всего русского народа.

Трудовая инициатива и активность рабочих Карелии наглядно проявилась в социалистическом соревновании имени третьей пятилетки, в борьбе за выполнение решений XVIII съезда ВКП(б). Во всенародном движении за выполнение заданий третьей пятилетки ярко проявились черты советского человека — социалистическое отношение к труду, советский патриотизм, дружба и морально-политическое единство народов СССР. Коммунистическая партия одержала победу не только в области экономического переустройства общества, но и в деле воспитания нового советского человека, строителя социализма и коммунизма.

¹ ПА КФ ИМЛ, ф. 8, оп. 1, св. 2, л. 5, лл. 27, 34—35, 50, 53; АСМ КАССР, ф. Управл. дел., 1940, д. 5, л. 274.

² Там же.

³ ЦГА КАССР, ф. 1532, оп. 1, д. 50/706, лл. 6—9.

Выступая на пленуме Карельского обкома ВКП(б) в январе 1939 г. лесоруб-новатор Карелии Петр Готчиев говорил: «Я, товарищи, молодой рабочий. Мне 20 лет. Я родился и вырос при Советской власти. Ленинский комсомол воспитал меня преданным сыном родины. Партийная организация лесопункта на днях приняла меня в кандидаты партии. Я постараюсь оправдать это великое доверие, все свои силы и знания отдам строительству коммунизма»¹.

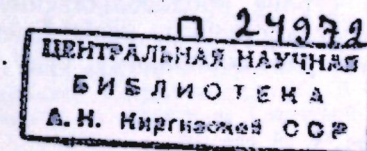
Новое, социалистическое отношение к труду ярко проявилось в новаторском движении, которое и в Карелии в годы третьей пятилетки становилось все более массовым движением трудящихся. Не рекорды отдельных новаторов, а высокопроизводительный новаторский труд целых коллективов рабочих — смен, цехов, лесоучастков — стал в этом движении характерным. Если новаторское движение в промышленности Карелии в годы второй пятилетки развивалось преимущественно по линии лучшего использования имеющейся технической базы, то теперь, в годы третьей пятилетки, новаторы стали больше работать и над творческим изменением самой техники.

Как и по всей стране, новаторское движение было решающим фактором роста производительности труда в промышленности Карелии. Особенно богата патриотическими трудовыми подвигами борьба новаторов-лесорубов за рост производительности труда.

В лесозаготовительной промышленности и в годы третьей пятилетки продолжал преобладать ручной труд, особенно на рубке леса, которая полностью оставалась еще не механизированной. Но несмотря на это, лесорубы-пятнадцатитысячники добились небывалой в истории лесозаготовительной промышленности производительности труда. Объясняется это изменением как характера труда лесоруба, так и его новым, социалистическим отношением к труду. В отличие от каторжного труда дореволюционного лесоруба на лесопромышленника, труд советского лесоруба стал свободным творческим трудом рабочего на себя, на свое социалистическое государство.

Новаторы-лесорубы овладели техникой лесозаготовительного дела, продумали организацию своей работы, явились примером дисциплины, аккуратности и точности в труде.

Новаторское движение способствовало укреплению дружбы и морально-политического единства советских народов. В ходе развития движения новаторов и на его основе трудящиеся Карелии — карелы, русские, финны, вепсы все теснее сплачивались в единую творческую трудовую семью. Социалистическое соревнование лесорубов Карелии с архангельскими лесорубами, взаимный обмен опытом работы, товарищеская взаимопомощь, соревнование и дружба новаторов — карел, русских, финнов, вепсов — все это является примерами укрепления дружбы народов СССР.

¹ «Красная Карелия», 1939, 30 января, № 24.

Г. Н. БОГДАНОВА

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ БЕДНОТЫ
В КАРЕЛИИ

Упрочение Советской власти происходило в условиях ожесточенной классовой борьбы и усиления агрессивной деятельности империалистов. Одной из главных контрреволюционных сил внутри страны было кулачество, оказывавшее бешеное сопротивление мероприятиям Советской власти в области земельной и продовольственной политики. Являясь главными обладателями хлебных излишков, кулаки отказывались продавать государству хлеб и тем самым обрекали рабочих, Красную Армию и деревенскую бедноту на голод. Костлявой рукой голода кулаки хотели уничтожить Советскую власть.

С весны 1918 г. усилился процесс объединения иностранной и внутренней контрреволюции. Летом 1918 г. платные агенты иностранных империалистов организовали кулацкие восстания в Поволжье, Сибири и других районах страны. «Кулацкое восстание, чехословацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию», — писал В. И. Ленин¹.

В обстановке ожесточенной борьбы против внешних и внутренних врагов перед рабочим классом и Коммунистической партией встала задача сплочения беднейших слоев трудящегося крестьянства на борьбу против контрреволюционного кулачества. Только таким путем можно было укрепить Советскую власть в деревне и обеспечить хлебом армию и население городов. Организация и сплочение бедноты являлось дальнейшим этапом в развертывании социалистической революции. «Первым этапом, — указывал В. И. Ленин, — было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты — не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне»².

Важным шагом в решении задачи сплочения бедноты и подавления сопротивления кулачества был декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г., устанавливающий в стране продовольственную диктатуру. На хлеб вводились твердые государственные цены. Спекулянты хлебом и саботажники подвергались революционному суду и конфискации имущества³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 12.² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 180.³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 1918, № 35, ст. 468.

Решающую роль в деле объединения бедноты, в подавлении сопротивления деревенской буржуазии и обеспечении голодающего населения хлебом сыграли продовольственные отряды, направленные в деревню из Петрограда, Москвы и других промышленных центров страны.

Одновременно с организацией продовольственных отрядов Советская власть приступила к созданию специальных органов деревенской бедноты. 11 июня 1918 г. на заседании ВЦИК был принят декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости». Местным Советам предлагалось во всех селах и деревнях организовать комитеты бедноты. Комбеды должны были распределять продовольствие, сельскохозяйственный инвентарь, оказывать содействие местным продовольственным органам в изъятии излишков хлеба у кулаков. Согласно декрету в выборах в комитеты бедноты принимали участие все крестьяне за исключением кулаков.

В течение лета и осени 1918 г. в республике было организовано около 80 тыс. волостных и сельских комитетов бедноты¹. Оценивая их значение, В. И. Ленин писал: «Образование в деревне комитетов бедноты было поворотным пунктом и показало, что рабочий класс городов, объединившийся в Октябре со всем крестьянством для того, чтобы разбить главного врага свободной, трудящейся и социалистической России, чтобы разбить помещиков, — от этой задачи пошел вперед, к гораздо более трудной и исторически более высокой и действительно социалистической задаче — и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу, и в деревне пробудить сознание»².

В Карелии организация комитетов бедноты совпала с началом наступления англо-франко-американских интервентов, оккупировавших Карельское Поморье и предпринявших наступление вдоль линии Мурманской железной дороги по направлению к Петрозаводску³.

Наступление интервентов активизировало деятельность всех анти-советских элементов.

Мероприятия Советской власти по организации комитетов деревенской бедноты встретили яростное сопротивление со стороны кулачества и их единомышленников «левых» эсеров, пользовавшихся еще значительным влиянием среди трудящегося крестьянства. На IV Чрезвычайном Олонецком губернском съезде Советов (25 июня — 4 июля 1918 г.) «левым» эсерам удалось протолкнуть резолюцию против создания в губернии продотрядов и комитетов деревенской бедноты.

Левозерское большинство Олонецкого губисполкома, ссылаясь на резолюцию губернского съезда, задерживало осуществление в крае декрета Советского правительства об организации комитетов бедноты. Длительное время саботировали формирование комбедов Пудожский и Олонецкий уездные исполкомы, возглавляемые «левыми» эсерами⁴.

¹ История гражданской войны в СССР, т. 3, М., 1957, стр. 159.² В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 316.³ Некоторые сведения об организации и деятельности комитетов бедноты имеются в следующих работах: В. И. Машезерский. Установление Советской власти в Карелии (1917—1918). Петрозаводск, 1957; М. И. Шумилов. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти (1917—1918). Петрозаводск, 1957; Комитеты бедноты Северной области. Сборник документов. Л., 1947; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1957; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за укрепление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957.⁴ Центральный государственный архив Карельской АССР (ЦГА КАСР), ф. 319, оп. 1, д. 2/26, л. 7; ф. 249, оп. 1, д. 1/14, лл. 58, 158; В борьбе за власть Советов, стр. 129.

Изгнание «левых» эсеров из состава Олонецкого губисполкома и образование губревисполкома (16 июля 1918 г.) позволило окружному комитету партии и губревисполкому принять действенные меры по организации в деревнях края комбедов. По решению Петрозаводского окружного комитета РКП(б) на места для организации комитетов бедноты были направлены коммунисты: Т. Д. Анисимов, Х. Г. Дорошин, А. Н. Светицкий, Н. А. Смирнов, П. Морозов, Ф. З. Шумилов, Щировский, П. В. Кулагин, А. А. Зуев, А. С. Метелкин, Н. Н. Дорофеев, Д. З. Акулов и Соломкин¹. В помощь им были выделены лучшие агитаторы, которыми располагала тогда губернская партийная организация. Для осуществления практического руководства работой в деревне Окружным комитетом партии было образовано бюро по организации комбедов².

Большую роль в деле организации комбедов сыграла I Олонецкая губернская партийная конференция, состоявшаяся в Петрозаводске 6—7 августа 1918 г. Обсудив вопросы о продовольственном положении в губернии и положении в деревне, конференция вынесла постановление об оказании всяческой поддержки деревенской бедноте в борьбе с кулачеством, в создании комитетов бедноты³.

Руководствуясь декретом Советского правительства об организации комбедов, группа местных коммунистов — организаторов комбедов выработала «Положение о комитетах деревенской бедноты», в котором излагался порядок выборов в волостные и сельские комитеты бедноты, определялся состав и функции волостных и сельских комбедов. Комитеты бедноты должны были брать на учет излишек продовольствия, контролировать распределение продуктов и орудий производства между нуждающимися и проводить учет хлеба будущего урожая. В целях политического воспитания деревенской бедноты комбеды были обязаны обеспечивать своих членов литературой и газетами, устраивать частные собеседования и коллективные чтения с разъяснениями⁴. Следует отметить, что в «Положении...» допускалось отклонение от основной линии Коммунистической партии, направленной на привлечение в комбеды крестьян-середняков. Согласно инструкции, в выборах в комбеды участвовали только крестьяне-бедняки. Эта ошибочная установка группы местных коммунистов сказалась в дальнейшем на организации и деятельности некоторых комитетов деревенской бедноты, о чем будет сказано ниже.

21 августа 1918 г. группа коммунистов — организаторов комбедов через газету «Известия Олонецкого губсовета» обратилась к крестьянам — беднякам Олонецкой губернии с призывом организовать комбеды и усилить работу по проведению учета хлеба и распределения его среди голодающих⁵.

В карельской деревне разгоралась ожесточенная классовая борьба между беднотой и кулачеством. Кулаки, сосредоточив в своих руках лучшие земли, инвентарь, тягловую силу и излишек хлеба, стремились утвердить свое политическое господство в деревне. Пользуясь недостаточной организованностью бедноты и своей экономической силой, они привлекали на свою сторону часть среднего крестьянства и пробира-

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов под ред. В. И. Машезерского и Н. Ф. Славина. Петрозаводск, 1957, стр. 410.

² М. И. Шумилов. Указ. произв., стр. 151.

³ Там же, стр. 81, 84.

⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 411—412.

⁵ «Известия Олонецкого губернского Совета», 1918, 21 августа, № 160.

лись в местные Советы. Декрет о комбедах привел в ярость кулаков. Путем подкупов, провокаций, клеветы на Советскую власть они стремились не допустить сплочения деревенской бедноты и всячески противодействовали организации комбедов. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и заявления крестьян в местные партийные и советские органы об оказании помощи в формировании комбедов¹. Так, в письме Бережнодубровского волысполкома Пудожского уезда в Совет Народных Комиссаров от 29 августа 1918 г. говорилось: «Товарищи, окажите нам помощь моральную и пришлите человека, способного нас поддержать. Время серьезное, враг на носу, спать некогда, нет сил своих, насколько возможно прилагаем все силы к проведению в жизнь декретов. Почта саботирует благодаря начальнику Коневского почтово-телеграфного отделения Махонину, телеграммы наши задерживаются, из газет получаем не более трети номеров и то без всякого порядка. Номера с какими-либо важными известиями попадают не нам, а нашим противникам. Там же на почте есть враги наши (племянники наших кулаков). Нас подкупали, массу, которую мы хотим просветить, подпаивают и натравливают на нас...»²

В некоторых волостях Петрозаводского уезда кулакам удалось затормозить организацию комбедов. Крестьяне Сенногубской волости, находясь под влиянием кулаков и их ставленников, на общем волостном собрании 15 сентября 1918 г. отклонили предложение о создании в волости комитетов бедноты³. Против организации комбедов выступили также крестьяне деревень Ерошкина Сельга и Уя Ладвинской волости Петрозаводского уезда⁴. Там же, где антисоветская агитация не имела успеха, кулаки старались проникнуть или проташить своих единомышленников в состав комитетов бедноты. В Ялгубском комитете бедноты большинство членов оказалось из кулаков. В результате комитет бедноты стал орудием в руках кулачества, не проводил реквизиций хлебных излишков и направил свою деятельность против крестьян-бедняков⁵.

В некоторых сельских местностях кулаки и их единомышленники, засевавшие в волостных и сельских Советах, не признавали уже созданных комбедов, считали их незаконными и не подчинялись их распоряжениям. Так, например, кулаки Сунской волости Петрозаводского уезда не признали образованного в августе 1918 г. Тулгубского комитета бедноты и отказались выполнять его постановления⁶.

В большинстве случаев кулацкие вылазки кончались поражением. Во время выборов в комитеты бедноты в д. Большие Горы Видлицкой волости Олонецкого уезда кулаки и торговцы пытались проташить в комбед церковного старосту кулака Олькина и даже контрабандиста Кимаева. Однако передовая часть крестьянства сумела оказать отпор кулачеству и избрала в состав комитета бедноты лучших представителей деревни: А. Богданова, Н. Миккоева, С. Богданова, Е. Маркова⁷.

Партийным и советским организациям Карелии необходимо было принять решительные меры, чтобы сломить сопротивление кулацких элементов, выступавших против организации комитетов бедноты и учета продовольствия. 26 августа 1918 г. Олонецкий губревисполком, рассмо-

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 416—417, 420.

² Там же, стр. 416.

³ ЦГА КАСР, ф. 29, оп. 1, д. 4/46, л. 6.

⁴ В. И. Машезерский. Указ. произв., стр. 186.

⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 441.

⁶ Там же, стр. 413.

⁷ В борьбе за власть Советов, стр. 147.

трев вопрос об отказе Пудожского уездного Совета приступить к организации комбедов, принял постановление о передаче дела для расследования в губернскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, поручив последней «привлечь к ответственности всех лиц, не подчиняющихся декретам центральной Советской власти»¹. На заседании 8 сентября Олонецкий губсовет утвердил обязательное постановление, по которому: 1) прекращался отпуск нормированных продуктов тем уездам и волостям, в которых в течение 25 дней не будут созданы комитеты бедноты; 2) в случае непредставления крестьянами сведений об урожае, его учет проводился за счет непредставивших сведения; 3) подлежали опубликованию в местной газете фамилии всех тех членов уездных и волостных исполкомов, которые не принимали действительных мер по срочному учету продовольствия².

Одновременно с этим постановлением Олонецкого губревисполкома партийные организации Карелии в целях изоляции широких трудящихся масс крестьянства от влияния кулаков и «левых» эсеров развернули в деревне широкую массово-разъяснительную работу.

Важное значение в усилении партийно-политической работы на селе имели руководящие указания ЦК РКП(б) и Северного областного комитета РКП(б). 26 августа 1918 г. Северный областной комитет РКП(б) обратился с письмом к коммунистам, в котором указал партийным организациям на то, что «в настоящий острый момент, переживаемый революцией, судьба социалистической России стоит в зависимости от того, за кем пойдет крестьянство — за рабочим классом и Советской властью или кулаком». В обращении говорилось, что нет более важной задачи, чем организовать широкие массы трудящегося крестьянства на борьбу против контрреволюционного кулачества³. В конце августа и в начале сентября 1918 г. происходил целый ряд заседаний Северного областного комитета партии, на которых обсуждались вопросы агит-массовой работы в деревне, устройства митингов, лекций, издания специальных листовок и т. д. 4 сентября Северный областной комитет РКП(б) выпустил листовку, в которой излагались практические мероприятия по организации партийных ячеек в селах и деревнях⁴.

21 сентября 1918 г. в «Правде» было опубликовано «Обращение Центрального Комитета партии к коммунистам по работе в деревне», в котором указывалось на исключительно важное значение партийной работы в деревне в связи с решением задач по ликвидации голода и созданию Красной Армии. В обращении говорилось о необходимости всемерного использования комитетов бедноты для создания сети партийных организаций в деревне: «Комитеты бедноты, организация которых шла и всецело идет под руководством членов нашей партии, могут послужить первичной ячейкой для создания более широких организаций». Центральный комитет партии предлагал всем партийным организациям направить для работы в деревне лучших коммунистов⁵.

В ответ на обращение Центрального Комитета партийные организации Карелии усилили работу по вовлечению в ряды партии деревенской бедноты. 23 сентября 1918 г. Петрозаводский окружной комитет РКП(б) принял решение о посылке в каждый уезд ответственного партийного работника для организации в селах и деревнях уезда партийных организаций. Большую помощь в развертывании массово-поли-

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 415.

² В. И. Машезерский. Указ. произв., стр. 187.

³ Комитеты бедноты Северной области, стр. 244—245.

⁴ Там же, стр. 245—247.

⁵ «Правда», 1918, 21 сентября, № 203.

тической работы в деревне партийным организациям. Карелии оказал Северный областной комитет РКП(б). В течение осени 1918 г. в Карелию было направлено 58 агитаторов и 55 петроградских рабочих для учета урожая¹. Петроградские рабочие-учетчики, наряду с учетом урожая, проводили большую политическую и культурно-просветительную работу, несли советские идеи в массу крестьянства.

Осенью 1918 г. почти во всех волостях Карелии были созданы партийные ячейки. К концу 1918 г. сельские партийные организации Олонецкой губернии объединяли около 2300 коммунистов и 1100 сочувствующих, что составляло почти половину всей губернской партийной организации².

В результате революционных мероприятий Олонецкого губернского ревисполкома и огромной массово-разъяснительной работы среди широких масс трудящегося крестьянства осенью 1918 г. наметился решающий поворот в настроениях крестьян. Крестьяне все более и более освобождались от влияния кулаков и «левых» эсеров, изгоняли их из состава местных Советов и оказывали поддержку прибывшим на места агитаторам и организаторам комитетов бедноты. Во всех селах и деревнях происходили собрания деревенской бедноты, на которых принимались резолюции об организации комбедов³. 4 сентября 1918 г. исполком Пудожского уездного Совета под влиянием требований трудящихся крестьян принял постановление о немедленной организации комитетов деревенской бедноты⁴. 11 сентября 1918 г. Олонецкий уездный комитет РКП(б) писал в окружной комитет партии: «Приняты энергичные меры партии для организации комитетов бедноты. В трех волостях они уже выбраны. По всей местности встречают нас с сочувствием, принимают наши резолюции»⁵. 20 сентября 1918 г. общее собрание деревенской бедноты Типиницкой волости Петрозаводского уезда, обсудив вопрос об организации комбедов, вынесло следующую резолюцию. «Приступить к сформированию комитетов бедноты сейчас же. В первую очередь составить список всех желающих записаться в комитеты по деревням»⁶. Председатель Поросозерского волостного Совета Гарлов в своем письме в инородный отдел Союза коммун Северной области от 14 ноября 1918 г. сообщал, что «все селения, волости организованы и сплотились вокруг своих комитетов, которые получают указания от волостного исполкома. Буржуазного и кулацкого элемента в комитетах нет, за чем строго следит волостной исполком. Бедняки строят свою жизнь на началах социализма... Организован волостной военный комиссариат, отдел народного образования и культурно-просветительный отдел»⁷.

О перемене настроений и росте политического сознания среди основной массы крестьянства особенно красноречиво свидетельствует сообщение о политическом положении в волостях Петрозаводского уезда, опубликованное в газете «Деревенская коммуна» от 16 октября 1918 г. Так, в Сенногубской волости Петрозаводского уезда «настроение крестьян сильно изменилось, — пишет газета, — еще недавно под влиянием местного кулацкого Совета выносились решения о неисполнении

¹ М. И. Шумилов. Указ. произв., стр. 152; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 394.

² М. И. Шумилов. Указ. произв., стр. 152.

³ ЦГА-КАССР, ф. 249, оп. 5, д. 1/1, л. 5; оп. 1, д. 3/27, л. 6; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 421—423.

⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 416.

⁵ Там же, стр. 418.

⁶ Там же, стр. 421—422.

⁷ Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОР и ССЛО), ф. 142, оп. 3, д. 74, л. 31.

декретов Советской власти, теперь крестьянство поняло, что кулаки хотели их одурачить и предать буржуазии. На состоявшемся общем собрании вынесено приветствие Советской власти и готовность защищать ее. Постановление немедленно организовать комитеты деревенской бедноты и приступить к учету хлеба». Общее собрание граждан села Тивдия постановило организовать военный комиссариат и по первому зову встать на защиту Советской власти. Настроенные крестьяне в Кондопожской волости, по сообщению газеты, было революционное. Крестьяне села Лижмы на общем собрании приняли приветствие Совету Народных Комиссаров, председателю Совнаркома В. И. Ленину, выразили готовность с оружием в руках защищать власть Советов и постановили приступить к организации военного комиссариата¹.

По сведениям уездных Советов, представленным в ноябре — декабре 1918 г., в Карелии было организовано 456 комитетов бедноты². (в Петрозаводском уезде — 56 волостных и сельских комбедов, в Олонецком — 77, в Пудожском — 181, в Повенецком — 142)³. Наиболее интенсивно комитеты бедноты оформлялись в августе — октябре. По неполным данным иногороднего отдела комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области видно, что в Олонецкой губернии в июле было организовано 4 комбеда, а в августе — 30, в сентябре — 195, в октябре — 95, в ноябре — 10⁴. Данные статбюро областного съезда комбедов Северной области, происходившего в Петрограде (3—6 ноября 1918 г.), составленные на основе опросных листов, заполненных 718 делегатами Олонецкой губернии, дополняют эти сведения и свидетельствуют, что в сентябре было организовано наибольшее количество комитетов бедноты⁵. Все материалы подтверждают, что наиболее активно организация комитетов бедноты происходила в период после образования губревисполкома и принятия местными партийными и советскими организациями революционных мероприятий по подавлению сопротивления кулачества и изоляции среднего крестьянства от влияния кулаков и «левых» эсеров.

Ведущую роль в организации комитетов бедноты занимали коммунисты и сочувствующие им.

В Олонецком уезде организацией комбедов руководил уездный комитет партии во главе с Ф. И. Егоровым и Н. И. Зузаном. Уездным комитетом партии были созданы курсы по подготовке организаторов комитетов бедноты. Члены Олонецкого уездного комитета были направлены в деревню для оказания помощи бедноте в организации комбедов⁶.

В своей работе по созданию комбедов коммунисты губернской и уездных партийных организаций опирались на возникшие в селах и деревнях ячейки коммунистов и сочувствующих, выступавших инициаторами комбедовского движения. В постановлении ячейки сочувствующих РКП(б) Неккульской волости Олонецкого уезда, принятом на собрании 11 октября, говорилось: «Мы, сочувствующие партии коммунистов (большевиков), организовали и выделили из своей среды комитеты деревенской бедноты в Мегрегском, Юргельском, Куйтежском

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 427—428.

² В. И. Машезерский. Указ. произв., стр. 188.

³ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 428—434; В Кемском уезде комитеты бедноты не были организованы в связи с тем, что уезд в июле 1918 г. был оккупирован англо-франко-американскими интервентами и белофиннами.

⁴ Комитеты бедноты Северной области, стр. 106.

⁵ Там же, стр. 429.

⁶ М. И. Шумилов, Указ. произв., стр. 153.

и Самбатукском обществах, и, действительно, только посредством этой организации можно вести борьбу с голодом и спекулячеством»¹.

В Пудожском уезде формирование комитетов бедноты возглавили партийные ячейки, организованные осенью 1918 г. в Авдеевской, Боярской, Водлозерской, Гакукской, Корбозерской, Коловской, Нигижемской, Песчанской и других волостях².

Крестьяне избирали в комбеды лучших своих представителей, часто бывших солдат-фронтовиков. Некоторые из крестьян, избранных в комитеты бедноты, в прошлом работали на промышленных предприятиях Петрограда, Петрозаводска, на Мурманской железной дороге. Так, член Фоймогубского волостного комитета бедноты Петрозаводского уезда Г. Ф. Пономарев до революции работал в Петрограде, в феврале 1917 г. вступил в Коммунистическую партию; П. И. Новожилов — член Ялгубского волостного комбеда, до революции работал на Александровском (ныне Онежском) заводе; М. И. Альбов — председатель Авдеевского волостного комитета бедноты Пудожского уезда — токарь по металлу, до революции работал на заводе Лейснера в Петрограде. М. Е. Старцев — член Даниловского волостного комитета бедноты Повенецкого уезда, до революции работал на строительстве Мурманской железной дороги и т. д.³ Участники борьбы за установление Советской власти в Карелии Ф. И. Егоров, И. П. Медников, Ф. Е. Поттоев, С. И. Нестеров и др. в своих воспоминаниях приводят фамилии целого ряда комбедовцев — подлинных организаторов деревенской бедноты, последовательно и твердо проводивших в деревне политику Коммунистической партии и Советского государства. В числе их: председатель Эссойльского комбеда Сямозерской волости П. П. Чукаев, организаторы Мяндусельского волостного комбеда Е. П. Ефремов и Л. И. Леонтьева и многие другие. Некоторые из лучших представителей деревенской бедноты, оказавшись на захваченной врагом территории, наряду с коммунистами стали жертвой вражеского террора. Так, летом 1919 г. были зверски убиты белофиннами председатели Туломозерского комитета бедноты — Г. Стрелкин⁴, Пялозерского комбеда — М. Дианов, Ругозерского — В. В. Марков. В Мяндусельской волости Повенецкого уезда интервенты расстреляли организатора Мяндусельского волостного комбеда — военкома С. Л. Ефремова⁵.

Выборы в комитеты бедноты свидетельствовали об огромном влиянии и авторитете среди трудящегося крестьянства Коммунистической партии, об упрочении Советской власти в деревне. Из 718 делегатов Олонецкой губернии, опрошенных на съезде комбедов Союза коммун Северной области, было 94 коммуниста, 431 сочувствующий и 193 беспартийных⁶. Таким образом, 73% делегатов составляли коммунисты и им сочувствующие. Из 299 делегатов Петрозаводского, Пудожского, Олонецкого и Повенецкого уездов, заполнивших опросные листы, было 20 коммунистов, 185 сочувствующих им и 94 беспартийных⁷.

Одной из главных задач комитетов бедноты Карелии была борьба с голодом, борьба за хлеб.

Продовольственное положение в крае весной и летом 1918 г. было исключительно напряженным. В связи с голодом в центральных обла-

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 427.

² М. И. Шумилов. Указ. произв., стр. 155.

³ ГАОР и ССЛО, ф. 142, оп. 3, д. 124, лл. 34, 73; д. 125, л. 9; д. 123, л. 46.

⁴ ЦГА КАССР, ф. 573, оп. 1, д. 82/677, л. 15.

⁵ В борьбе за власть Советов, стр. 165, 199, 211.

⁶ Комитеты бедноты Северной области, стр. 422.

⁷ ГАОР и ССЛО, ф. 142, оп. 3, д. 123, лл. 1—55; д. 124, лл. 1—183; д. 125, лл. 1—79.

стях страны подвоз хлеба в Карелию почти прекратился. В июне поступил всего 1 вагон хлеба вместо 350 по плану¹. На почве голода в Пудожском и Повенецком уездах начались эпидемии. Надежды на улучшение продовольственного положения от сбора нового урожая не оправдались, так как 1918 г. был неурожайный. В ряде мест прошли заморозки. Хлеб померз, многие не собрали даже семян. Валовой сбор ржи, овса и ячменя по Петрозаводскому, Олонецкому, Пудожскому и Повенецкому уездам Олонецкой губернии в 1918 г. составил 1 587 418 пудов против 2 600 654 пудов среднего валового сбора этих культур в прошлые годы².

В то время как основное население сел и городов Карелии испытывало недостаток в продовольствии, местная буржуазия и кулачество хранили под спудом значительные запасы хлеба, который не хотели продавать по твердым ценам. Кулаки прятали хлеб в лесу, в стогах сена, зарывали в землю или вывозили контрабандным путем в Финляндию.

Борьбу с кулачеством за хлеб, за изъятие у кулаков излишков продовольствия на местах возглавили комитеты деревенской бедноты. В борьбе за хлеб комитеты бедноты, поддерживаемые основной массой крестьянства, выступили как подлинные органы диктатуры пролетариата в деревне. Они повели решительное наступление против кулацких элементов. О суровых мерах, принимаемых комбедами против кулачества, свидетельствует письмо Бережнодубровского волостного комитета Пудожского уезда в Олонецкий губернский отдел управления от 1 октября 1918 г. В письме говорилось, что в Бережнодубровской волости «комитеты деревенской бедноты организованы и работают исправно. Кулакам пощады не существует, они годны в окопы и часть их работает уже на фронте по рытью окопов»³. Для подавления сопротивления кулачества при учете и изъятии хлебных излишков комитеты бедноты организовывали вооруженные отряды⁴. Комитеты бедноты брали на учет каждый лишний пуд хлеба. Выявленные излишки продовольствия реквизировались и распределялись среди голодающих крестьян⁵. Так, например, Кулмукский комитет бедноты Кондопожской волости Петрозаводского уезда реквизировал у крестьянина д. Кулмуksы Никифора Феклистова излишки хлеба и передал в общественную лавку для распределения их среди деревенской бедноты⁶. Комитеты бедноты строго следили за проведением в жизнь хлебной монополии, объявленной советским правительством. Они предлагали кулакам немедленно сдавать все излишки хлеба в кооператив по твердым ценам. Сунский волостной комитет бедноты Петрозаводского уезда 12 октября предложил крестьянину Л. Маркову представить в кооператив не позднее 15 октября 10 пудов хлеба «по твердой цене, установленной комитетом по продовольствию»⁷.

За укрытие и спекуляцию хлебом комитеты бедноты облагали кулаков штрафами. Так, Остречинский волостной комитет бедноты Петрозаводского уезда наложил на кулака Шишкунова штраф в размере 3 тыс. руб. за укрывательство 20 пудов ржи⁸.

¹ М. И. Шумилов. Указ. произв., стр. 145.

² Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 395.

³ Там же, стр. 437.

⁴ Там же, стр. 406; В борьбе за власть Советов, стр. 210.

⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 439.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 438.

⁸ Комитеты бедноты Северной области, стр. 145.

Изъятые у кулаков денежные средства шли на содержание комбедов, приобретение скота и сельскохозяйственного инвентаря для крестьян-бедняков, на нужды просвещения и здравоохранения.

В целях ослабления экономических позиций кулачества комитеты бедноты закрыли частные лавки, взяли под строгий контроль деятельность кооперативов и, руководствуясь постановлением Олонецкого губернского комиссариата продовольствия от 17 сентября 1918 г. о национализации мукомольных мельниц в губернии и передаче их в управление комбедов, конфисковали у кулаков и буржуазии Карелии 376 мельниц¹. На всех мельницах был установлен учет и контроль за помоллом зерна. Все излишки зерна сверх установленной нормы отбирались и распределялись между голодающими².

Комитеты бедноты проделали большую работу по учету продовольствия. Только в 36 волостях Петрозаводского, Олонецкого, Пудожского и Повенецкого уездов Олонецкой губернии ими было взято на учет 238 282 пуда хлеба, 49 754 пуда картофеля и 166 827 пудов сена³.

Данные статистического бюро областного съезда комбедов Северной области являются подтверждением того, что основное место в деятельности комитетов бедноты Карелии уделялось учету, реквизиции и распределению продовольствия⁴. Изъятие хлеба у кулаков имело огромное значение в деле укрепления Советской власти на местах. Реквизиция хлебных излишков вырывала из рук кулачества основное оружие борьбы против Советской власти и подрывала экономическое господство кулаков в деревне. В результате комитетами бедноты была выполнена задача по ослаблению продовольственного кризиса в крае и проведению в жизнь хлебной монополии. О значении комбедов в деле обеспечения хлебом голодающих крестьян свидетельствует письмо крестьянина-бедняка Спасопреображенской волости Петрозаводского уезда в газету «Беднота». «Когда не было у нас комитетов бедноты,— писал крестьянин,— хлеба достать нам, беднякам, у местных кулаков было невозможно. Мы голодали. Спекуляция хлебом была сильно развита, хлеб продавался по 200 руб. за пуд.

Вздыхали бедняки с того времени, как создался комитет бедноты.

Комитет бедноты вместе с исполнительным комитетом стоит на страже интересов бедняков: Излишки, оказавшиеся при учете хлеба у кулаков, продаются по твердым ценам. Бедняки наделяются хлебом в достаточном количестве...»⁵

Комитеты бедноты принимали активное участие в осуществлении аграрных преобразований в деревне. Земельный вопрос в условиях Карелии, при отсутствии в прошлом помещичьего землевладения, для крестьянской бедноты не был решен постольку, поскольку малоземельные и безземельные крестьяне не могли увеличить своих наделов за счет помещичьих земель. Общий фонд нетрудовых сельскохозяйственных земель (помещичьих, казенных, монастырских и церковных) по Пудожскому, Петрозаводскому, Повенецкому и Олонецкому уездам на 1 декабря 1918 г. составлял 24 568 десятин, или 10% всех сельскохозяйственных угодий⁶. Такое количество земли не могло обеспечить всех малоземельных и безземельных крестьян. Беднота по-прежнему зады-

¹ М. И. Шумилов. Указ. произв., стр. 156.

² Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 437—438, 440, 443.

³ М. И. Шумилов. Указ. произв., стр. 156.

⁴ Комитеты бедноты Северной области, стр. 427.

⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 449.

⁶ В. И. Машезерский. Указ. произв., стр. 190.

халась от безземелья, тогда как кулаки имели лучшие земельные наделы. Беднота, опираясь на постановления Советской власти, требовала земельных переделов и изъятия излишков земли у кулаков¹. Переделы земли в Карелии начались с весны 1918 г., но они носили пока временный характер и проводились по инициативе крестьян-бедняков. Проведение земельной реформы по планам Олонецкого губернского земельного отдела намечалось только в 1919 г. Поскольку в Карелии основная масса наилучших земель находилась в руках зажиточных крестьян и кулачества, то комитеты бедноты в период переделов отнимали излишки земли у кулаков и распределяли ее среди безземельных и малоземельных крестьян. Комитет бедноты д. Западной Кончезерской волости Петрозаводского уезда на состоявшемся 7 августа собрании деревенской бедноты постановил отобрать в пользу малоземельных крестьян часть земли у местного кулака С. Степанова². Канзанаволокский комитет бедноты Пудожского уезда отобранную у кулаков землю распределил среди бедноты поровну, по едокам. В результате земельные наделы бедняков увеличились в несколько раз. Например, в семье Т. И. Бунева до передела на шестерых едоков была всего одна десятина земли, а после передела земельный надел увеличился до 6 десятин³.

В результате временных переделов земли посевные площади зажиточных и кулацких хозяйств резко сократились. Совершенно исчезли группы хозяйств, имеющих посеы свыше 8 десятин⁴. В деревне происходило осередничивание крестьянства. Резко упала экономическая мощь зажиточных и кулацких хозяйств. Бедняки и батраки, получившие землю, частично скот и инвентарь, поднимались до уровня крестьян-середняков.

Комитетами бедноты Карелии предпринимались попытки создания в деревне показательных социалистических хозяйств — сельскохозяйственных артелей и коммун. Принимавшая активное участие в деятельности комбедов Сямозерской волости питерская работница А. А. Лебедева в своих воспоминаниях рассказывает об организации в конце 1918 г. сельскохозяйственной коммуны в д. Эссойла. Коммуна состояла из 23 крестьян-бедняков близлежащих деревень. Коммуне был выделен участок земли, оказана помощь в приобретении семян и сельскохозяйственного инвентаря⁵. Стремление крестьян к организации сельскохозяйственных коммун и артелей имело место и в других районах Карелии (в Рыпушкальской волости Олонецкого уезда; в д. Янишполе Суонской волости и в д. Улитина Новинка Кондопожской волости Петрозаводского уезда). Однако вследствие наступления интервентов весной 1919 г. коммуны распались⁶.

Комитеты бедноты помогали местным Советам проводить мобилизацию в Красную Армию и участвовали в формировании красноармейских отрядов. В письме Бережнодубровского волисполкома Совету Народных Комиссаров от 29 августа сообщалось, что волисполком при содействии деревенской бедноты в августе 1918 г. сформировал отряд красноармейцев, направил его на Архангельский фронт и приступил

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 348, 354, 358—359.

² ЦГА КАССР, ф. 109, оп. 1, д. 1/8, лл. 36—37.

³ В борьбе за власть Советов, стр. 212—213.

⁴ В. И. Машезерский и др. Указ. произв., стр. 190; ЦГА КАССР, ф. 586, оп. 1, д. 7/144, л. 12.

⁵ В борьбе за власть Советов, стр. 174.

⁶ ЦГА КАССР, ф. 108, оп. 3, д. 2/8, лл. 8—9, 11; оп. 1, д. 5/52, лл. 56—57; В борьбе за власть Советов, стр. 135.

к формированию нового отряда¹. По рассказам С. И. Нестерова, вооруженный отряд Мяндусельгского волостного комитета бедноты при приближении интервентов к Мяндусельгской волости Повенецкого уезда слился с отрядами Красной Армии².

Выполняя постановление съезда комбедов Северной области, комитеты бедноты Карелии посылали лучших своих представителей в образцовые полки деревенской бедноты, формировавшиеся в Петрограде. Каждый сельский комбед для отправки в полки деревенской бедноты выделял по два человека³. Из Вытегорского уезда Олонецкой губернии в декабре 1918 г. было отправлено 259 человек⁴. В некоторых селениях наиболее преданные делу революции крестьяне добровольно изъявляли желание об отправке их в образцовые полки деревенской бедноты. Ярким свидетельством этого является письмо крестьянина Шимозерской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии С. Гаврилова в газету «Деревенская коммуна». В своем письме крестьянин писал: «Комитет деревенской бедноты деревень Никитинской и Манацкой Шимозерской волости Олонецкой губернии получил приказ от Совета ускорить высылку товарищей в красные полки бедноты. Было созвано общее собрание, которое приступило к выборам. Но тут из толпы вышли 4 бедняка-крестьянина: Кириков, Мишкин, Мартыанов и Ананьев, люди надежные и крепко стоящие за рабоче-крестьянскую власть, и заявили, что не надо выборов, так как они вызываются идти добровольцами на защиту социалистического отечества. Крестьяне восторженно приветствовали добровольцев и на дорогу собрали им продуктов. В день отъезда собралась вся деревня»⁵.

Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии Ф. И. Егорова, И. П. Медникова, Н. И. Власова, А. А. Лебедевой, Ф. И. Поттоева, С. И. Нестерова и др., а также документальные материалы свидетельствуют о том, что комитеты бедноты являлись подлинными органами революционной власти в деревне. Они превращались в вершители всей политической, административной и хозяйственной жизни в сельской местности.

Активный участник борьбы за установление Советской власти в Олонецком уезде Ф. И. Егоров рассказывает, что комитет деревенской бедноты Пидемского общества вынес решение о постройке кузницы, лесопилки и о ремонте мельницы. Комбед заботился о снабжении хлебом семей крестьян, ушедших в образцовые полки деревенской бедноты. Мятусовский комбед образовал комиссию по сбору теплых вещей для Красной Армии. В Неккульской волости комитет бедноты постановил собрать по всей волости семена и положить их в общие амбары для того, чтобы сохранить их к весеннему севу⁶.

По рассказам участника борьбы за установление Советской власти в Повенецком уезде Ф. Е. Поттоева, комитеты бедноты Повенецкого уезда изымали излишки хлеба у кулаков, вели учет урожая и обеспечивали хлебом голодающую бедноту. Наиболее активными комбедами в Повенецком уезде были Ругозерский и Шунгский. Ругозерский комитет бедноты производил учет и перераспределение кулацкого хлеба не только в амбарах, но и на полях. Комитет организовал бригады из

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 415.

² В борьбе за власть Советов, стр. 210.

³ «Северная коммуна», 1918, 20 декабря, № 184.

⁴ ЦГА КАССР, ф. 573, оп. 1, д. 56/489, л. 8. Сведений по другим уездам не обнаружено.

⁵ «Деревенская коммуна», 1918, 20 декабря, № 99.

⁶ В борьбе за власть Советов, стр. 139.

бедноты, которые убрали конфискованный у кулаков урожай, а затем распределяли его среди немущих¹.

Там, где местные Советы проявляли бездеятельность в проведении социалистических преобразований в деревне, комитеты бедноты постепенно брали в свои руки одну за другой функции волостных и сельских Советов. Общее собрание комитетов бедноты Шуйской волости Петрозаводского уезда, состоявшееся 6 октября 1918 г., приняло решение о передаче функций продовольственного и земельного отделов Шуйского волостного Совета комитету бедноты, поскольку эти отделы проявляли бездеятельность. Собрание выразило полное недоверие исполкому Шуйского волостного Совета и постановило переизбрать Исполком и Совет². Состоявшийся осенью 1918 г. съезд комбедов Спасопреображенской волости при рассмотрении вопроса о взаимодействии комбедов с Советами вынес постановление, по которому комбеды оказывали всяческое содействие тем сельским Советам, которые активно и твердо проводили в жизнь все постановления Советской власти и защищали интересы бедноты. В случае, если Советы уклонялись от этой основной линии, комбеды проводили работу самостоятельно и добивались переизбрания таких Советов³.

Комбеды с самого начала их возникновения развернули решительную борьбу с засильем кулаков и «левых» эсеров в Советах. Они очищали Советы от кулаков, распускали кулацкие Советы и создавали вместо них Советы из бедняков. Так, организатор комбедов Аронов в своем письме председателю Олонецкого губревисполкома П. Ф. Анохину от 3 октября 1918 г. предлагал упразднить в Сунской волости Петрозаводского уезда волостной Совет и передать функции Совета в руки волостного комитета бедноты в связи с тем, что «в волостном Совете сидят люди, не соответствующие своему назначению для блага трудового народа»⁴.

К сожалению, в организации и деятельности комитетов бедноты иногда допускались ошибки. В отдельных волостях и селениях при выборах в комбеды не привлекались крестьяне-середняки. В некоторых местностях к участию в выборах были допущены кулаки. Были случаи, когда комбеды не избирались, а назначались волостными и сельскими Советами. Из 718 делегатов Олонецкой губернии, заполнивших опросные листы, крестьяне-середняки принимали участие в выборах только 80 делегатов. В выборах 16 делегатов участвовали кулаки. На вопрос о том, каким образом организован комбед, 64 делегата из 718 ответили, что комитеты бедноты в их местностях назначены Советами⁵.

В ряде случаев комитеты бедноты затрагивали интересы не только кулачества, но и крестьян-середняков. По воспоминаниям Ф. Е. Поттеева, в Шунгской волости Повенецкого уезда комитет бедноты проводил реквизиции хлеба и взывал чрезвычайный налог не только с местной буржуазии и кулаков, но и с крестьян-середняков. Подобные действия создавали благоприятную почву для контрреволюционной деятельности кулачества. Развернув широкую клеветническую кампанию против комитетов бедноты, кулаки сумели привлечь на свою сторону часть крестьян-середняков и, опираясь на своих ставленников в Шунгском волостном Совете, в декабре 1918 г., в период мобилизации в Красную Армию, подняли восстание против Советской власти. Восставшие пре-

¹ В борьбе за власть Советов, стр. 199.

² Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 444—445.

³ В борьбе за власть Советов, стр. 162.

⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 423—424.

⁵ Комитеты бедноты Северной области, стр. 424.

рвали телеграфную связь с Повенцом, арестовали членов комитета бедноты, избивали советских работников. Кулацкое восстание в Шунгской волости продолжалось в течение трех дней и было подавлено прибывшим из Повенца отрядом в 70 человек, руководимым военным комиссаром Калининым и заместителем председателя уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией Корзинным¹.

Попытки сорвать проведение мобилизации в Красную Армию со стороны антисоветских элементов имели место также в Типиницах, Великой Губе, Пудоже, Ведлозере. Однако все кулацкие выступления против Советской власти не нашли поддержки со стороны основной массы трудящегося крестьянства и были ликвидированы местными красноармейскими отрядами при активной помощи деревенской бедноты².

В некоторых случаях комитеты бедноты в борьбе с кулачеством проявили слабость и нерешительность. Так, например, в Поросозерской волости кулаки продолжали вести контрабандную торговлю с Финляндией. Они вывозили в Финляндию хлеб, в то время как беднота Поросозерской волости голодала. В декабре 1918 г. кулаки активизировали свои действия и подняли восстание против Советской власти. Они разгромили волостной Совет, военкомат, захватили оружие и хозяйничали в течение нескольких дней в Поросозерской волости. Кулацкое восстание было подавлено прибывшим из Повенца вооруженным отрядом³, при поддержке деревенской бедноты.

Комитеты бедноты Карелии сыграли огромную роль в осуществлении социалистической революции в деревне, в укреплении советских органов власти на местах. О значении комбедов в деле упрочения Советской власти в крае свидетельствует письмо военного комиссара Повенецкого уезда Я. Г. Савина Олонецкому губернскому военному комиссару А. В. Дубровскому от 14 декабря 1918 г. «Та роль, которую сыграли комитеты бедноты в деревне, громадна, — писал Я. Г. Савин. — Несмотря на короткий срок, комбеды совместно с комиссариатами своей энергичной работой прекратили в уезде спекуляцию и мародерство, развившиеся в значительных размерах. Деревенская беднота, находившаяся под экономическим гнетом кулаков и спекулянтов, зажата в их руках, с организацией комбедов стряхнула с себя кулацкое засилье и деятельно приступила к осуществлению задач, продиктованных центральной властью»⁴.

Организация и деятельность комитетов бедноты привела в движение огромные массы трудящегося крестьянства. По определению В. И. Ленина, «Октябрьская революция городов для деревни стала настоящей Октябрьской революцией только летом и осенью 1918 г.»⁵.

Ярким выражением общего политического подъема трудящегося крестьянства, размаха силы и массовости крестьянского движения явился многотысячный съезд деревенской бедноты Северной области, состоявшийся 3—6 ноября 1918 г. в Петрограде. На съезде были представлены делегаты от каждого комбеда, села, деревни. Вместо ожидаемых 7 тыс. делегатов на съезд съехалось около 20 тыс. Ни один зал в Петрограде не мог вместить всех собравшихся. Выручила, как говорил В. И. Ленин, хорошая погода, которая позволила устроить собрание

¹ В борьбе за власть Советов, стр. 200, 202.

² В. И. Машезерский и др. Указ. произв., стр. 203.

³ В борьбе за власть Советов, стр. 202—203.

⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии, стр. 449—450.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 121.

на Дворцовой площади¹. От Олонецкой губернии на съезде комитетов бедноты Северной области было представлено 1389 делегатов².

Оценивая значение съезда, В. И. Ленин говорил: «Этот съезд показал, что гражданская война в деревне понята правильно: беднота объединяется и дружными рядами борется против кулаков, богатеев и мироедов»³.

В результате активной деятельности комбедов в борьбе с голодом, в проведении аграрных мероприятий был нанесен сокрушительный удар по основному классу эксплуататоров в Карелии — по кулакам-мироедам. Их политическое влияние и экономические позиции в деревне были вконец подорваны. Советы были очищены от контрреволюционных элементов — кулаков и их единомышленников — эсеров.

Комитеты бедноты способствовали росту политического уровня трудящегося крестьянства, помогали ему осознать политику партии и Советского государства. Через комбеды крестьяне приобщались к активной политической и государственной жизни. Сама работа в комбедах для передовых крестьян являлась прекрасной школой политического роста. Под влиянием комбедов крестьяне-бедняки превращались в ведущую силу деревни. Участник борьбы за установление Советской власти в населенной вепсами Шелтозерской волости С. Ракчеев в своих воспоминаниях рассказывает о росте активности крестьян-бедняков в деревне. «Такие бедняки нашей деревни, как Журков И. К., Шейкины, Миккоева Василиса, раньше, до Октябрьской революции 1917 г., были незаметными людьми и, как говорится, тише воды и ниже травы. На деревенских сходках даже в первые месяцы после революции они не подавали голоса, все принимали молча. После создания комбеда они словно проснулись от спячки, стали принимать самое горячее участие в решении вопросов новой деревенской жизни и в распределении земли, пайков, во всей работе волостного Совета и комбедов»⁴. Об огромном влиянии комбедов на рост политической активности крестьян-бедняков писал в примечании к опросному листу о составе и деятельности комитета бедноты Кондушского общества Алексеевской волости Олонецкого уезда председатель комитета В. П. Соловьев: «В настоящее время бедняки поняли, что комитет бедноты нам беднякам необходим, [они] принимают самое горячее участие, бедняки чувствуют в этой организации за собой силу и ищут поддержки»⁵. В результате деятельности комбедов в деревне выросли замечательные кадры талантливых организаторов и агитаторов, вожаков, преданных делу революции, настоящих борцов за новую советскую деревню.

В своей деятельности комитеты бедноты вышли далеко за пределы тех функций, которые были определены декретом Советского правительства. Фактически они взяли под свой контроль и непосредственное руководство все стороны хозяйственной и политической жизни деревни.

Как революционные организации трудящегося крестьянства, комитеты бедноты в ходе острой классовой борьбы стали превращаться в органы государственной власти. По мере выполнения своих непосредственных задач по обузданию кулачества комитеты бедноты вместе с тем стали тормозом на пути к укреплению низовых Советов. В связи с этим Центральный Комитет партии принял решение об упразднении комбедов и слиянии их с Советами.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 157.

² Комитеты бедноты Северной области, стр. 422.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 157.

⁴ Архив Карельского филиала АН СССР. Воспоминания С. Ракчеева.

⁵ ГАОР и ССЛЮ, ф. 142, оп. 3, д. 72, л. 5.

VI Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в начале ноября 1918 г., указал, что дальнейшее укрепление Советской власти невозможно без установления единой государственной системы. В связи с этим съезд признал необходимым ликвидировать комитеты бедноты, организовать пере выборы волостных и сельских Советов и провести организацию Советской власти в центре и на местах в полном соответствии с Конституцией РСФСР.

Пере выборы волостных и сельских Советов в Карелии происходили в конце 1918 г. и в начале 1919 г. Они явились показателем роста влияния Коммунистической партии среди рабочих и крестьян Карелии. Большинство избранных депутатов в уездные, волостные и сельские Советы составляли коммунисты¹.

В результате ликвидации кулацкого засилья, упрочения Советской власти на местах, а также успехов Красной Армии на фронтах гражданской войны наметился серьезный поворот середняка на сторону революции. Средняк все более и более убеждался в правильности политики Коммунистической партии и Советского правительства, в прочности советского строя и в тех материальных выгодах, которые дала ему социалистическая революция и Советская власть. Исходя из происшедших изменений в соотношении классовых сил в деревне, VIII съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1919 г., принял историческое решение о переходе от политики нейтрализации середняка к политике прочного союза пролетариата с средним крестьянством при опоре на деревенскую бедноту.

Привлечение крестьянина-середняка на сторону Советской власти сыграло решающую роль в деле укрепления союза рабочего класса с крестьянством в успешном окончании гражданской войны.

¹ М. И. Шумилов. Указ. произв., стр. 157—158.

**ДОКУМЕНТЫ О БОРЬБЕ ТРУДЯЩИХСЯ КАРЕЛИИ ПРОТИВ
АНГЛО-ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ
в 1918—1919 гг.**

Трудящиеся Карелии мужественно боролись против англо-франко-американских интервентов и белогвардейцев, захвативших летом 1918 г. территорию Северной Карелии. Приводимые здесь документы свидетельствуют о симпатиях населения к большевикам. Так, крестьяне Шиженского общества, рискуя подвергнуться репрессиям, ходатайствовали об освобождении И. Г. Кирикова и Н. М. Степанова — активных участников борьбы за установление власти Советов (док. № 1). С такими же ходатайствами обращались крестьяне деревни Черная Река. Правда, эти ходатайства ухудшали положение политзаключенных и вызывали новые репрессии (док. № 4), но, с другой стороны, они оказывали моральную поддержку борцам за дело революции.

Приводимые документы показывают самоотверженную и энергичную деятельность советских патриотов, которые в тылу врага боролись за Родину, не страшась репрессий интервентов и белогвардейцев.

Публикуемые документы извлечены из фондов белогвардейского правительства Северной области, хранящихся в Москве в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР). Документы исходят из враждебного нам лагеря и естественно, что освещение деятельности большевиков в них тенденциозное.

Все документы публикуются впервые.

Н. К. Тинькова

№ 1

23 октября 1918 г. — Запрос крестьян Шиженского сельского общества коменданту Сорокского военного района о причинах ареста жителей с. Шижня Кирикова и Степанова

В заседании своем от 10 октября ст. ст. 1918 г. Шиженское сельское общество постановило сделать запрос к Вам, коменданту Сорокского района г. Круглякову: почему арестован наш Кириков, так как он у нас был энергичный, полезный для общества человек, настоящий деятель

общества. Поведением его все общество, зная его с младенческих лет, очень довольны, что могут подтвердить самый старый и малый человек. А также в том же смысле Николая Михайловича Степанова¹. Что и удостоверяется подписями.

[Следует 45 подписей]

ЦГАОР, ф. 38, оп. 1, д. 6, л. 336. Подлинник рукописный.

№ 2

24 октября 1918 г. — Сопроводительное письмо с характеристикой арестованных жителей дер. Шижня — Кирикова, Степанова и Федорова

При сем следуют трое арестованных: Иван Георгиевич Кириков, Николай Михайлович Степанов, Иван Федорович Федоров.

Иван Кириков, секретарь сельского комитета дер. Шижня, на одном из последних собраний сельчан открыто призывал не повиноваться власти, бранил армию, называл офицеров хулиганами, бежавшими из Петрограда. В прошлом отличался яростью в наложении контрибуции и всякого рода реквизиций.

Николай Степанов, житель дер. Шижни, бывший матрос и начальник штаба Красной Армии в районе Сороки до прихода союзников. Свирепствовал при обысках и терроризировал интеллигенцию.

Иван Федоров — бывший матрос, приехавший один или полтора месяца тому назад из Петрограда. По уверению вашего агента, он там занимал значительный пост.

Полковник [подпись]

ЦГАОР, ф. 38, оп. 1, д. 9, л. 51. Отпуск рукописный.

№ 3

Не ранее 2 февраля 1919 г.² — Протокольная запись показаний командира отряда славяно-британского союзного легиона по делу о противоправительственной пропаганде группы крестьян с. Нюхча Кемского уезда

Мне неоднократно докладывали крестьяне села Нюхча, что Кичигин, Шумилов, Попов³ и Титов ведут антиправительственную агитацию, а именно: говорят, что большевики перешли в наступление на всех фронтах, на нашем же фронте большевиками взята Сорока, и успешное наступление продолжается на город Кемь. Нас они называли (меня и моих солдат — 36 человек) «продажные английские шкуры», что мне

¹ Степанов Н. М. был командиром и начальником штаба отряда Красной Гвардии Поморского Совета. Схваченный интервентами, он был заключен в тюрьму, но совершил удачный побег.

² Время прибытия отряда в с. Нюхчу.

³ Попов И. В. — председатель Нюхотского волостного Совета, Шумилов Е. Г. — секретарь Совета. Оба расстреляны интервентами в 1919 г.

неоднократно заявляли солдаты. Солдатам же они также говорили, что мы окружены со всех сторон, хотя в действительности ничего подобного не было. Эта пропаганда была безусловно очень опасна ввиду того, что наша организация была еще очень молода, а в сорока верстах от нас в Вожмосалме был отряд большевиков — 280 человек. Когда был приказ о мобилизации унтер-офицеров, то Титов, Кичигин и Шумилов говорили (я это слышал сам), что пусть мобилизуют, эта буржуазная банда очень ошиблась, теперь-то и настает время помочь нашей народной Красной Армии. Последние слова произнес Шумилов, шедший вместе с Кичигиным и Титовым. Я слышал это, идя сзади с двумя своими солдатами. Шумилову ответил Титов: «Интересно будет посмотреть, как незванные гости — англичане будут лететь отсюда»...

Подпоручик [подпись]

ЦГАОР, ф. 18, оп. 1, д. 58, л. 92. Незаверенная копия, машинописная.

№ 4

15 августа 1919 г. — Представление прокурора Архангельского окружного суда управляющему Отделу юстиции о начале предварительного следствия по делу священника-учителя дер. Черная Река Попова

На основании предписания от 26 ноября 1918 г. за № 257 имею честь донести вашему превосходительству, что мною одновременно с сим предложено мировому судье 3 участка Кемского уезда в качестве судебного следователя приступить к производству предварительного следствия о священнике-учителе Александре Попове по признакам преступления, предусмотренного 129 ст. Уголовного уложения.

Из произведенного Временной следственной комиссией по Александровскому и Кемскому уездам расследования видно, что священник — учитель дер. Черная Река Попов с осени 1918 г. после приезда в деревню большевика Федора Третьякова¹ тесно сошелся с ним и стал агитировать за большевиков и советскую власть, внушая населению недоверие к правительству и союзникам, для чего устраивал у себя собрания. В мае месяце, когда был призыв молодых людей, выступал против призыва. Когда же Третьяков был арестован за большевистскую деятельность, то старался помочь ему освободиться, уговорив общество дать о нем благоприятный отзыв...

И. д. прокурора суда [подпись]

И. д. секретаря [подпись]

ЦГАОР, ф. 18, оп. 1, д. 29, л. 199. Подлинник машинописный.

¹ Третьяков Ф., большевик, активный участник борьбы за Советскую власть в Керети. Скрываясь от преследования интервентов, некоторое время жил в дер. Черная Река. Схваченный интервентами, был вывезен с группой политзаключенных из мурманской союзной тюрьмы в район ст. Кяппесельга, где удачно перешел линию фронта (англичане предполагали спровоцировать расстрел арестованных при их переходе к своим).

№ 5

24 января 1920 г. — Представление прокурора Архангельского окружного суда управляющему Отделом юстиции об обвинении, предъявленном большевику Парахину М. А., и обстоятельствах его гибели

Вследствие поручения от 26 сего декабря за № 1730 и в дополнение к представлению моему от 20 декабря за № 5763 доношу, что, как видно из копии постановления товарища председателя Временной следственной комиссии по Кемскому и Александровскому уездам от 27 июня 1919 г., преступная деятельность Михаила Андреева Парахина¹ выразилась в следующем:

Он был одним из главных деятелей и членом исполкома, образовавшегося в первой половине 1918 г. на станции Энгозеро Мурманской железной дороги, IV районного Совета железнодорожных депутатов, который стоял на платформе Советской власти, захватил в свои руки власть железнодорожной администрации, производил незаконные и бесконтрольные выдачи казенных сумм, угрожал высшим железнодорожным служащим насилем и судом революционного трибунала и т. п.; кроме того Парахин состоял комиссаром Красной Гвардии, а в конце 1917 г., после свержения власти Временного правительства, организовал на станции Энгозеро клуб коммунистов, который также все время вмешивался в действия начальствующих железной дороги, принуждая их путем угроз к незаконным действиям.

Донося об изложенном, присовокупляю, что осенью минувшего года по распоряжению начальника Мурманского края Парахин был выслан в «Советскую»² Россию и, по слухам, был убит сербским конвоем при попытке к бегству.

И. о. прокурора суда [подпись]

Секретарь [подпись]

ЦГАОР, ф. 18, оп. 1, д. 27, л. 280. Подлинник машинописный.

№ 6

26 января 1920 г. — Представление прокурора Архангельского окружного суда управляющему Отделу юстиции о возбуждении предварительного следствия по делу председателя Петровско-Ямского Совета Ленкина

На основании поручения от 26 ноября 1918 г. за № 257 имею честь донести Вам, господин управляющий, что одновременно с сим, с провождением дознания о крестьянине деревни Морской Масельги, Петровско-Ямской волости, Повенецкого уезда Дмитрие Ленкине,

¹ Парахин М. А., большевик (член партии с 1916 г.), рабочий-железнодорожник, председатель коллектива коммунистов на ст. Энгозеро. В ночь с 4 на 5 сентября 1919 г. расстрелян интервентами в районе ст. Кяппесельга. Вместе с М. А. Парахиным были расстреляны 6 рабочих, 1 пленный красноармеец и 16-летний подросток Федя Антипин.

² Так в документе.

предложено мною судебному следователю Повенецкого уезда приступить к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 2 ч. 102 ст. Уголовного уложения.

Из дознания о Ленкине видно, что он при советской власти состоял в должности председателя Петровско-Ямского волостного Совета. Был арестован при занятии волости союзными войсками и, находясь под арестом в лагере военнопленных в Медвежьей Горе, бежал из-под такового к себе на родину и вновь был задержан и заключен под стражу, под каковой и содержится во внесудебном порядке с 21 декабря 1919 г.

И. д. прокурора суда [подпись]
Секретарь [подпись]

ЦГАОР, ф. 18, оп. 1, д. 27, л. 281. Подлинник машинописный.

Р. Ф. ТАРОЕВА

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ У КАРЕЛ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ (конец XIX — начало XX вв.)

В дореволюционной литературе способы и средства передвижения карел описаны очень бедно. Специальных исследований, посвященных этому вопросу, нет, а сведения в отдельных статьях и очерках отрывочны и неполны. Как один из самых ранних источников значительный интерес представляет «Поденная записка», составленная Г. Р. Державиным (1785 г.), в которой сообщаются некоторые данные об оленьем транспорте и применении лыж в Карелии. В работах С. Приклонского, Н. Камкина и И. Оленева¹ и других исследователей, побывавших в Карелии в конце XIX и начале XX вв., встречаются сообщения о лодках, волокушах, телегах. Тем не менее никто из них не оставил этнографического описания хотя бы одного вида транспорта у карел, исключая волокушу, которая довольно полно описана почти всеми перечисленными авторами. Некоторые сведения о состоянии дорог и способах передвижения населения в Карелии в конце XIX — начале XX вв. имеются в отчетах миссионеров. В исследованиях финских буржуазных ученых, например, в работе Ю. Бломстеда и В. Суксдорфа², способы и средства передвижения карел освещены очень слабо. Они ограничились главным образом описанием орнаментального оформления выездных (праздничных) санок северных карел³.

В предлагаемой статье делается попытка обобщения имеющегося в этнографической литературе материала о способах и средствах передвижения карел с привлечением данных, собранных автором во время экспедиционных работ в районах КАССР в 1955—1957 гг.⁴

ВОДНЫЕ ПУТИ И СУХОПУТНЫЕ ДОРОГИ

С древнейших времен основными путями сообщения на территории, где жили карелы, являлись озера и реки. Ими население пользовалось преимущественно летом, однако и зимой часто прокладывались

¹ Н. Камкин. Архангельские карелы. «Древняя и Новая Россия», 1880, № 2; С. А. Приклонский. Народная жизнь на севере. М., 1884; И. В. Оленев. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917.

² I. Blomstedt und V. Suksdorff. Karelsche Gebäude und ornamentale Formen. Helsinki, 1902.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Р. Ф. Тароева. Отчеты о работе этнографической экспедиции в 1955—1957 гг. в Лоухском, Петровском и Олонецком районах КАССР. Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 20, д. 18, 75, 85.

санные дороги по тем же рекам и озерам. В Карелии издавна известно несколько водных магистралей, связующих отдельные ее районы. Такой магистралью на ее северных окраинах являлась, например, р. Кемь, ее притоки и система озер Куйто. В прошлом важный торговый путь, соединяющий Поморье с Приботнией, проходил по р. Кемь и ее притоку Чирка-Кемь, затем через систему мелких рек, озер и волоков соединялся с озером Пиэлисъярви; отсюда шел к г. Каянеборгу и далее по р. Улео к Ботническому заливу. Верхние притоки р. Улео служили также связующим звеном между упомянутым заливом и Ладожским озером¹. Путь, соединяющий Обонежье с Поморьем, начинался в северной части Онежского озера (близ места, где впоследствии возник г. Повенец) и шел через Маткозеро к р. Выгу². Важное место в судоходстве южных карел занимала р. Свирь, соединяющая два больших озера: Ладожское и Онежское. Кроме упомянутых больших водных путей в Карелии имеется множество других рек, но по большинству из них передвижение было весьма затруднительным в силу мелководья, порожистости и засорения русел подводными камнями.

Небольшое количество колесных дорог находилось только на юге Карелии. На севере края летние сухопутные дороги почти полностью отсутствовали, поэтому сообщение даже между соседними деревнями стоило большого труда. Между многими деревнями существовал исключительно пеший путь. «Вместо езды на карбасах вы можете в летнее время передвигаться здесь только пешком по еле заметным, пролегающим через глухие, бесконечные леса и топкие, трудно проходимые болота тропам да на утлых маленьких лодках по озерам и рекам. Надо иметь значительную долю закаленности и терпения, чтобы преодолеть все трудности и неудобства таких первобытных способов и путей сообщения», — писал Н. Камкин в 1880 г.³

При переходе через многочисленные речки, ручьи и каналы для пешеходов были сделаны приспособления в виде примитивных мостиков. Самым простейшим сооружением для перехода через ручей или канаву служило перекинутое с берега на берег бревно, иногда несколько бревен или жердей, связанных ивовыми прутьями. Проходя по ним, путники для большей устойчивости опирались о дно палкой (батогом), которая обычно всегда оставлялась для этой цели у перехода. Такие же примитивные настилы из жердей прокладывались и на болотинах, трудности передвижения по которым описаны Н. Камкиным: «Достаточно сказать, что идете по ...скользким, затонувшим в болоте жердям... причем вам то и дело приходится утопать в болотную грязь по колено и выше, и идете так по 30—40 верст от селения к селению»⁴.

Более удобным переходом являлся настил из нескольких плах, положенных на козлы, которые ставились в воду. К таким сооружениям часто пристраивались примитивные перила.

Во время пеших переходов карельские охотники, рыбаки, сплавики и мелкие торговцы-коробейники применяли для переноски грузов (продуктов, товаров и т. п.) различные приспособления. Наиболее распространенными из таких приспособлений являлись кошельки (кашшели), которые плелись самими крестьянами из узких берестяных

¹ Афанасий, архиепископ Холмогорский. Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. Опубликовано П. Г. Бутковым. «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 29, 1838, стр. 261, 290—291.

² С. Гадзьяцкий. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 7.

³ Н. Камкин. Указ. произв., стр. 296—297.

⁴ Там же, стр. 196.

лент (рис. 1). Размеры кошельки были различные. Носили их за плечами на лямках, сплетенных из того же материала. Широкое распространение подобные кошельки имели у карел, финнов, а также у коми-зырян и у ряда других народов лесной полосы. На севере Карелии имели распространение сумки (реппи) из коровьей или лосевой кожи с лямками. Носили их за спиной. В такой мешок обычно помещали груз в один-два пуда. Пользовались такими сумками чаще мелкие торгошники (реппюри или реппюрюса — финское слово, буквально: русские котомочники), озабоченные тем, чтобы их товар не портился от сырости.

ВОДНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Основными средствами передвижения в крае рек и озер являлись лодки-долбленки, лодки-шитики, карбасы и плоты, возникновение которых следует связывать с древнейшими периодами существования человека. О большой древности применения лодок в Карелии свидетельствуют наскальные изображения Онежского озера и Белого моря¹. Неоднократное упоминание о лодке, как об одном из главных средств передвижения, находим и в «Калевале» — эпосе карельского и финского народов².

Наиболее древним типом лодки была долбленка-однодеревка (куйти). В подтверждение этого можно сослаться на обнаруженный на побережье Ладожского озера А. А. Иностранцевым долбленный члн из дуба, относящийся, по всей вероятности, ко времени неолита³. Лодка-долбленка встречается и в настоящее время на территории Карелии в Олонецком и Пряжинском районах (деревни Рыбушкалицы и Панила). Долбленка делалась из одного дерева, преимущественно из осины. Длина лодки зависела от размеров выбранной осины и обычно не превышала 3—4 м. Сердцевина дерева выдалбливалась теслом, а днище лодки выскабливалось скоблом. Ширина лодки в средней части равнялась 30—40 см, высота — 20—30 см. По бокам для большей устойчивости прикреплялись два балансира, в качестве которых служили две тонкие жерди диаметром 10—15 см и длиной до 3 м. На лодках-долбленках ловили рыбу в маленьких речушках и небольших озерах. Аналогичные лодки-долбленки бытовали у многих народов: вепсов (карбас, венех), марийцев (тыгана, пуш), русских (долбленка).

Более усовершенствованной является лодка-дошанка — шитик (венех), имеющая самое широкое распространение не только на территории Карелии, но и у всех народов, живущих по берегам морей, озер и рек (рис. 2). Лодки-дошанки подразделяются на два типа: озерные

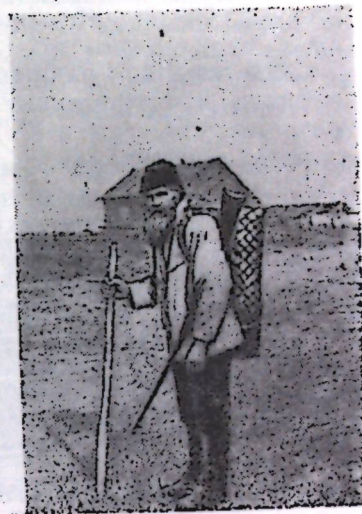

Рис. 1. Крестьянин с кошелем (кашшели)

¹ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Белого моря. М.—Л., 1938, таблицы 8, 10, 11, 18; А. М. Линевский. Петроглифы Карелии, ч. 1, Петрозаводск, 1939, стр. 165—167, таблица 53.

² Калевала. Карело-финский народный эпос. Собрал и обработал Э. Ленирот. Перевод Л. Бельского. Госиздат КАССР, Петрозаводск, 1956.

³ Н. Н. Воронин. Средства и пути сообщения. В кн.: История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 281.

и речные, между которыми, однако, не существует большого различия. Разница заключается лишь в размерах: озерные лодки гораздо больше и шире речных. Лодка-дощанка появилась у карел давно. Подтверждением этому могут служить руны «Калевалы»:

«Челн с уключиннами молвил:
«...Я ж, построенный прекрасно
Из досок, из целой сотни,
Здесь гнию на этих шепках,
На катках, смолой покрытых...»¹

Свидетельством раннего появления лодки-дощанки являются также материалы, представленные в «Очерке русской морской истории»², где отмечается, что «еще в XVIII в. на Белом море существовали суда, называемые шитиками».

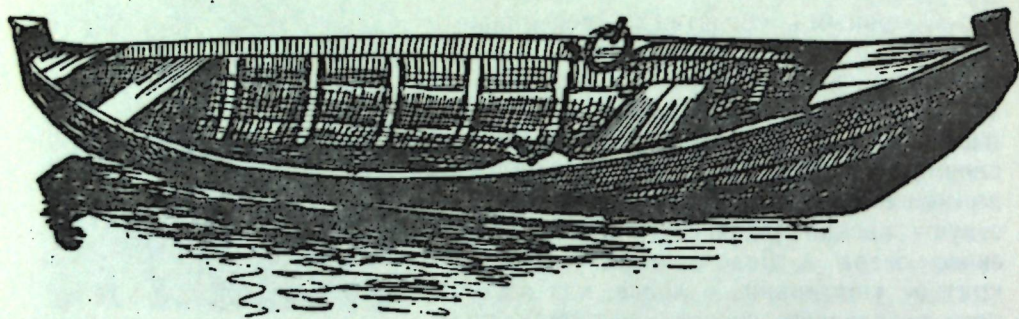

Рис. 2. Лодка-дощанка (шитик)

Лодка-дощанка — шитик, как говорит само название, сшивается преимущественно из еловых досок³. Для изготовления лодок у карел существовали следующие инструменты: ножовка, стамеска, молоток, топор, клещи для зажима досок, рубанок и сверло. Устройство современной карельской лодки-шитика довольно простое. Основанием лодки служит киль, соединенный в единое целое с носовой и кормовой кокорами (неякокор, тагакокор). Эти части вместе с прибитыми к килю шпангоутами (куорад) составляют остов лодки, на который с обеих сторон набиваются доски (лайдад). В процессе работы, для того чтобы доски плотно прилегали друг к другу, их стягивают самодельными деревянными клещами (жимкат). По бортам лодки для прочности прибавляется ободок с утолщением для уключин (соудан пейлаг), которые делаются двух типов: 1) простой обруч из вицы, очень неудобный, быстро снашиваемый, но дешевый; 2) железный стояк, на который одевается скоба, прикрепленная к ручке весла (это более поздний современный тип). Скамеек в лодке делается чаще две: для кормщика в корме (пера телль) и для гребцов в середине (соудан телль). Готовую лодку смолят и перед спуском на воду дают ей время просохнуть. Лодки эти очень удобны, вместительны и устойчивы. В северной Карелии такие лодки известны под двумя названиями «поездник» — двух или четырехвесельная лодка и «карбас», вмещавший до тонны груза.

¹ Калевала. Указ. изд., руна 39.

² Очерк русской морской истории, ч. I, СПб., 1875, стр. 16—17.

³ В XIX в. доски «сшивались» ивовыми прутьями, гвоздей при строительстве лодки не применяли. В советское время доски стали набиваться подковными гвоздями, однако, лодку по-прежнему называют в народе «шитиком».

Последние имели широкое распространение у поморского населения, занимавшегося рыболовством.

В прошлом при передвижении на лодках в больших водоемах карелы пользовались прямым четырехугольным парусом, который шился из домотканого грубого холста. Парус закреплялся на мачте, длина которой обычно составляла 1,5—2 м. Управляли парусом при помощи длинной веревки, прикрепляющейся одним концом к мачтовой рее (роога), а другим — к корме лодки. На небольших лодках имелось два гребных весла длиной 2—2,5 м и маленькое — кормовое весло длиной 1—1,5 м. На больших лодках пользовались 2—3 парами гребных весел. На реках рулевой кроме кормового весла имел еще и шест, при помощи которого он измерял глубину дна и отталкивался в более мелких местах.

Продвижение на лодках по порожистым рекам Карелии требовало большой силы и мастерства. Наиболее трудным и опасным был спуск вниз по течению реки, когда малейшая оплошность могла привести к гибели людей, едущих в лодке, и к потере груза. Поэтому большое значение приобретало искусство вождения лодок по стремительным, порожистым рекам, которым хорошо владели так называемые коршики — лодочники из местных жителей. Многие коршики с большим умением проводили лодки по извилистому руслу реки среди бесчисленных подводных и надводных камней. На спокойных участках рек гребли веслами, а там, где встречались «быстрины», наиболее опасные для прохода лодки, прибегали к помощи длинного деревянного шеста, которым опирались о дно реки, плывя вблизи берега. На порогах пассажиры вынуждены были сходить с лодки на берег и обходить их пешком, а лодочник сам переправлял лодку с грузом¹.

В южной Карелии иногда встречаются плоскодонные лодки, очень удобные тем, что способны проходить любые мелководные места. На озерах обычно пользовались лодками больших размеров, стараясь плыть вблизи берегов.

Мастера многих деревень строили не только лодки, но даже морские суда. В прошлом столетии славились на весь Архангельский край своим мастерством по сооружению крупных морских судов жители старого большого карельского села Подужемья, расположенного в 17 км от г. Кемь. «Дело судостроения, — писал А. В. Ивановский, — ведется карелами чрезвычайно просто, бесхитростно, они не знают ни чертежей, ни планов, ни каких бы то ни было приемов усовершенствованного технического судостроения, они руководствуются только навыком и каким-то архитектурным чутьем. Только при сооружении шкун и кораблей ими употребляются кое-как, аляповато, неуклюже сделанные чертежи»². В г. Олонце в петровское время делались «высокие суда с сильно поднятым носом и кормой»³. В описываемый период в центральной и южной Карелии судостроение имело характер отхожего промысла.

В прошлом, когда в крае не было колесных дорог, лодка, как средство передвижения, имела большое значение. Немалую роль она играла и в хозяйстве карела: на ней возили сено с покосов, ловили рыбу; значительную роль лодка играла и в свадебном обряде, если сватовство происходило летом. Очень хорошо дано описание свадебного поезда на

¹ И. В. Оленев. Указ. произв., стр. 140—141; Д. А. Золотарев. В северо-западной Карелии. В кн.: Карельский сборник. Л., 1929, стр. 5.

² Архангельская Карелия. Архангельск, 1908, стр. 38.

³ П. Минорский. Олонецкие карелы и Ильинский приход. В кн.: Олонцкий сборник, вып. 2. Петрозаводск, 1886, стр. 198.

лодках в северной Карелии И. В. Оленевым: «Вперед (свадебного поезда — Р. Т.) едут новобрачные, и каждая встречная лодка сначала описывает круг около лодки виновников торжества и затем присоединяется к поезду... По приезде на пристань новобрачные не выходят из лодки. В знак особого почета их тащат в лодке до крыльца дома жениха...»¹

Для переправы через небольшие реки иногда применялись плоты. Плот (лаут) делался из 3—5 скрепленных между собой ивовыми прутьями или шпонками бревен длиной около 2 м каждое. У места переправы через реку протягивался канат или трос, при помощи которого перетягивался плот. Чаще при переезде на плоты отталкивались шестом.

Карелы строили также и специальные промысловые плоты, например, для промысла раковин-жемчужниц. Делали такой плот из 4—5 сухостойных еловых бревен длиной каждое около 2 м и толщиной 20—30 см. По краям прибывали две, а иногда и четыре доски, чтобы поднятые раковины не свалились обратно в воду. К одному углу плота привязывали тонкую бечевку, достигавшую иногда длины 125 м, к концу которой привязывали небольшой якорь или камень. По этой бечевке спускались вниз по течению или поднимались вверх по реке. В одном конце плота между бревнами проделывали отверстие диаметром 17—18 см, в него вставлялась берестяная трубочка, которая должна была выдаваться на поверхности плота на 4—5 см, на верхний край трубки клали подушечку из холста, набитую мхом или травой с тем, чтобы предохранить от повреждения глаз промысловика при наблюдении за дном реки.

СУХОПУТНЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Из упряжных животных в качестве тягловой силы карелами широко использовалась лошадь. Кроме того, вплоть до начала текущего столетия в северо-западной части Карелии был распространен олений транспорт.

Лошадь карелам была известна еще в прошлом тысячелетии и уже в ту отдаленную от нас эпоху была ездовым животным². Из письменных источников видно, что карелы держали маленьких, коренастых, но довольно сильных, выносливых и очень неприхотливых к корму лошадей. Зимой обычно их кормили мелко искрошенной соломой, посыпанной мукой и обваренной кипятком³. О карельских лошадях, которые, вероятно, были особой породы, имеются сведения в берестяной грамоте, найденной А. В. Арциховским при раскопках в 1957 г. в Новгороде в культурном слое середины XIV в. В грамоте говорится: «...Пойми моего цалца, корми еждень овсымъ. А тоби почиха... пойми коне корилескы»⁴. Слово «цалца» означает чалого коня, которого надо ежедневно кормить овсом.

Упряжку карелы производили русским способом. В упряжную сбрую входили: узда (пайчат), хомут (хянг) со шлеей (шлея), дуга (бем-

¹ И. В. Оленев. Указ произв., стр. 135—136. (Аналогичный обычай бытовал и у карел Кондопожского р-на. См. Р. Ф. Тароева. Отчет о работе этнографической экспедиции в Петровском районе КАССР в 1956 г. Архив Карельского филиала АН СССР).

² А. М. Линевский. Карелы. «Советская этнография», V, 1941, стр. 95.

³ И. В. Оленев. Указ. произв., стр. 69; Н. Камкин. Указ. произв., стр. 300—301.

⁴ А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. «Советская археология», 1958, № 2, стр. 235.

бель), пристегиваемая гужами (рахиксет) к оглоблям (айжат) и к хомуту, который стягивался супонью (риндахум), затем седелка (седёлк) с чересседельником для подъема оглобель и две вожжи (охяксет).

В дореволюционной Карелии простейшим из упряжных средств передвижения в крае являлась волокуша (волоку), которая имела довольно широкое распространение по всему северу России, в Поволжье и в центральной России (рис. 3). Зачастую только на волокуше можно было летом проехать по узким, холмистым или болотистым проселочным дорогам Карелии. Волокуша представляла собой две жерди — оглобли длиной около 3—3,5 м. Посредине оглобли перевязывались прутьями (вязок) или сколачивались одной-двумя досками, к которым привязывали небольшой, плетеный из узких берестяных лент кузовок для перевозки кладки или езды. «Возчик» садился обычно верхом на лошадь или шел рядом с ней по дороге¹. Русские называли волокушу «смычками»².

Рис. 3. Волокуша

Волокуши-смычки использовались при перевозке грузов в летний период. В настоящее время волокуши утратили свое значение в связи с развитием дорог и средств транспорта.

Сани (реги) были издавна широко распространены у карел. Сани изготовлялись крестьянами для нужд своего хозяйства и по своему виду были весьма разнообразны. Употреблялись они для перевозки грузов не только зимой, но нередко и летом. Простейшим видом саней были дровни, которые подразделялись на летние и зимние.

Летние дровни (кезарег) всегда делались короче зимних, обычно в три копыла и всегда без подрезов³. Перевозили на них дрова, сено, снопы, солому, навоз. О перевозке в летнее время грузов в санях упоминает в своей работе Н. Камкин. Он пишет: «Из Подужемья до Маслозера следуют или верхом на лошадях или пешком. Грузы же перевозятся на санях и летом, ввиду скалистого и вообще каменистого грунта»⁴.

У карел, как и у ряда других народов (северных великороссов, вепсов, коми-пермяков, марийцев), еще в 20-х годах текущего столетия существовал архаичный обычай возить покойников на кладбище на дровнях. Этот обычай с древних времен был известен на Руси и сохранился вплоть до настоящего времени у населения Закарпатья. Подобный же обычай долго сохранялся в Карелии: в Заонежье, в Олонецком и Пряжинском районах. Этот пережиток указывает на то, что сани были известны в Карелии, так же как и на Руси, с давних времен⁵.

Зимние дровни делали из березы (рис. 4, 5). Они состояли из двух полозьев (дяллаксет) с накопильниками (пойки пуолине), которые связывали верхние концы копыльев (каблахат), вдолбленных внизу в полозья, а сверху в грядки (куста). Полозья обычно подбивались

¹ М. А. Круковский. Олонецкий край. СПб., 1904, стр. 102.

² Смычки от слова смыкать — волочить, шаркать.

³ Подрез или тбрмаз — железная полоса, набивавшаяся под полозом, чтобы сани менее раскатывались.

⁴ Н. Камкин. Указ. произв., стр. 48.

⁵ А. М. Линевский. Карелы, стр. 96.

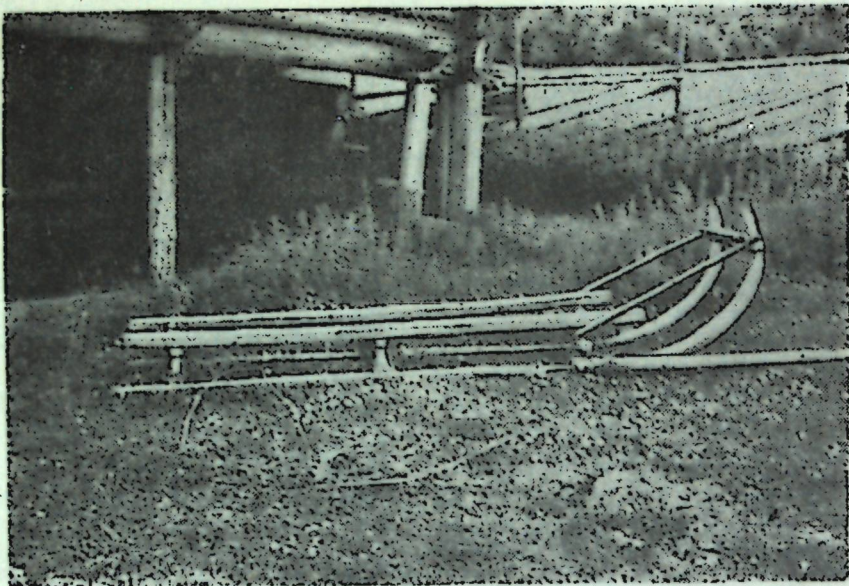

Рис. 4. Дровни

подрезами, которые способствовали лучшему скольжению и более продолжительной сохранности дровен¹. Дровни отличались от саней тем, что делались без короба или кузова. Служили они для перевозки дров из леса или тяжестей.

Для езды у более зажиточных карел имелись сани с «креслом», т. е. с достаточно высоким задком, так что можно было сидеть лицом

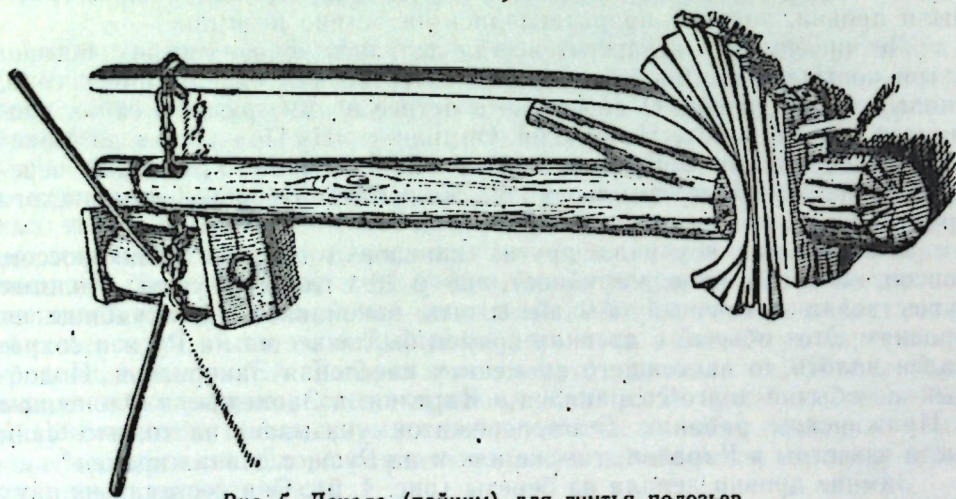

Рис. 5. Лекало (пайним) для гнуща полозьев

к лошади. В дальнейшем сани были более усовершенствованы. На месте «кресла» появились козлы для кучера и кузов с высокой спинкой и боками для пассажиров. Такие сани у карел назывались «кордь». В них зимой ездили в город, в праздничные дни катались по близлежа-

¹ Р. Ф. Тароева. Отчет о работе этнографической экспедиции в 1956 г. в Петровском районе КАССР. Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 20, ед. хр. 75.

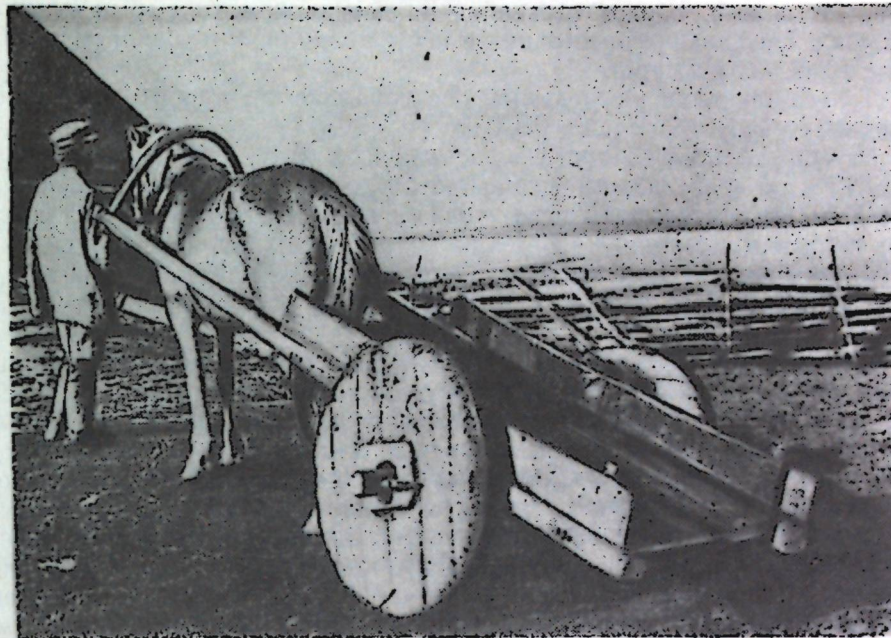

Рис. 6. Телега на сплошных деревянных колесах

щим деревням, иногда возили в город рыбу или дичь для продажи, а оттуда привозили муку и другие товары.

Делали сани сами крестьяне. Для этого они выбирали в лесу березу, срубали ее и везли домой. Здесь березу обтесывали, парили в русской печи и ставили гнуться в специальную гнулку (пайним), которую обычно держали на сарае. После снятия полозьев из гнулки их несли в избу, где у многих карел были вделаны в стену обтесанные жерди (дяллас пуу), специально предназначенные для сушки полозьев. Сушили полозья от 3 до 5 дней, а потом в них делали гнезда для копыльев, которые связывались поперек вязками из ели или черемухи.

Колесные средства передвижения в конце XIX в. имели распространение только в южной Карелии, а в северных волостях телеги были неизвестны. Священник О. Ладвинский, описавший Ребольский приход Повенецкого уезда, отмечал: «Телеги или езда на колесах неизвестны и более по причине плохих дорог»¹. Однако и в южной Карелии у большинства крестьян телеги были весьма примитивными и их обычно делали сами крестьяне. Телеги эти были на деревянном ходу с деревянными сплошными колесами, сколоченными из толстых досок (рис. 6).

Описание таких телег имеется в «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1897 г.»². Образец телеги со сплошными деревянными колесами хранится в коллекции этнографического отдела Русского музея. Житель д. Деухоя Кондопожского р-на Н. В. Абакумов рассказал нам, что еще 35 лет тому назад в их деревне были две телеги на сплошных деревянных колесах. «Правда, телеги эти были старые и таких уже

¹ О. Ладвинский. Особенности общественного быта жителей Паданского погоста и о Ребольском приходе Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Архив Русского географ. об-ва, р. 25, оп. 1, д. 5.

² Памятная книжка Олонецкой губернии на 1897 г. Петрозаводск, 1897.

давно не делали. Грохот таратайки на деревянном ходу был слышен издали. На дальние расстояния в ней не ездили, т. к. боялись как бы не развалилась по дороге»¹.

Телеги-двуколки на железной оси появились на территории южной Карелии во второй половине XIX в.

Четырехколесный тарантас появился позже и был заимствован у русских, об этом говорит и приводимая ниже терминология основных частей телеги: передние колеса — эдизет круугат; задние — тага круугат; передняя и задняя ось — эди и тага ося; подушки — подушка; короб для телеги — телеган короба или дюашикка; оглобли с тяжами — айзат правиланкер; спицы в колесе — спичкат; подрезы — телеган шинат.

В прошлом столетии в северной Карелии груз перевозился на оленях. Упряжь оленей состояла из намордника, хомута и седелки. Последняя делалась из толстой мягкой матерчатой ткани и опоясывала туловище оленя между задними и передними ногами, ближе к передним ногам; по бокам она скреплялась кожаными ремнями с хомутом для того, чтобы при спуске с горы хомут не съезжал с шеи на голову². Хомут на шее оленя стягивался сверху, а снизу к хомуту подвязывался длинный толстый ремень — тягач, который проходил под туловищем оленя между передними и задними ногами и своими раздвоенными концами привязывался к легким санкам с широкими полозьями наподобие дровен (келкка). Ремень этот заменял оглобли. Намордник надевался оленю на морду и не соединялся с другими частями упряжи. Снизу приделывалось к наморднику кольцо, к которому подвязывалась одна кожаная или веревочная вожжа. При управлении вожжей погонщик пользовался одним осязанием оленя: вожжа по обыкновению находилась с правого бока оленя, совершенно ослабленная при прямом ходе. Когда погонщик натягивал вожжу, перекидывая ее через шею на левый бок оленя в таком же состоянии, тогда олень поворачивал налево, а для прямого хода вожжа перекидывалась обратно; вожжа натягивалась только для поворота оленя направо.

При перевозке грузов 30—50 оленей следовали гуськом, что называлось райдой (ряд). На взрослого оленя в райде полагался груз не более тяжести двух мешков муки. Каждый олень в райде подвязывался к задней части саней предыдущего оленя. Упряжь у всех оленей в райде была одинаковой, но вожжа подвязывалась только к переднему оленю. Райду сопровождали три—четыре человека на лыжах. Один из них шел впереди райды, ведя за узду переднего оленя, а другие шли сбоку, понукая оленей звуками, похожими на те, какими на севере понукают лошадей. Если снега было мало, то шли прямо по нему в стороне от дороги; без груза обычно ездили прямо по снегу, делая в день 40—50 км (Г. Р. Державин писал, что проезжали «даже по 60 верст в день»³).

По мере надобности в сани иногда впрягалась пара или тройка оленей. Упряжь оставалась такой же, но вожжа при езде на паре оленей находилась у правого оленя, а при тройке — у среднего оленя.

¹ Р. Ф. Тароева. Отчет о работе этнографической экспедиции в 1956 г. в Петровском районе КАССР. Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 20, ед. хр. 75.

² Краткие заметки об упряжке оленей есть в работе Г. Р. Державина и Н. Камкина. Более подробные сведения автор получил из рассказов стариков в районе Калевалы КАССР в 1953 г.

³ Г. Р. Державин. Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии, 1785 год июля 19. В кн.: В. В. Пименов и Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958, стр. 157—191.

Ремни — тягачи без раздвоенных концов подвязывались к передней загнутой части полозьев, и погонщик вооружался хлыстиком с пластинкой из дерева или кости, которым он погонял оленей.

Для одиночного седока олень впрягался в кережку, которая, по словам Г. Р. Державина, «представляет совершенно вид поперек перерубленного челнока, длина его до трех аршин, шириною же до 12 вершков»⁴. Наличие подобной кережки у саамов (лопарей) и аналогичный с карелами тип упряжки оленей позволяет полагать, что олений транспорт был заимствован карелами от саамов, которые часто бывали на севере Карелии в XIX в., а в далеком прошлом занимали эту территорию.

В настоящее время способ передвижения на оленях утратил свое значение, лишь в некоторых местах районов Калевалы и Лоухского оленя иногда используются в качестве тягловой силы.

Зимой у карел широко практикуется ходьба на лыжах, особенно в северных районах. Населяя преимущественно лесную полосу со значительным количеством снега, карелы, естественно, не могли обходиться без лыж. Лыжи являлись необходимой принадлежностью охотника, рыболова, мелкого торговца и др.

Еще в далекие времена (3 тыс. лет до н. э.) население Карелии пользовалось лыжами как средством передвижения. В подтверждение этого можно сослаться на петроглифы Карелии⁵. В эпосе «Калевала» также неоднократно упоминаются лыжи и даже дается описание их изготовления:

«Кауппи тот искусен в лыжах,
Вырезает лыжи в осень,
Их обтачивает в зиму,
День один строгаёт палку,
День другой — кольцо упора.
Лыжа левая готова,
Лыжа правая за нею,
Приготовлены и палки
И приложены к ним кольца»⁶.

Лыжи у карел делятся на зимние и летние — болотные. Зимние лыжи можно разделить на три типа: дорожные — узкие, для быстрой ходьбы; лесные (охотничьи) — широкие; в отдельных местах, правда, очень редко, встречаются лыжи, обитые мехом (например, д. Нильмозеро Лоухского р-на).

Г. Р. Державин указывает на наличие у карел в XVIII в. особого рода лыж: «...одна длиною в четыре аршина, шириною же в 3 вершка и всегда бывает березовая, другая же бывает из разного дерева и длиною в 3 аршина, шириною же равна с первой. Березовая шукша (лыжа — Р. Т.) надевается на левую ногу и низ под оной выстроган, по середине же выдолблен во всю длину лыжи желобок; она употребляется по свидетельству их для удобного раската, и гонящиеся за зверьями подбивают весь испод правой лосиными лапами дабы шерсть при восходе на гору, противостоя, скатываться препятствовала. Посредине для ноги делается род колодки, и чтобы она прямо стояла привязывают сзади из вицы или кожи петлю и застегивают ногу»⁷. Палка

⁴ Г. Р. Державин. Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии, 1785 год июля 19. В кн.: В. В. Пименов и Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958, стр. 157—191.

⁵ А. М. Линевский. Петроглифы Карелии, ч. I, таблицы 10—11. Петрозаводск, 1939; В. И. Равдоникас. Указ. произв., таблица 18—19.

⁶ Калевала. Указ. изд., руна 13.

⁷ Г. Р. Державин. Указ. произв., стр. 178.

у этих лыж была одна «с кружком на конце, палка сия препятствует шукшам¹ погрязать в снегу»².

В других источниках нет упоминания о том, что карелы пользовались такого рода лыжами, но они были распространены у скандинавских народов и у соседнего финского населения. Подробное описание лыж у финнов дается в работе Сирелиуса³.

В XIX и начале XX вв. карелы изготавливали лыжи из прямых сосновых или чаще березовых досок.

В ряде деревень Карелии нами были обнаружены старые лыжи, сделанные в конце XIX или начале XX вв. Длина таких лыж около 2 м, ширина 6—8 см. Носок лыж загибался (очень слабо) искусственным путем и заострялся. В носке лыжи просверливалась небольшая дырочка, предназначенная для того, чтобы при помощи веревочки, пропущенной в ней, можно было тянуть груз с охоты или рыбной ловли, а также покупки из магазина. Под ногу подбивался кусочек бересты (позднее — резины). При ходьбе нога вдевалась в кожаную или проволочную петлю. Креплений на лыжах северные карелы не делали, вероятно, потому, что у них имела распространение специальная обувь — сапоги с загнутыми носками (кенкят), которая была широко распространена до 20-х годов XX в. В настоящее время такая обувь утратила свое значение. В южной Карелии подобных сапог не носили. Аналогичная обувь известна у народов Крайнего Севера: ненцев, эскимосов, кроме того, у коми-зырян, у монголов и др.

Карелы всегда ходили на лыжах с палками, которые делали из более прочного дерева (черемухи). Кольца, препятствовавшие палкам погружаться в снег, изготавливали из сухих наростов на березе — грибов (паккули). Охотники обычно пользовались одной палкой, вторую им заменяла охотничья лопаточка.

Северные карелы имели обыкновение украшать лыжи простым орнаментом или прямыми линиями. Для нанесения линий у них имелся инструмент под названием «чиртти» (от русского слова чертить) — в маленький деревянный кружок вбивался гвоздь, при помощи которого наносился орнамент и проводились различные линии, какие под-сказывала фантазия.

Болотные лыжи (суосуксет) употреблялись только в северной Карелии для ходьбы или работы на болотах. По форме эти лыжи напоминали ракетку для тенниса. Делали их сами крестьяне из тонкого березового ствола, которому путем сгибания придавалась форма ракетки, а затем все это переплеталось ветками. Посредине лыжи делали приспособление для ноги, такое же, как и в зимних лыжах. Болотные лыжи имеют распространение в северной Финляндии⁴ и Эстонии; по форме они аналогичны с карельскими, но гораздо меньших размеров. Вероятно, природные условия, наличие большого количества болот, способствовали созданию таких лыж, удобных для ходьбы по топким болотам. Часто болотные лыжи употреблялись во время сенокоса на затопленных лугах, особенно вблизи лесных озер.

Изложенный материал позволяет отметить следующее:

Средства и способы передвижения у карел в конце XIX и начале XX вв. были довольно примитивными и в то же время отличались некоторым своеобразием (летние лыжи и т. д.).

¹ По всей вероятности, Г. Р. Державин имел в виду то, что кружок препятствовал погружаться в снег не лыжам (шукшам), а палкам.

² Г. Р. Державин. Указ. произв., стр. 178.

³ Y. Sirelius. Suomen kansanomaista kulttuuria. Helsinki, 1919.

⁴ Y. Sirelius. Там же, стр. 57.

Наличие большого количества озер и рек на территории Карелии, являвшихся основными путями сообщения, способствовало наиболее широкому распространению разнообразных видов водного транспорта: лодок различных размеров от однодеревки-долбленки до морских судов (карбасы), в строительстве которых карелы достигли большого искусства.

Употребление оленей в качестве тягловой силы было известно северным карелам в XIX в. По всей вероятности, олений транспорт был заимствован карелами от саамов; об этом говорит терминология, наличие керезки, подобной саамской, а также аналогичные способы упряжки оленей.

После Октябрьской социалистической революции в способах и средствах передвижения карел произошли огромные изменения. Советское правительство обратило серьезное внимание на развитие всех видов транспорта в стране, в том числе и в Карелии. За годы Советской власти на территории Карелии построено много хороших шоссейных дорог, улучшены дороги местного значения, что дало возможность отдельным селениям чаще общаться с районными центрами. Общая длина безрельсовых дорог в Карелии в 1956 г. равнялась 11 тыс. км¹.

Ликвидация бездорожья способствовала подъему экономики и культуры народа. Архаические способы передвижения: волокуши, лодки-долбленки, телеги со сплошными деревянными колесами отошли в область предания. Лыжи, как средство передвижения, в настоящее время уже не играют большой роли. Зато значительное развитие в крае получил лыжный спорт.

Появление дорог способствовало широкому внедрению в хозяйство карельских колхозников колесного и автомобильного транспорта, который стал одним из основных средств передвижения в республике. Об этом красноречиво говорит хотя бы тот факт, что протяженность автобусных линий в Карелии в 1956 г. составляла около 3 тыс. км².

За годы Советской власти должное развитие получил водный и железнодорожный транспорт, что значительно способствовало дальнейшему подъему народного хозяйства КАССР. Большой размах приобрело развитие гражданской авиации.

¹ Карельская АССР. Географгиз, М. 1956, стр. 252.

² Там же, стр. 252.

Г. А. ПАНКРУШЕВ

ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из самых актуальных и в то же время сложных вопросов, встающих перед исследователями археологических памятников Карелии, является вопрос их датировки.

Карелия, находясь на Крайнем Севере Европы, отдалена огромными пространствами от Средиземноморья, где некогда существовали центры культуры. Естественно, что ее древнейшее население, как и население всего Севера Европы, не могло иметь связей с этими центрами. Поэтому при датировке северных памятников мы не можем использовать древние письменные источники, которые служат основой для абсолютной хронологизации древних археологических памятников Юга, по меньшей мере со II тысячелетия до н. э. Более того, нет возможности непосредственно определять абсолютную дату северных типов вещей даже по совместным находкам с южными типами, ибо таких совместных находок на Севере не обнаружено. В связи с этим датировка памятников на Севере и, в частности, в Карелии производится косвенно, по совместным находкам с вещами, которые более или менее точно датированы (непосредственно или косвенно) по цепочке типологических сравнений, причем исходным началом такой цепочки должны быть хорошо датированные вещи Юга.

Эффективность такого применения типологического метода датировки в условиях Севера убедительно доказана А. Я. Брюсовым¹, поэтому нам нет необходимости подробно освещать этот вопрос.

Конечно, как и всякий другой метод, взятый в отдельности, метод типологического анализа инвентаря стоянок не безошибочен. Поэтому наряду с ним на Севере и, в частности, в Карелии применяются другие вспомогательные методы датировки, в том числе датировка с помощью пыльцевого анализа, датировка по высотным данным стоянок и др. Последняя широко применяется в области всего Фенно-Скандинавского щита, что обусловлено здесь значительным вековым поднятием суши в послеледниковое время.

В Карелии подъем суши менее заметен и, кроме того, значительная часть ее территории удалена от моря. Поэтому здесь возможности датировки древних поселений по высотным данным не могут быть столь результативны. Однако и здесь этот метод неоднократно приме-

¹ А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. «Советская археология», XVIII, 1953.

нялся¹ и продолжает играть значительную роль при датировке стоянок, расположенных на побережье Онежского и Ладожского озер и Белого моря.

Несколько реже в условиях Карелии применяется метод датировки древних поселений с помощью пыльцевого анализа. Это объясняется тем обстоятельством, что большинство стоянок Карелии имеет дюнный характер, поэтому их почвенные слои зачастую почти не содержат пыльцы растений и не дают ясного представления о характере растительности, бытовавшей на том или ином поселении в изучаемый период².

Таким образом, достаточно точная датировка неолитических памятников Севера может быть достигнута применением типологического метода в сочетании с другими данными (высотными, пыльцевыми, стратиграфическими и пр.), причем основным остается типологический метод.

В настоящее время большинство ученых-археологов при датировке памятников Севера особенно широко использует метод типологического анализа керамики поселений. Так, например, поступили А. Я. Брюсов³ при датировке Сунских стоянок в Карелии, Н. Н. Гурина⁴ — при датировке стоянок северного побережья Онежского озера, Сямозера и др., Л. Ю. Янитс⁵ — при датировке стоянок Эстонии, финские археологи (А. Eugoraeus, J. Ailio, C. Meinander⁶ и др.) — при датировке стоянок Финляндии, М. Е. Фосс⁷ — при датировке стоянок Каргопольской, Беломорской и Печорской культур и др. Датировка по типам керамики тесно связана с датировкой по типам орудий и является частью типологического метода.

Однако прежде чем излагать непосредственно вопросы датировки древнейших памятников Карелии, необходимо дать хотя бы краткие сведения о хронологических схемах, составленных археологами для соседних с нею областей, с которыми у обитавшего здесь древнейшего населения несомненно были самые разнообразные связи. Поэтому правильно датировать памятники Карелии можно только учитывая данные этих областей.

Древнейшими памятниками периода неолита на территории Финляндии, по сведениям финских авторов, являются бескерамические стоянки так называемой культуры Суомусярви (Озерной культуры),

¹ Г. И. Горецкий. Неолитические стоянки в районе р. Кемп. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (КСИИМК), вып. 9, 1941; Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. «Материалы и исследования по археологии» (МИА), № 20, М.—Л., 1951.

² В последние годы в Финляндии стали применять способ датировки по С 14 (см. «Historian opettajain päivät», 1—2, II, 1957; Historiallinen aikakausheti, № 4, 1957).

³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 98.

⁴ Н. Н. Гурина. Указ. произв.; Е е же. Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области. КСИИМК, вып. 51, 1953.

⁵ Л. Ю. Янитс. Неолитические поселения на территории Эстонской ССР. В кн.: Древние поселения и городища. Таллин, 1955.

⁶ А. Eugoraeus. Stenålders keramik fran kustboplatser i Finland. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja (SMYA), XXXVII, 1927; J. Ailio. Die steinzeitlichen wohnplatzlunde in Finland. Helsinki, 1909; C. F. Meinander. Die Kiukaiskultur. SMYA, 54, Helsinki, 1954.

⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, М., 1952.

относимой к VI—IV тысячелетиям до н. э.¹ Для них характерны шарообразные каменные молоты с воронкообразным отверстием, сверленным с одной стороны, шиферные наконечники копий в форме листа, первичные топоры и теса (типа Суомусярви), грубо обработанные и слабо отшлифованные, тонкобушные топоры с обточкой только по лезвию, грубые слабо шлифованные северные плоские долота и др. Наряду с этим встречаются орудия из сланца хорошей шлифовки, а также кварцевые скребки, резцы и т. п. Кремня нет. Керамика на стоянках этого типа тоже не представлена. Стоянки расположены на самом высоком уровне — 100 м выше современного уровня моря.

Далее следует раннекерамический период, относимый К. Мейнандером ко времени с 3000 до 2500 гг. до н. э., а А. Европеусом — ко времени с 3000 до 2250 гг. до н. э. Этот период характерен исчезновением шарообразных каменных молотов, сланцевых наконечников копий и появлением новых типов орудий: топоров типа «Рованиеми», остроконечных и северных топоров. Сланцевые орудия стали подвергаться лучшей обработке. Появилась керамика так называемого типа «Сперрингс»: грубые толстенные, больших размеров, остродонные лепные сосуды с примесью дресвы к глиняному тесту, орнаментированные простейшими узорами из грубых отпечатков веревки и беспорядочно расставленных по этому узору ямочек. Наиболее частым узором в орнаменте керамики типа «Сперрингс» является узор из смежных неправильных треугольников, заполненных отпечатками веревочки или прочерченными линиями, создающих впечатление корзиночного плетения. Прочерченные линии являются более поздними элементами орнамента и в самой ранней керамике этого типа отсутствуют. Несколько позднее появилась ранняя керамика типа «Якярля», орнаментированная горизонтальными рядами отпечатков короткого зубчатого штампа.

Следующим этапом в древнейшей истории Финляндии является время гребенчатой керамики, датируемое К. Мейнандером 2500—1900 гг. до н. э., а А. Европеусом — 2225—1800 гг. до н. э. Этот этап делится на три периода: 1) ранняя гребенчатая керамика с простейшим зональным зубчато-ямочным орнаментом без сложных узоров; 2) типичная гребенчатая керамика с геометрическим сложным строго зональным узором из треугольников, зигзаговых полос, ромбов, заполненных зубчатыми линиями, из наклонных полос, составленных отпечатками короткого зубчатого штампа и т. п.²; 3) поздняя гребенчатая керамика с бедным орнаментом из рядов неглубоких ямок (керамика типа «Ускела»); отпечатки зубчатого штампа и зубчатых линий встречаются редко, узор беден.

Для времени гребенчатой керамики в Финляндии характерно большое разнообразие орудий, особенно шлифованных сланцевых: северные плоские долота (укороченные, со шлифовкой хорошего качества), короткие четырехгранные долота, ромбовидные с просверленными отверстиями орудия (клевцы), шиферные наконечники стрел, грузила для лесок и пр. В конце гребенчато-керамического времени широкое распространение получили маленькие долотца с плоским и желобчатым лезвием (до 5 см

¹ Здесь и далее при изложении хронологической схемы датировки памятников Финляндии использована следующая литература: С. Ф. Meinander. *Etelä-Pohjanmaan historia*, I. Helsinki, 1950; А. Европеус. *Доисторические поселения Финляндии*. В кн.: Финляндия, Географический сборник, М., 1953; А. М. Tallgren. *Suomen muinaisuus*. Helsinki, 1951.

² Обычная для Карелии ранняя керамика волго-окского типа, совпадающая по времени с типичной гребенчатой керамикой Финляндии, редко встречается на стоянках последней; по всей вероятности, ее проникновение в эту область было незначительным.

длиной) и когтевидные долотца с поперечным желобком по лезвию, применяемые, вероятно, в качестве скребков.

В период с 1980 по 1600 гг. до н. э. на юго-западе Финляндии господствовала пришлая «культура ладьевидных топоров», характерными признаками которой являются широко распространенные на юго-западе Финляндии и в ряде других стран массивные, красиво отделанные в форме лодки каменные сверленные топоры и «шнуровая» керамика. На остальной территории Финляндии, по всей вероятности, продолжался последний этап гребенчатой керамики.

На основе местной гребенчатой керамики и шнуровой керамики племени примерно около 1600 г. до н. э. возникает новый тип керамики — керамика так называемой культуры Киукайн. Этот тип керамики отмечается грубостью лепки, слабым обжигом, орнаментом из редко расставленных ямок или отпечатков зубчатого штампа, слабо прочерченных линий и т. п. Наряду с этим для культуры Киукайн характерно наличие ранней «сетчатой» керамики, т. е. керамики с отпечатками грубой ткани на стенках сосудов, сравнительно богато орнаментированной узором из зубчатых линий и отпечатков зубчатого штампа¹.

Период культуры Киукайн продолжался в Финляндии до 1200 г. до н. э., а затем сменился бронзовым веком (1200—300 гг. до н. э.)². Бронзовый век в Финляндии изучен еще сравнительно слабо. Бронзовых изделий найдено очень мало. На поселениях бронзового века представлена в основном «текстильная» керамика, каменные орудия постепенно выходят из употребления. Наряду с «текстильной» керамикой на поселениях этого периода встречается и «асбестовая» керамика³.

«Текстильная» керамика типа Сарса, имевшая наибольшее распространение в бронзовом веке Финляндии, состоит из плоскодонных сосудов вытянутой конусовидной формы с прямым или выгнутым в форме латинской буквы S горлом, с тонкими стенками (6—10 мм), с примесью толченого кварца или полевого шпата к глиняному тесту. Стенки сосудов покрыты отпечатками грубой ткани. Орнамент состоит из круглых ямок и оттисков штампа с резко вырезанными зубчиками. Поздняя «текстильная» керамика Финляндии орнаментирована главным образом ямками или совсем не орнаментирована. К. Мейнандер датирует раннюю ступень финской «текстильной» керамики временем с 1200 по 500 г. до н. э., а поздняя просуществовала вплоть до нашей эры⁴.

Хронология эстонских памятников периода неолита и раннего металла наиболее полно разработана Л. Ю. Янитсом⁵.

В основу своей хронологической схемы Л. Ю. Янитс кладет типологический анализ керамики с древних поселений Эстонии. Согласно этой схеме наиболее древней керамикой Эстонии является керамика так называемого «нарвского» типа, лепная, изготовленная из глины с примесью толченых раковин, украшенная слабо выраженным, как бы еще неопределившимся орнаментом из поверхностных, редко расставленных оттисков зубчатого штампа, слабо намеченной «шагающей гребенки» и т. п. Этот тип керамики встречается в самых нижних слоях древних неолитических поселений Эстонии и датируется серединой III тысячелетия до н. э.

¹ С. Ф. Meinander. *Die Kiukaiskultur*.

² А. Европеус. *Доисторические поселения Финляндии*, стр. 275—277.

³ С. Ф. Meinander. *Die Bronzezeit in Finland*. SMYA, 54. Helsinki, 1954, стр. 180.

⁴ С. Ф. Meinander. *Die Bronzezeit in Finland*, стр. 183—195.

⁵ Л. Ю. Янитс. Указ произв.; Его же. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. В кн.: *Вопросы этнической истории эстонского народа*, Таллин, 1956.

Следующий этап в древнейшей истории Эстонской ССР отмечен появлением типичной ямочно-гребенчатой керамики с характерным для нее орнаментом, составленным из строго зонального расположения треугольников, ромбов, зигзаговых полос, заполненных зубчатыми линиями, и наклонных полос, составленных оттисками короткого зубчатого штампа. Л. Ю. Янитс относит этот этап ко 2-й половине III тысячелетия до н. э. Наиболее распространенным орнаментом в керамике этого этапа является орнамент, составленный рядами оттисков длинного или короткого зубчатого штампа, зонально чередующимися с рядами ямок. Вся керамика 2-го этапа сравнительно хорошего обжига. Сосуды толсто-стенны с округлым или конусообразным дном, с примесью дресвы, песка или толченых раковин к глиняному тесту.

За ним следует этап поздней ямочно-гребенчатой керамики с явными признаками вырождения ямочно-зубчатого орнамента: зональность нарушается, оттиски зубчатого штампа редки, поверхностны и небрежны, ямки расставлены тоже небрежно, большое распространение получает вертикально-зигзаговый («елочный») орнамент из отпечатков зубчатого штампа, в орнамент входят небольшие ямочки, появляются сосуды с плоским дном. Этап датируется 1-й половиной II тысячелетия до н. э. На конечном этапе существования поздней ямочно-гребенчатой керамики появляется «шнуровая» керамика культуры ладьевидных топоров и ранняя «текстильная» керамика.

На основе двух последних типов во 2-й половине II тысячелетия до н. э. развилась керамика эпохи раннего металла — плоскодонные горшки с отвесными стенками, со скудным орнаментом из маленьких ямочек и оттисков различных штампов, слабо напоминающих орнаментацию более ранних типов керамики; поверхность сосудов часто заштрихована или имеет следы грубого текстиля. Этот тип керамики наиболее характерен для I тысячелетия до н. э.

По сравнению с описанными областями север Ленинградской области, Новгородская область и северо-запад Вологодской области в археологическом отношении изучены значительно слабее, и мы не имеем по этому району более или менее удовлетворительных данных. Однако, говоря об этом районе, нельзя не отметить, что на известных здесь ранних поселениях наиболее распространенным типом керамики является типичная ямочно-гребенчатая керамика с характерным геометрическим строго зональным узором из треугольников, ромбов, зигзаговых полос и наклонных полос, составленных оттисками зубчатого штампа и зубчатыми линиями. Такая керамика в значительной степени распространена также в Финляндии и в Восточной Прибалтике. Особенно обильно керамика этого типа представлена в Новгородской области на стоянке у оз. Городно, где она составляет 70% от всего собранного здесь керамического материала, в северо-западной и западной части Ленинградской области на стоянках: Сестрорецк, Ломми, Риукярви, Папинкагас, Теперинахо и в северо-восточной части Эстонской ССР на стоянках: Нарва городская и Нарва-Рейгикюла II. Наряду с упомянутыми стоянками имеется много других стоянок, на которых также представлена керамика данного типа, но в меньшей пропорции. К таким стоянкам относятся, например: Негежма, Хейккила, Виртала, Валма, Кулламяги, Акали, Ича, Пурциемс и многие другие¹.

¹ С материалом большинства упомянутых здесь стоянок автор ознакомился в фондах музеев Ленинграда, Москвы, Эстонской ССР и Латвийской ССР, а также в фондах Академии наук Эстонской ССР и Латвийской ССР. Кроме того, автором использованы при освещении этого вопроса указанные выше труды Ю. Айлю, А. Евронеуса, К. Мейландера, Л. Янитса и др.

Учитывая указанные выше границы наибольшего распространения типичной гребенчатой керамики, можно согласиться с Л. Ю. Янитсом, что область ее формирования охватывала районы между Ладожским озером и Валдайской возвышенностью¹. Вполне возможно, что местом ее возникновения является Новгородская область, где обнаружена стоянка с наиболее ярко выраженной керамикой этого типа. За пределами очерченных здесь границ типичная гребенчатая керамика (будем называть ее керамикой прибалтийско-новгородского типа) встречается очень редко и обычно в незначительном процентном соотношении с другими типами керамики. Так, например, она редко встречается в юго-западной Финляндии², в западной и юго-западной Прибалтике. Еще реже она встречается в области Каргопольской культуры.

В Карелии керамика прибалтийско-новгородского типа встречена в незначительном количестве в районе, прилегающем к западному побережью Онежского озера, на стоянках близ пос. Соломенное, в устье р. Суны и на берегу оз. Сямозера, датируемых концом III — началом II тысячелетия до н. э.³ Поэтому относить южную Карелию к области распространения керамики данного типа, как это делает Л. Ю. Янитс, неправильно, т. к. в действительности такая керамика встречается здесь так редко и в столь незначительном количестве, что совершенно теряется в общей массе керамики других типов.

Значительно большее распространение на стоянках древней Карелии, по сравнению с керамикой прибалтийско-новгородского типа, получила характерная для Прибалтики и Финляндии керамика, орнаментированная горизонтальными рядами оттисков прямо или косо поставленного длинного или короткого зубчатого штампа. Этот орнамент обычно дополнен кругло-коническими ямками, которые делят орнаментный узор на несколько горизонтальных зон. Такой орнамент, как известно, широко распространен в зоне зубчатой керамики, т. е. на стоянках Прибалтики и Финляндии, датируемых финскими и прибалтийскими археологами 2-й половиной III тысячелетия до н. э.

В отличие от керамики прибалтийско-новгородского типа будем именовать эту керамику керамикой прибалтийско-финского типа.

В Карелии этот тип керамики чаще всего встречается на позднем этапе существования керамики типа «Сперрингс» (Ялгуба II, Салменицы, Семеново II, Суна I, Соломенное VII, Курмойла I, стоянка в 9 км от Челмуж и др.) и на стоянках с ямочно-зубчатой керамикой, относящихся к последней четверти III — началу II тысячелетия до н. э. (Суна IV, Соломенное IX, и др.). На более поздних стоянках он встречается значительно реже.

Ознакомление с керамикой прибалтийско-новгородского и прибалтийско-финского типов показало, что, несмотря на признаки некоторого их влияния на развитие керамики карельских стоянок резко отличается от них. Это объясняется тем, что она имела свое самостоятельное своеобразное развитие, отличающееся от других соседних областей.

Древнейшие стоянки в области распространения Каргопольской культуры (Ягорбская, Нижнее Веретье, Погостище I) датируются временем от бореального периода (примерно с VI тысячелетия до н. э.) до

¹ Л. Ю. Янитс. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР, стр. 156.

² С. F. Meinander. Etelä-Pohjanmaan historia, стр. 19—20.

³ В небольшом количестве, по всей вероятности, как пережиточная, керамика этого типа встречается на стоянке Оровнаолок, датируемой серединой II тысячелетия до н. э.

середины III тысячелетия до н. э.¹ Эти стоянки не относятся к собственно Каргопольской культуре, которая сложилась позднее на основе материальной культуры древнего местного населения и пришлых племенных групп.

Для древнейших «докаргопольских» стоянок характерно широкое применение костяных орудий: наконечники стрел игловидного, ланцетовидного и шигирского типов с длинными черенками, мелкозубчатые мелкозубчатые гарпуны, наконечники стрел и гарпуны со вкладышами, пещни из трубчатых костей лося, цельные рыболовные крючки. К этому же времени относится распространение шлифовки и пиления камня. Кремневые наконечники стрел листовидного типа.

Древнейшие стоянки собственно Каргопольской культуры (Кубенино, Караванха и др.) относятся ко времени с середины III — до середины II тысячелетия до н. э. Среди их инвентаря много разнообразных кремневых, сланцевых и шиферных орудий, в том числе листовидные треугольно-черешковые наконечники стрел, русско-карельские топоры, сланцевые и шиферные кольца и др. Встречаются также костяные наконечники стрел шигирского типа с коротким черешком, костяные пещни и составные рыболовные крючки. Керамика ямочно-зубчатая, по типу близкая волго-окской, с небольшими местными отличиями в орнаменте и некоторой примесью керамики прибалтийско-новгородского типа.

На третьем этапе развития местной культуры (стоянка у устья р. Кинемы и верхний слой стоянки на месте свайного поселения на р. Модлоне), который датируется 2-й половиной II тысячелетия до н. э., древние типы костяных орудий отсутствуют, типичны небольшие однозубые костяные гарпуны, кремневые фигурки животных. Керамика в основном тонкостенная с орнаментом из мелких неправильной формы редких ямок и оттисков гребенчатого штампа. Орнаментальный узор редкий, состоит из горизонтальных линий, зигзагов и ромбов, составленных зубчатым штампом. Встречается также ранняя «текстильная» керамика.

Четвертый этап датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э. К нему относятся стоянки: Верхнее Веретье, Селище и др. В их инвентаре встречаются однозубые гарпуны (отделяющиеся от древка) и трехгранные черешковые наконечники стрел. Этот этап характерен распространением «текстильной» и гладкой керамики.

Нам нет необходимости останавливаться на хронологических данных Беломорской культуры, т. к. по своему характеру она имеет слишком мало общего с Карельской культурой и мало будет способствовать разрешению вопроса о датировке карельских памятников.

Значительно более интересным для нас является материал стоянок Мурманской области, но он, к сожалению, еще недостаточно хорошо изучен, не имеет более или менее четко разработанной хронологической схемы и поэтому не может способствовать разрешению вопросов датировки.

После краткого ознакомления с хронологическими схемами развития археологических культур соседних с Карелией областей мы можем перейти непосредственно к интересующему нас вопросу.

Приведенные выше схемы позволяют сказать, что важнейшим материалом для датировки древнейших поселений как рассмотренных нами областей, так и Карелии является керамика. Однако к наиболее точно датированным мы относим такие стоянки, датировка которых не огра-

¹ Данные о Каргопольской культуре излагаются по книге А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» и по книге М. Е. Фосс «Древнейшая история Севера Европейской части СССР».

ничивается керамическими данными, а подтверждается также наличием в их инвентаре хорошо датированных типов орудий, высотными данными и т. п. Прочно установленные даты таких стоянок в дальнейшем имеют большое значение при датировке других, бедных инвентарем или менее изученных памятников.

Так, например, одним из наиболее прочно датированных древних поселений в Карелии является стоянка Суна I, время существования которой А. Я. Брюсов отнес к концу III — началу II тысячелетия до н. э.¹ Наряду с керамическими данными при определении даты этой стоянки А. Я. Брюсов использовал найденные на ней, прочно датированные финскими археологами, топоры типа Рованиеми (приложение 10, 1), последняя фаза бытования которых относится к концу III тысячелетия до н. э.² Такой датировке не противоречат и другие данные стоянки Суна I: для нее характерны большие массивные сланцевые орудия (кирки карельского типа, топоры с овальным сечением и округлым лезвием, долота с сегментовидным сечением и т. п. (приложение 10, 2—5), значительная высота расположения над уровнем воды в Онежском озере и довольно большая удаленность ее от современного берега.

Прочно датированы А. Я. Брюсовым также стоянки на берегах оз. Машезера и «Святилище» у петроглифов «Бесовы следки» в устье р. Выга³. Первые (по топорам типа Рованиеми, по архаичному виду других орудий и по древней керамике льяловского типа) относятся ко времени, более раннему, чем стоянка Суна I, и датируются примерно 3-й четвертью III тысячелетия до н. э. Вторые (по шиферным наконечникам узкого типа без шипов» и «широкого типа с шипами»⁴ (приложение 10, 6—7), а также по керамике древнего облика) относятся к концу III (нижний слой) и началу II (верхний слой) тысячелетия до н. э.

Имеются и другие хорошо датированные стоянки. Однако, нам кажется, что перечислять их нет необходимости. Не умаляя значения орудий и других компонентов, которыми пользуются археологи при датировке стоянок, необходимо все же указать, что основным из них является керамика, как наиболее массовый материал, встречающийся на подавляющем большинстве стоянок.

Относительная хронология основных типов керамики Карельской археологической культуры довольно четко разработана А. Я. Брюсовым, Н. Н. Гуриной, Г. И. Горецким и другими археологами, работавшими в Карелии. Согласно принятой ими схеме древнейшими типами керамики на территории Карелии являются керамика типа «Сперрингс» (приложение 3) и древнейшая ямочно-зубчатая керамика волго-окского типа (приложение 4). Затем следует несколько более поздняя развитая ямочно-зубчатая керамика (приложение 5 и 7), богато орнаментированная сложными геометрическими узорами, составленными из кругло-

¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 285—298.

² Ранняя дата топоров типа Рованиеми, по свидетельству финских авторов, относится примерно к IV тысячелетию до н. э., т. к. они изредка встречаются на стоянках культуры Суомусярви, а поздняя дата определяется по совместным находкам таких топоров с типичными толстообушными скандинавскими топорами, которые твердо датированы 2-й половиной III тысячелетия до н. э. (См. С. Ф. Meinander. Etelä-Pohjanmaan historia, стр. 18, 23; J. Ailio. Die Steinzeitlichen wohnplatzfunde in Finland, стр. 19—20).

³ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 269.

⁴ Такие наконечники в большом количестве найдены в гробницах с ходом и под каменными насыпями в Скандинавии. Они датируются концом III — началом II тысячелетия до н. э. См. А. Вögger. Den Arktiske stenålder i Norge. Kristiania, 1909, стр. 39.

конических ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий. Более поздней ступенью развития является так называемая «асбестовая» керамика (приложение 8), т. е. керамика с примесью толченого рогово-обманкового асбеста к глиняному тесту. И, наконец, последней ступенью в развитии древней керамики Карелии является «текстильная» и неорнаментированная («гладкая» и «штрихованная») керамика периода раннего металла (приложение 9).

Изложенная схема относительной хронологии, разработанная на основе типологического метода, не вызывает возражений ни у кого из археологов, работавших в Карелии, и подтверждается многочисленными данными, полученными при анализе инвентаря карельских стоянок, а также высотными данными. Поэтому нам нет необходимости особо останавливаться на ней.

Однако на современном уровне развития археологии мы не можем удовлетвориться данными относительной хронологии памятников, которые отличаются большой неточностью и не дают более или менее полного представления об этапах развития изучаемой культуры. Поэтому за последнее время археологи предпочитают прибегать к методу абсолютной датировки памятников, используя относительную хронологию в качестве вспомогательного метода.

Методом абсолютной хронологии воспользовались при датировке археологических памятников Карелии А. Я. Брюсов и Н. Н. Гурина. Но при этом в их взглядах на датировку древних поселений Карелии и на датировку основных типов керамики карельских стоянок наметились большие различия. Они по-разному подходят также к вопросу о длительности существования карельских стоянок и к вопросу о начальных и конечных датах бытования основных типов керамики.

Так, например, Н. Н. Гурина древнейшей керамикой на территории Карелии считает керамику типа «Сперрингс» и относит начальную дату ее появления здесь к концу IV — началу III тысячелетия до н. э.¹, т. е. к периоду более раннему, чем финская керамика этого типа, хотя это, на наш взгляд, ничем не оправдано.

Древнюю ямочно-зубчатую керамику волго-окского типа с простейшим орнаментом из кругло-конических ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий (с преобладанием ямок в орнаменте) она датирует значительно более поздним временем, относя ее начальную дату к середине III тысячелетия до н. э.² Развитую ямочно-зубчатую керамику, богато орнаментированную зональным геометрическим узором из вдавлений зубчатого штампа, кругло-конических ямок и зубчатых линий, Н. Н. Гурина относит к 1500—1000 гг. до н. э. «Асбестовая» керамика датируется ею временем с 1000 до 500 гг. до н. э. Начальную дату этой керамики она относит к концу II тысячелетия до н. э.³ Этим же временем она датирует и «сетчатую» или «текстильную» керамику, отодвигая ее нижнюю границу во 2-ю половину I тысячелетия до н. э.⁴ В вопросах датировки древнейших поселений Карелии с Н. Н. Гуриной полностью солидарна М. Е. Фосс.⁵

¹ Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, стр. 96.

² Там же, стр. 101.

³ Там же, стр. 128—136; Е е же. Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области, стр. 26; Е е же. Результаты работ Карельской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. 37, 1951, стр. 40.

⁴ Н. Н. Гурина. Археологические исследования на Северо-Западе Европейской части СССР. КСИИМК, вып. 49, 1953.

⁵ М. Е. Фосс. Указ. произв., стр. 146—152.

А. Я. Брюсов считает, что керамика типа «Сперрингс» и древняя ямочно-зубчатая керамика волго-окского типа на территории Карелии относятся к одному и тому же времени, а именно, ко 2-й половине III — началу II тысячелетия до н. э.¹, причем наиболее ранним типом керамики юга Карелии является древняя ямочно-зубчатая, а наиболее ранней керамикой севера Карелии — керамика типа «Сперрингс».

Начальную дату развитой ямочно-зубчатой керамики он относит к концу III — началу II тысячелетия до н. э., а время ее наибольшего развития к 1-й половине II тысячелетия до н. э. Начальную дату «асбестовой» керамики А. Я. Брюсов доводит до начала II тысячелетия до н. э., а время ее наивысшего развития относит ко 2-й половине II тысячелетия до н. э. Текстильную керамику в Карелии он датирует концом II — началом I тысячелетия до н. э., не отрицая возможности более поздней ее датировки.²

Такое различие в датировке одних и тех же типов керамики приводит к значительным расхождениям в хронологии древних поселений Карелии. Так, например, стоянку Суна I, о чем уже упоминалось, А. Я. Брюсов датирует концом III — началом II тысячелетия до н. э.³, а Н. Н. Гурина относит ее к началу III тысячелетия до н. э.⁴ Поселения с развитой ямочно-зубчатой керамикой, богато украшенной сложными орнаментальными композициями, датируются ими соответственно 1-й и 2-й половиной II тысячелетия до н. э.⁵ Стоянки с «асбестовой» керамикой А. Я. Брюсов относит ко 2-й половине II тысячелетия (Суна II, Суна III, Войнаволок VII и др.), а Н. Н. Гурина — к 1-й половине I тысячелетия до н. э. и т. д.⁶

Особенно большие разногласия выявились при датировке стоянок со смешанной разнотипной керамикой, на которых представлено большинство основных типов древней керамики карельских поселений («Сперрингс», ямочно-зубчатая, «асбестовая»). Таких стоянок в Карелии найдено уже довольно много. Среди них наиболее известная в археологической литературе стоянка Суна I, а также стоянки Соломенное I, Соломенное VII, Курмойла I, Салменицы, Кудамгуба IV и многие другие. Все такие стоянки Н. Н. Гурина и М. Е. Фосс относят к категории неоднократно заселявшихся или длительное время существовавших стоянок.

В связи с этим актуальным вопросом при датировке поселений карельского неолита является не раз поднимаемый в археологической литературе вопрос о вероятности перемешивания разновременной керамики на ряде стоянок Севера.

М. Е. Фосс и Н. Н. Гурина утверждают, что если в керамике какой-либо стоянки содержатся различные ее типы, отличающиеся по орнаменту, составу теста и т. п., и если между этими типами нельзя установить прямой преемственной связи, которая свидетельствовала бы о длительном заселении этого места одним и тем же населением, то это доказывает, якобы, что место этой стоянки заселялось неоднократно.

¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 98—100.

² А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 243. Е го же. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 112.

³ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 294.

⁴ Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, стр. 96.

⁵ Там же, стр. 128; А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 291.

⁶ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 98; Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, стр. 136.

Перемешанность разнотипной керамики по всей глубине культурного слоя такой стоянки они объясняют в подобном случае различными естественными причинами, как-то: затапыванием вещей в песок, перевеванием дюнного песка, землекопными работами и т. п. Случаи неоднократного заселения отдельных стоянок М. Е. Фосс и Н. Н. Гурина объясняют удобством их расположения на местности и вообще ограниченностью в Карелии площади, удобной для поселения. Так, например, исходя из разнотипности керамики на стоянке Суна I, они считают, что эта стоянка заселялась в древности три раза. Впервые, по их мнению, она была заселена в начале III тысячелетия до н. э., вторично — в конце III — начале II тысячелетия до н. э. и в третий раз — в конце II или, возможно, в I тысячелетии до н. э.

Нельзя, конечно, отрицать возможности случаев совпадения двух и даже трех разновременных поселений в границах одной стоянки при особо благоприятных для этого условиях, но при учете сравнительно слабой населенности Карелии в древности можно с большой вероятностью предполагать, что такие случаи здесь были крайне редки.

Отнесение же всех этих стоянок с разнотипной керамикой к категории неоднократно заселявшихся или длительно существовавших (до 500 лет и более) является совершенно неоправданным. Такому предположению противоречат многочисленные данные, полученные при изучении карельских стоянок со «смешанной керамикой». Так, например, площадь каждой из таких стоянок не превышает 3000 м², а многие из них (Соломенное I, Соломенное VII, Суна Ia, Курмойла I, Юдъярви I, Семеново II) имеют площади менее 1000 м². Культурный слой большинства из них в среднем равен 20—30 см. Особыми удобствами расположения многие из таких стоянок не отличаются, а те, которые находятся на относительно удобно расположенной местности, обычно имеют по соседству ряд других разновременных стоянок, что свидетельствует опять-таки о несовпадении границ разновременных поселений в пределах узко ограниченной, хотя и удобной для поселения местности. Нельзя, например, считать, что стоянка Суна I, содержащая три основных типа керамики («Сперрингс», ямочно-зубчатую и «асбестовую»), заселялась неоднократно, исходя из того факта, что она удобно расположена на местности. Это предположение неправдоподобно, потому что все три типа керамики равномерно распределяются по всей площади стоянки и очень трудно предположить, что на узкой полосе земли длиной менее 100 м и шириной 10—15 м, занимаемой стоянкой, в точности совпали границы трех разновременных поселений. К тому же рядом с ней имеются не менее удобные места, и они действительно заняты другими, более ранними или более поздними стоянками, границы которых в ряде случаев очень близко подходят друг к другу, но, на что необходимо обратить внимание, не совпадают.

Довольно убедительные доказательства по вопросу об одновременном существовании разнотипной керамики приведены А. Я. Брюсовым на основе данных Сунской группы древних поселений¹. Однако для большей убедительности приведем еще ряд наглядных примеров.

Одним из наиболее ярких примеров, доказывающих крайнюю редкость совпадения нескольких разновременных поселений в одних границах, является расположение и характер древних стоянок у Соломенского кирпичного завода. Здесь у оз. Логмозера нами найдено 10 разновременных стоянок, расположенных в тесном соседстве на небольшом

прибрежном озе длиной в 1 км и шириной от 50 до 100 м. Границы их близко подходят друг к другу, но нигде не совпадают¹. И несмотря на это здесь имеется только одна стоянка так называемого «чистого комплекса», содержащая один тип керамики. Все другие стоянки содержат в своем инвентаре по 2—3 типа керамики, равномерно распределенных как по площади, так и стратиграфически. То же можно сказать о группах разновременных поселений в местечке Пески вблизи г. Петрозаводска, у пос. Кудама на оз. Сямозера, на западном берегу оз. Чудозера, у д. Кудагубы, на Войнаволоке и др.

Столь часто находимые группы разновременных поселений, близко расположенных друг к другу, но не совпадающих в границах, а также большое число поселений с разнотипной керамикой служат прямым опровержением гипотезы о многократном заселении стоянок с разнотипной керамикой. Нахождение же их во многих районах Карелии свидетельствует о том, что такое положение характерно для всей Карелии. Из 48 наиболее хорошо изученных стоянок Карелии только 12 относятся к категории стоянок «чистого комплекса». Остальные же 36 имеют в своем инвентаре по 2—3 и даже 4 основных типа керамики. То же самое подтверждается и новыми археологическими работами. Так, например, из 16 вновь открытых в 1957 г. на северном побережье оз. Сямозера стоянок только 4 с «чистым комплексом».

Конечно, было бы крайне неправильно полностью отрицать возможность совпадения разновременных поселений в границах одной стоянки даже в малоблагоприятных для этого условиях Карелии. Однако, повторяем, такие случаи здесь были очень редки. Более уверенно мы можем говорить в этом смысле только о таких стоянках, как «Бесовы следки» (святилище) и Войнаволок IX, на которых прослеживается по два культурных слоя, разделенных стерильной прослойкой. Сюда же можно отнести два небольших разновременных стойбища древних рыболовов со стоянки Соломенное V, расположенной на узком прибрежном озе у оз. Логмозера. Здесь стерильная прослойка отсутствует, но материал нижней части культурного слоя резко отличается от более позднего материала верхней части слоя. Стоянка находится на узком озовом полуострове, довольно часто посещавшемся древними рыболовами, о чем свидетельствует ряд обнаруженных здесь кратковременных стойбищ. В таких условиях совпадение двух разновременных стойбищ в пределах одной стоянки вполне возможно.

С некоторой долей вероятности мы можем отнести сюда также Вознесенскую стоянку, на которой поздняя — «сетчатая» керамика найдена на периферии стоянки, в локально ограниченной ее части, и ничем не связана с более ранним ее инвентарем.

Что касается стоянки Курмойла, которая, по предположению Н. Н. Гуриной, была заселена в древности по меньшей мере два раза, то это мало вероятно, судя по весьма ограниченному размеру стоянки и сравнительно небольшой глубине культурного слоя. Основанием для предположения о неоднократном заселении этой стоянки явилось то, что при ее раскопках обнаружена яма землянки, прорезавшая более ранний культурный слой. Однако вполне возможно, что эта землянка могла быть построена не новыми пришельцами, а первичными жителями стоянки в результате разрушения старого жилища или необходимости дополнительного жилья.

¹ Исключением является стоянка Соломенное V, но и на ней границы распространения древнейших находок не совпадают полностью с границами более поздних находок, занимая значительно меньшую площадь.

¹ А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. «Советская археология», XVIII, М., 1953, стр. 24—27.

На основании всего вышесказанного мы приходим к выводу, что нельзя упрощать процесс исторического развития производительных сил общества, подходя к нему с вещеведческо-формалистической точки зрения. Так, например, нельзя считать, что керамика типа «Сперрингс» ни в коем случае и ни в какие времена не может сосуществовать с ямочно-зубчатой и с «асбестовой» керамикой, ямочно-зубчатая — с «асбестовой» и «текстильной» и т. д. Нельзя делить материал стоянок с разнотипной керамикой на ряд хронологически оторванных друг от друга поселений, совпадающих в границах одной стоянки, или предполагать длительное существование подобной стоянки до 500 и даже 1000 лет, что выглядит крайне неубедительно, потому что на самом деле этот вопрос является значительно более сложным. Конечно, отсутствие прямой преемственной связи между различными типами керамики, найденными на одной и той же стоянке, вызывает предположение о одновременности этих типов.

Однако не нужно забывать, что в производственной деятельности человека действовала не только слепая преемственность опыта и навыков, переходящих из поколения в поколение, но и естественное стремление к усовершенствованию орудий труда, посуды и других изделий, к их украшению, к созданию новых типов орнамента и т. п.¹ Отрицать это, значит, отрицать всякий прогресс, всякое развитие производительных сил общества. Поэтому вполне естественно, что наряду с применением и совершенствованием старых типов изделий, могли появляться и появлялись новые, дотоле неизвестные типы орудий, посуды, украшений и т. п., которых нельзя вывести из предшествующих типов или считать заимствованными. Некоторые из этих нововведений получали затем широкое распространение и становились даже характерными для данной этнической группы.

В инвентаре древних стоянок Карелии к таким изделиям можно отнести топоры русско-карельского типа, кирки олонцкого типа, «асбестовую» керамику и т. д. Поэтому в орнаментике керамики наблюдается не только воспринятое от старых поколений, но и нововведения, которые в зависимости от условий или получают широкое развитие, или забываются, не успев достаточно развиться.

Косность родовых обычаев, конечно, тормозила в какой-то степени прогрессивный процесс развития производительных сил общества, но она не могла полностью заглушить этот процесс даже в родовой символике, отраженной в орнаментации сосудов. Даже в этой, наиболее консервативной, части деятельности древних людей естественное стремление к украшательству часто одерживало верх, поэтому почти на каждой большой стоянке мы находим фрагменты сосудов с уникальным орнаментальным узором, характерным только для данной стоянки.

При ближайшем ознакомлении с керамическим материалом стоянок с разнотипной керамикой («Сперрингс», ямочно-зубчатой и «асбестовой») можно, однако, убедиться, что здесь имели место как нововведения, так и преемственность навыков. Так, например, форма «асбестовых» сосудов на таких стоянках ничем не отличается от формы сосудов ямочно-зубчатого типа (плоскодонные «асбестовые» сосуды баночной формы появились значительно позже), а орнамент «асбестовой» керамики на большинстве подобных стоянок копирует сложные орнаментальные узоры ямочно-зубчатой керамики. Правда, наряду с «асбестовой» керамикой со сложным орнаментом на таких стоянках встречается керамика этого типа с упрощенным «елочным» орнаментом

¹ А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита, стр. 24.

(приложение 8, 4, 6, 10, 14), но это объясняется трудностью нанесения орнамента на сосуды с примесью толченого асбеста к глиняному тесту.

Последнее обстоятельство вовсе не опровергает вывода о преемственности орнамента и формы «асбестовых» сосудов от более ранней ямочно-зубчатой керамики, особенно хорошо заметных в «асбестовой» керамике со сложным орнаментальным узором. Нововведениями же здесь являются постепенное упрощение орнамента на «асбестовой» керамике и применение примеси толченого рогово-обманкового асбеста к глиняному тесту. Примерно то же можно видеть на более поздних стоянках, в составе инвентаря которых встречается ямочно-зубчатая, «асбестовая» и «текстильная» керамика. Нововведением здесь является применение текстиля при изготовлении сосудов, а преемственность сказывается в копировании сложного ямочно-зубчатого орнамента с более ранних типов керамики (приложение 9, 1—3). На позднейших сосудах этого типа орнамент значительно упрощается или совсем отсутствует (приложение 9, 4—8).

Нельзя отрицать также некоторой роли заимствований, которые тоже прослеживаются в археологических материалах с древних стоянок Карелии и, в частности, в керамике. Так, например, керамика типа «Сперрингс» не возникла на почве Карельской археологической культуры, а привнесена извне. Это один из древнейших типов керамики, появившийся в Карелии на раннем этапе ее заселения. Орнамент этой керамики на ее ранней стадии развития не имеет ничего общего с ранней ямочно-зубчатой керамикой.

Следовательно, часто наблюдаемая на стоянках разнотипность керамики в большинстве случаев свидетельствует о сосуществовании некоторых основных типов керамики на определенном отрезке времени.

Нельзя считать веским также объяснение перемешанности разнотипной керамики на столь многочисленных стоянках перевеванием песка, затапыванием вещей в песок и т. п. Это опровергается хотя бы тем, что на многих стоянках мы в большом количестве находим раздавленные, но хорошо сохранившиеся сосуды, причем фрагменты каждого из них обычно лежат вместе, а не разбросаны по площади стоянки, и сравнительно легко могут быть реставрированы. В ряде случаев разнотипные хорошо сохранившиеся раздавленные сосуды залегают в культурном слое рядом друг с другом (на стоянках: Соломенное VII, Соломенное IX, Лахта II, Ялгуба II, Суна I и др.)¹. Это лишний раз доказывает одновременное бытование на определенном этапе времени встречаемых вместе основных типов керамики, хотя расцвет в развитии каждого из этих типов относится несомненно к разному времени.

Одновременное сосуществование трех типов керамики («Сперрингс», ямочно-зубчатой и «асбестовой») вовсе не противоречит вышеизложенному мнению о стремлении древних людей к усовершенствованию орудий труда и развитию способов производства. Наоборот, оно подтверждает это мнение. В данном случае керамика типа «Сперрингс», как уже упоминалось, является пережиточной, отмирающей. Прочно господствует более совершенная ямочно-зубчатая и зарождающаяся новая — «асбестовая»; которая на раннем этапе своего развития отличается от ямочно-зубчатой только примесью толченого рогово-обманкового асбеста к глиняному тесту. Именно в применении этой примеси и заключалось нововведение. Во всем другом эта ранняя «асбестовая»

¹ А. Я. Брюсов. Отчет об археологических раскопках и разведках в Карелии в 1929 г. Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 14, д. 18, 19; оп. 20, д. 73, 74, 83, 84; Г. А. Панкрушев. Отчеты об археологических работах в Карелии в 1955—1957 гг. Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 14, 20, д. 18, 73, 83.

керамика полностью копировала ямочно-зубчатую: для той и другой характерны остродонные или круглодонные сосуды с толстыми стенками, орнаментированные сложным ямочно-зубчатым узором. Лишь позднее этот тип керамики получил свои отличительные особенности: тонкостенность, плоскодонность, упрощенность в орнаменте, малые размеры сосудов.

После всего изложенного трудно возражать против утверждения о возможности сосуществования разнотипной керамики на одних и тех же стоянках.

Однако сторонники противоположного мнения могут задать вопрос: как же в таком случае понимать и датировать стоянки «чистого комплекса»? Не противоречит ли материал таких стоянок вышеизложенной точке зрения? Нет, не противоречит. Небольшие площади таких стоянок и слабая мощность их культурных слоев в сравнении со стоянками с разнотипной керамикой говорят о кратковременности их существования.

Следовательно, стоянки «чистого комплекса», т. е. стоянки, содержащие только один какой-либо тип керамики, относятся к определенным хронологическим этапам, исключая смешение типов керамики. Так, например, стоянки с керамикой типа «Сперрингс» или с древнеямочной керамикой относятся к середине III тысячелетия до н. э., когда контакты между группами населения, представленными этими типами керамики, были еще слабо развиты, а «асбестовой» керамики еще не было. Стоянки с чистым комплексом «асбестовой» керамики являются поздними стоянками конца II — первой половины I тысячелетия до н. э., т. е. относятся к тому времени, когда ямочно-зубчатая керамика уже прекращала свое существование, а «текстильная» не была широко распространенным явлением.

Стоянки с «чистым комплексом» развитой ямочно-зубчатой керамики относятся к середине II тысячелетия до н. э., когда этот тип керамики достиг наибольшего развития, и отдельные группы населения, вероятно, предпочитали его «асбестовой» керамике, которая в этот период еще не имела особо широкого распространения.

Итак, разбирая вопрос о сосуществовании разнотипной керамики на ряде древних поселений Карелии, мы пришли к выводу, что чаще всего это явление отражает действительное ее сосуществование на определенном этапе исторического развития древней Карелии, а не является признаком многократного заселения одной и той же стоянки.

Но, утверждая это, нельзя согласиться и с другим мнением — о длительности существования поселений с разнотипной керамикой.

Мы уже упоминали, что этому противоречат и малая площадь стоянок, и слабая мощность культурного слоя¹. Об этом же свидетельствует относительно слабая насыщенность культурного слоя инвентарем: количество целых орудий различного применения даже на самых крупных стоянках не превышает 3—4-х десятков (не считая резцов и скребков, которых встречается иногда значительно больше), а количество сосудов — не свыше 500. Следовательно, если предполагать, что в год разбивали хотя бы 5 сосудов, то и такая стоянка существовала не более ста лет. Но это еще наиболее крупные стоянки, а на большинстве стоянок, как показал подсчет, сосудов насчитывается и того меньше.

¹ Исключением являются стоянки Усть-Рыбежная (на севере Ленинградской области) и Ялгуба II (в 20 км от Петрозаводска), длительность существования которых не подлежит сомнению, т. к. площади каждой из них превышают 5000 м², культурный слой мощностью до 1 м, а насыщенность его находками исключительно велика.

Так, например, на стоянке Соломенное VII — не более 200 сосудов, на стоянке Соломенное IX — около 100, на стоянке Кочнаволок тоже не более 100 и т. д.

Таковы факты, говорящие не в пользу сторонников гипотезы о многократном заселении или о длительности существования поселений с разнотипной керамикой в Карелии.

Однако, чтобы объяснить факт сосуществования разнотипной керамики на одной и той же стоянке, вовсе нет надобности прибегать к этой гипотезе, несмотря на всю ее заманчивость и кажущуюся правдоподобность. Для этого требуется только выявить начальные даты возникновения и время бытования интересующих нас в данном случае типов керамики «Сперрингс», ямочно-зубчатой, «асбестовой» и «текстильной», после чего время сосуществования разнотипной керамики в пределах одной стоянки окажется возможным уложить в пределах одного столетия и даже в более короткий отрезок времени.

С этой целью мы постараемся уточнить абсолютную датировку каждого из основных типов древней керамики карельских стоянок.

Если согласиться с абсолютной датировкой основных типов керамики карельских стоянок, данной Н. Н. Гуриной, то об их одновременном существовании на одном и том же поселении не может быть и речи, но вышеуказанные факты говорят о том, что такое сосуществование имело место. Следовательно, хронологические построения Н. Н. Гуриной неточны.

Как указывалось выше, финские археологи датируют древнейшие поселения с керамикой типа «Сперрингс» в Финляндии началом III тысячелетия до н. э., а более поздние поселения этого типа при наличии на них некоторого количества типичной гребенчатой керамики относят ко 2-й половине III тысячелетия до н. э. (Хаутакето, Паломяки и др.).

В развитии керамики типа «Сперрингс» они различают два этапа: 1) древний — характерен орнаментальным узором, носящим в литературе название «перевитой колючей проволоки», и узорами из грубых отпечатков веревки, 2) поздний, в котором «перевитой колючей проволоки» нет совсем, преобладают узоры из прочерченных линий. На позднем этапе развития керамики типа «Сперрингс» появляется также керамика типа «якярля», орнаментированная рядами отпечатков короткого или длинного зубчатого штампа и «типичная гребенчатая» керамика, которые датируются финскими археологами временем не ранее середины III тысячелетия до н. э.

Керамика типа «Сперрингс» карельских стоянок по характеру своего орнамента близка позднему этапу развития финской керамики этого типа: отсутствует «перевитая колючая проволока» в орнаменте, довольно редок орнамент из грубых веревочных отпечатков, наиболее широко распространен орнамент, составленный прочерченными линиями — сплошными или с периодическим нажимом на конец чертящей палочки (приложение 3, 4—13, 15—16) и совсем редко употреблявшийся на стоянках Финляндии орнамент из горизонтальных полос частого своеобразного штампа, создающего иллюзию оттиска плетеной тесьмы (приложение 3, 14, 17, 19—21). Кроме того, в орнаменте карельской керамики типа «Сперрингс» значительно чаще, чем в финской, встречаются кругло-конические ямки и до некоторой степени зональное расположение орнамента, не характерное для финской керамики этого типа (приложение 3, 12, 15, 17—19). Следовательно, даже самые ранние стоянки этого типа на территории Карелии по характеру орнамента их керамики не могут быть датированы временем ранее середины III тысячелетия до н. э.

Более ранняя датировка стоянок этого типа в Карелии Н. Н. Гуриной основана на недоразумении, ибо она ссылается при этом на финских авторов, в частности на А. Европеуса, тогда как ничего подобного в трудах последних не подтверждается, как нам известно из вышеизложенных хронологических схем данных авторов. Наоборот, все их хронологические построения, основанные на высотных данных и типологическом анализе инвентаря стоянок, косвенно подтверждают более позднюю дату для керамики типа «Сперрингс» карельских стоянок по сравнению с ранними финскими.

Топоры типа «Рованиеми», датировкой которых Н. Н. Гурина пытается подтвердить свои хронологические построения и которые она датирует началом III тысячелетия до н. э., на самом деле, по свидетельствам финских авторов, распространены и в более поздний период, во всяком случае, по находкам с типичными толстообушными топорами в Финляндии их датируют 3-м периодом Монтелиуса, т. е. 2-й половиной III тысячелетия до н. э.¹

Итак, керамика типа «Сперрингс» в Карелии датируется 2-й половиной III тысячелетия до н. э., а начальный период ее, характеризующий стоянки, содержащие керамику только типа «Сперрингс», значительная часть которой орнаментирована грубыми оттисками веревки, относится не ранее как к середине этого тысячелетия. Нижняя граница существования керамики этого типа заходит во II тысячелетие до н. э. А если это так, то, следовательно, данная керамика одновременна с ранней ямочно-зубчатой керамикой. К тому же среди археологов нет разногласий в датировке ранней ямочно-зубчатой керамики в Карелии 2-й половиной III тысячелетия до н. э.

Для большего уяснения этого вопроса обратимся к материалу стоянок. При ознакомлении с ним видно, что даже древнейшие из них с «чистым комплексом» керамики типа «Сперрингс» (Пушсовхоз II, Кочнаволоок) испытали значительное культурное влияние со стороны племенных групп с ямочно-зубчатой керамикой, хорошо заметное по зональности расположения элементов орнамента на сосудах и сравнительно большому количеству кругло-конических ямок в орнаменте, а также прослеживающееся в наличии хотя и небольшого количества кремневых изделий. Эти явления не характерны для более ранних стоянок такого типа в Финляндии и могут быть объяснены только близким соседством и постоянным влиянием обитателей поселений с ямочно-зубчатой керамикой на население с керамикой типа «Сперрингс».

Позднее это явление сказалось в еще более значительной степени: появились поселения со смешанной керамикой (ямочно-зубчатой и «Сперрингс»). К ним, в частности, относятся: стоянка в 9 км от Челмуж, Медвежья Гора II, Соломенное VI, Соломенное IV, Ялгуба II, Сулгу I и др.

Наконец, на позднем этапе существования керамики типа «Сперрингс» появились поселения с разнотипной керамикой, на которых к упомянутым двум типам керамики добавилась в небольшом количестве появившаяся в начале II тысячелетия до н. э. ранняя «асбестовая» керамика со сложным орнаментальным узором. К таким поселениям относятся: Соломенное I, Суна Ia, Салменицы, Семеново II, Соломенное VII и др. Они хорошо датируются по аналогичной с ними стоянке Суна I, убедительно датированной А. Я. Брюсовым концом III — началом II тысячелетия до н. э. по топорам типа Рованиеми (прекратив-

шим свое существование в конце III тысячелетия до н. э.), по древнему облику ямочно-зубчатой керамики волго-окского типа и по относительно высокому расположению стоянки над уровнем воды в озере. Две последние группы поселений относятся к тому времени, когда грубая керамика типа «Сперрингс», изживая себя, постепенно уступала свое место более совершенной ямочно-зубчатой, что отражает, по всей вероятности, ассимилятивные процессы в среде древних поселенцев этого периода времени.

Однако наряду с поселениями со смешанной керамикой и с чистым комплексом керамики типа «Сперрингс» на территории Карелии имеются стоянки с чистым комплексом архаичного вида ямочно-зубчатой керамики волго-окского типа. Их волей-неволей придется отнести ко времени более раннему, нежели стоянки типа Суна I, ибо, если на упомянутых стоянках наряду с ямочно-зубчатой керамикой раннего облика имеется более поздняя развитая сложно орнаментированная керамика и «асбестовая» керамика, то на таких стоянках представлена только древнейшая керамика волго-окского типа с простейшим орнаментом из кругло-конических ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий при подавляющем преобладании ямок над штампом и линиями, т. е. керамика точно такая же, как и на древнейших волго-окских стоянках типа Льяловской (Суна V, Войнаволоок V, Машезерская, Соломенное V (у лесопильного завода), Пески IV и др. (приложение 4).

Стоянки данного типа на территории Карелии необходимо отнести на этом основании к тому же времени, что и древнейшие стоянки с керамикой типа «Сперрингс», т. е. к середине и 2-й половине III тысячелетия до н. э.

Утверждая это положение, мы вовсе не отрицаем того факта, что в одной части Карелии, а именно, по северным и северо-восточным берегам Онежского озера, наиболее ранними стоянками являются стоянки с керамикой типа «Сперрингс», но в то же время необходимо признать, что одновременно с ними в более южных районах существовали во 2-й половине III тысячелетия до н. э. столь же древние стоянки с ямочно-зубчатой керамикой волго-окского типа.

В более позднее время (в конце III — начале II тысячелетия до н. э.) оба типа керамики распространились на более широкие территории, но к этому времени керамика типа «Сперрингс» имела уже второстепенное и как бы подчиненное значение, ее постепенно вытесняла ямочно-зубчатая керамика.

Итак мы выяснили, что древнейшие поселения с керамикой типа «Сперрингс» в Карелии одновременны древнейшим поселениям с ямочно-зубчатой керамикой и что эти два типа керамики сосуществовали здесь сначала на разных поселениях, а затем на одних и тех же в период от середины III до начала II тысячелетия до н. э. включительно. Мы выяснили также, что уже на поздних поселениях с керамикой типа «Сперрингс» в конце II тысячелетия появилась ранняя «асбестовая» керамика со сложным узором, подражающим орнаменту развитой ямочно-зубчатой керамики.

Однако господствующее положение «асбестовая» керамика заняла значительно позднее, а именно, в конце II и 1-й половине I тысячелетия до н. э., когда она окончательно вытеснила более ранние типы керамики. Именно к этому времени относятся стоянки с чистым комплексом «асбестовой» керамики позднего типа — с плоскодонными сосудами, орнаментированными несложным «елочным» узором из редких отпечатков зубчатого штампа или совсем не орнаментированными (Суна III, Оровгуба, Соломенное IIIa и др.). Стоянки этого периода

¹ J. Ailio. Die steinzeitlichen wohnplatzfunde in Finland. Helsinki, 1909, стр. 19—20, 22—23.

содержат многочисленные признаки знакомства их обитателей с металлом (тигли, льячки, бронза, железные шлаки, железный горн и т. п.)¹. В промежутке между началом и концом II тысячелетия до н. э. господствовала развитая со сложным геометрическим узором ямочно-зубчатая керамика (Войнаволок IX, Оровнаволок, Соломенное II и др.). К этому же времени относятся стоянки со смешанной ямочно-зубчатой и «асбестовой» керамикой (Соломенное III, Золотец I, Софьянга I, Кемь I и др.). На стоянках этого периода замечены признаки первого знакомства их обитателей с металлом (стоянка Оровнаволок)².

В конце II тысячелетия до н. э. господствует «асбестовая» керамика, но наряду с нею появляются новые более поздние типы керамики: «текстильная»³ и неорнаментированная (Сопоха III, Чуйнаволок, Лахта I, Лахта II), которые получают значительно большее развитие в I тысячелетии до н. э. (Олонка, Усть-Рыбежная II, Усть-Томица, Сайнаволок).

Такова, на наш взгляд, хронологическая схема датировки стоянок Карелии. Она вполне объясняет одновременное существование в инвентаре одной и той же стоянки керамики типа «Сперрингс», ямочно-зубчатой и «асбестовой» на определенном отрезке времени, а именно в конце III — начале II тысячелетия до н. э., когда керамика типа «Сперрингс» переживала конечный этап своего развития, ямочно-зубчатая была в полном расцвете, а «асбестовая» только что появилась⁴. Схему эту можно подтвердить следующей таблицей, наглядно показывающей пережиточный характер керамики типа «Сперрингс», расцвет ямочно-зубчатой и начальный этап развития «асбестовой» керамики на стоянках со смешанной керамикой трех типов⁵ (см. табл. на стр. 71).

Если принять эту схему, то не потребуется прибегать к явно натянутой и не подтверждаемой фактами, как это показано выше, гипотезе о неоднократном заселении одних и тех же стоянок в различные, далеко отстоящие друг от друга периоды времени, или к не менее несостоятельной гипотезе о большой длительности существования в Карелии поселений с разнотипной керамикой.

Рассмотрим в свете данной хронологической схемы наиболее хорошо изученную нами за последние годы группу древних стоянок, расположенных в пос. Соломенное, у Соломенского кирпичного завода и в близком к нему местечке Пески.

Здесь в настоящее время известно 16 древних стоянок; не считая единичных случайных археологических находок в ряде мест на восточном берегу пролива, ведущего из Онежского озера в Логмозеро.

¹ Материалы, хранящиеся в фондах Карельского филиала АН СССР, в фондах ЛОИИМКа и ГИМа; А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 238; Н. Н. Гурин. Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области, стр. 28.

² Н. Н. Гурин. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, стр. 118—119.

³ Текстильная керамика со стоянок Карелии имеет большое сходство с керамикой типа Сарса в Финляндии, которая датируется тоже концом II — I-й половиной I тысячелетия до н. э.

⁴ Изложенная хронологическая схема основана на археологических данных наиболее хорошо изученных древних поселений большинства районов Карелии, однако в нее не входят крайне западные, еще почти не изученные районы, а также северо-западные — Приладожье и Карельский перешеек, керамика которых довольно резко отличается от керамики Карельской археологической культуры и более близка прибалтийско-финским памятникам.

⁵ В таблице представлены только те стоянки этого типа, которые имеют наиболее полные сведения.

Наименование стоянок	Типы керамики (в %)			Число фрагментов керамики
	«Сперрингс»	ямочно-зубчатая	«асбестовая»	
Семеново II	0,2	99,3	0,5	2534
Порог Шойрукшин	0,3	94,3	5,4	335
Суна Ia	24,2	74,2	1,6	186
Суна I	19,1	69,6	11,3	2593
Соломенное I	3,1	80,7	16,2	848
Курмойла I	14,2	70,8	15,0	3414
Салменицы	1,8	96,4	1,8	884
Соломенное VII	12,3	86,7	1,0	1307
Всего	9,4	84,0	6,6	12 101

Из упомянутых 16 стоянок 10 расположены на небольшом озе по западному берегу оз. Логмозера у кирпичного завода, две — в пос. Соломенное и 4 — в местечке Пески на высоких береговых грядах моренного происхождения, примыкающих к скалам.

Судя по керамическим данным, наиболее древней стоянкой этого района является стоянка Пески IV, для которой характерна ямочно-зубчатая керамика древнейшего волго-окского типа, орнаментированная простейшим узором из зонально чередующихся кругло-конических ямок, расположенных в строго шахматном порядке, оттисков короткого зубчатого штампа и зубчатых линий, при большом преобладании ямок над оттисками штампа и линиями. По этому признаку стоянку можно датировать серединой III тысячелетия до н. э. Раннюю дату подтверждает и относительно высокое (от 4 до 5 м) расположение стоянки над уровнем воды в Онежском озере. Сюда же необходимо отнести нижний слой стоянки Соломенное V с такой же керамикой и обломком янтарной подвески прибалтийского типа. Примерно к этому же времени можно отнести стоянку в пос. Соломенное у лесопильного завода, на которой М. Правдиным собрана точно такая же керамика. Высотные данные этой стоянки нам не известны.

К несколько более позднему времени необходимо отнести стоянку Соломенное IV, в инвентаре которой имеется ямочно-зубчатая керамика древнего облика с преобладанием ямок в орнаменте, но с более богатым орнаментальным узором, чем керамика предыдущих стоянок. Вместе с тем здесь имеется небольшое количество керамики типа «Сперрингс» с прочерченным орнаментом и немного керамики с зубчатым орнаментом вышеописанного прибалтийско-финского типа. Из датирующихся орудий здесь имеется топор русско-карельского типа. Высота стоянки над уровнем воды в озере 5 м.

По этим данным стоянку Соломенное IV можно отнести примерно ко времени от 2400 до 2250 гг. до н. э., т. е. к тому времени, когда керамика типа «Сперрингс» из средней Карелии, где обнаружены древнейшие поселения с керамикой этого типа, стала распространяться в другие районы и, в частности, на юг Карелии, но проникала сюда еще в очень незначительном количестве.

Далее, по нашей схеме, следует стоянка Соломенное VI со смешанной керамикой двух типов: «Сперрингс» и ямочно-зубчатая. Среди ямочно-зубчатой керамики этой стоянки, наряду с древне-ямочной, при-

балтийско-финской и прибалтийско-новгородской керамикой, имеется большое количество сложно орнаментированной развитой ямочно-зубчатой керамики. В это время произошло уже смешение двух типов керамики, отображающее ассимилятивные процессы в обществе. Датированных орудий на стоянке не найдено. Высота ее от 3,5 до 6 м. Стоянку можно датировать примерно временем с 2250 по 2100 гг. до н. э., конечно, она бытовала не все это время, а какую-то часть его.

На грани III и II тысячелетий до н. э. наблюдается наибольшее разнообразие как в характере поселений, так и в их инвентаре. Сюда относятся стоянки: Соломенное I, Пески I, Пески III, Пески II и Соломенное VII. Стоянки Соломенное I и Соломенное VII наиболее сходны по инвентарю. На той и другой имеются три типа керамики: «Сперрингс», ямочно-зубчатая и «асбестовая». Однако стоянка Соломенное I несколько древнее по облику инвентаря: найденная на ней керамика типа «Сперрингс» имеет в своем составе фрагменты, принадлежащие к более древнему этапу развития керамики этого типа, орнаментированные грубыми веревочными отпечатками, тогда как для керамики этого типа, найденной на стоянке Соломенное VII, характерен только прочерченный орнамент.

Основную часть керамики стоянки Соломенное I составляет древняя ямочно-зубчатая керамика, орнаментированная простейшим узором из кругло-конических ямок, расположенных в шахматном порядке, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий.

Для стоянки Соломенное VII наиболее характерна развитая ямочно-зубчатая керамика, богато орнаментированная самыми разнообразными и сложными узорами, составленными из тех же элементов (ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий).

На стоянке Соломенное I найдены массивные топоры с овальным поперечным сечением и округлым лезвием, нижнюю дату которых финские ученые относят к концу III тысячелетия до н. э. А на стоянке Соломенное VII найдена глиняная скульптура, изображающая человека, аналогичная скульптурам, найденным на стоянке Ханкониеми в Финляндии и на стоянке Кубенино Каргопольской культуры, которые датируются началом II тысячелетия до н. э. Высота стоянки Соломенное I над уровнем воды в Онежском озере 3,5—4 м, а стоянки Соломенное VII — 3—7 м.

По всем этим данным стоянку Соломенное VII необходимо датировать временем несколько более поздним, чем стоянку Соломенное I, т. е., если последнюю по всем данным нужно датировать временем между 2100 и 1950 гг. до н. э., то первую нужно отнести ко времени между 1950 и 1800 гг. до н. э. Стоянки Пески I и Пески III можно датировать весьма приблизительно, т. к. в их инвентаре почти нет керамики. Однако наличие в инвентаре этих стоянок подтреугольных шиферных пожей с отверстиями у основания, аналогии которым известны в Оленеостровском могильнике на Онежском озере, заставляет относить их к раннему времени, а единичные фрагменты всех трех основных типов керамики, встречаемые на этих стоянках, позволяют датировать их временем не ранее конца III или начала II тысячелетия до н. э., т. е. они, по всей вероятности, одновременны стоянке Соломенное I.

Стоянка Пески II отличается от вышеупомянутых тем, что в ее инвентаре имеется только один тип керамики — керамика типа «Сперрингс», орнаментированная только прочерченным узором; более древних элементов орнамента в ней нет. Керамика этой стоянки имеет исключительное сходство с керамикой этого типа на стоянке Соломен-

ное VII. Сходство между ними настолько велико, что невозможно отличить одну керамику от другой. Это обстоятельство заставляет думать об одновременности этих двух стоянок и о тесных связях их обитателей. В инвентаре той и другой стоянки встречаются также сланцевые шлифованные острия неопределенного назначения, аналогий которым не встречено нигде. Высота стоянки над уровнем воды в Онежском озере 3—4 м, что тоже совпадает с данными стоянки Соломенное VII. Древних типов орудий в инвентаре стоянки не обнаружено. На основании всех этих данных мы имеем возможность датировать стоянку Пески II тем же временем, что и стоянку Соломенное VII, т. е. временем между 1950 и 1800 гг. до н. э.

К более позднему времени необходимо отнести стоянку Соломенное III. Керамика этой стоянки двух типов: ямочно-зубчатая и «асбестовая». Последняя довольно раннего облика, со сложным орнаментальным узором из ямок и зубчатых вдавлений. Высота стоянки Соломенное III над уровнем воды в озере 3 м.

К еще более позднему времени относится стоянка Соломенное IX. На ней найдено незначительное количество ранней керамики (древнеямочной и прибалтийско-финского типа), но вместе с тем здесь имеется поздняя развитая ямочно-зубчатая керамика и довольно много «асбестовой».

Основную же массу керамики, найденной на стоянке, составляют фрагменты от сосудов слабого обжига с растительной примесью к глиняному тесту. При обжиге этих сосудов растительность выгорела, поэтому черепки очень хрупкие, легкие и пористые. С внутренней стороны стенки этих сосудов обработаны зубчатым штампом, от которого на поверхности остались горизонтальные или наклонные параллельные борозды. Орнамент состоит из рядов оттисков прямо или косо поставленного короткого зубчатого штампа, расположенных чаще всего в виде простейшего зигзагового так называемого «елочного» узора.

Такая керамика в большом количестве встречается на стоянках Эстонии и Латвии (Акали, Кулламяги, Леяс-Пийскас, Пурциемс, Сарнате и др.)¹. Л. Ю. Янитс относит ее к третьему этапу развития ямочно-зубчатой керамики в Прибалтике, т. е. к 1-й половине II тысячелетия до н. э. Но больше всего такой керамики найдено на стоянках бассейна средней Камы, относящихся ко II тысячелетию до н. э.² Древнейшие стоянки с такого типа керамикой в бассейне р. Камы О. Н. Бадер относит к так называемому Гаринскому этапу и датирует временем с XVIII по XIII вв. до н. э.

Подобная керамика за исключением стоянки Соломенное IX в Карелии почти не встречается. В незначительном количестве она найдена только на некоторых стоянках в устье р. Выга (Золотец I, порог Шойрукша) и в западной Карелии у оз. Кудом (Юдъярви I, Кудамгуба II). В большом количестве керамика этого типа найдена только на данной стоянке.

По каменному инвентарю стоянка Соломенное IX довольно резко отличается от других стоянок карельской культуры: орудия почти полностью кремневые, что не характерно для Карелии, кварцевых и крупных сланцевых орудий нет, формы имеющихся на стоянке кремневых

¹ С материалами упомянутых стоянок автор ознакомился непосредственно в фондах Института истории Академии наук Эстонской ССР и Центрального государственного исторического музея Латвийской ССР.

² О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья. Ученые записки Молотовского государственного университета им. А. М. Горького, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 89—126.

орудий не характерны для Карельской археологической культуры. Все эти данные заставляют относить стоянку Соломенное IX ко времени не ранее 2-й четверти II тысячелетия до н. э.

Вероятнее всего, эта стоянка является одним из свидетельств продвижения на запад камских племенных группировок, которое, по предположению О. Н. Бадера, имело место не только в эпоху неолита, но и в начале эпохи металла, во II тысячелетии до н. э.¹

Следующей по нашей схеме для данного района идет стоянка Соломенное II, керамика которой относится к типу развитой ямочно-зубчатой и имеет очень большое сходство с керамикой стоянки Оровнаволоок, на которой найдены бронзовые изделия местного производства. На этом основании стоянку Соломенное II необходимо датировать временем между 1600 и 1400 гг. до н. э. Высота ее 2,5—3 м. Датированных типов орудий нет.

Стоянка Соломенное VIII очень мала по площади и, вероятно, была кратковременным стойбищем древних рыбаков по сравнению с предыдущей стоянкой. Она относится, по-видимому, к более позднему времени, т. к. на ней представлена в основном «асбестовая» керамика, хотя и со сложным узором. Несколько черепков, украшенных неглубокими большого диаметра ямками, тоже нельзя датировать ранним временем. Высота стоянки 2,5 м. Ее можно датировать временем между 1400 и 1200 гг. до н. э. Примерно к этому же или несколько более позднему времени относится стоянка Соломенное V (нижний слой), керамика которой «асбестовая», сложно орнаментированная.

Более поздней является стоянка Соломенное IIIa, на которой найдена только «асбестовая» керамика однообразно орнаментированная «елочным» узором, составленным из оттисков зубчатого штампа.

Аналогичная керамика найдена на стоянке Оровгуба, на которой вместе с тем обнаружен горн для сыродутного производства железа и которая поэтому может быть датирована временем не ранее 2-й четверти I тысячелетия до н. э. Однако такая же керамика характерна и для более ранних стоянок, чем Оровгуба, таких, как Суна II, Войнаволоок VII и др., для которых типичны каменные орудия и отсутствуют признаки производства железа. Поэтому эти стоянки, также как и стоянку Соломенное IIIa, необходимо датировать приблизительно временем между 1200 и 1000 гг. до н. э. или несколько более поздним.

Наконец, стоянку Усть-Томица, которая являлась бронзо-литейной мастерской, на которой большинство керамики составляет «текстильная» керамика, а также обнаружены признаки бронзо-литейного дела и знакомство с железом, нужно отнести к середине I тысячелетия до н. э. и датировать приблизительно временем между 800 и 500 гг. до н. э. Высота стоянки 2 м. Более поздних поселений в этом районе не обнаружено.

Так выглядит предложенная нами хронологическая схема в приложении ее к стоянкам района Соломенное-Пески².

Таким образом, на основе анализа инвентаря древнейших поселений Карелии мы приходим к следующим выводам:

1. Основным методом датировки памятников Карельской археологической культуры на достигнутом этапе является типологический метод и прежде всего — датировка по данным керамики.

¹ О. Н. Бадер, Б. Х. Кадиков. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом. «Советская археология», № 3, 1957, стр. 156.

² Хронологическую таблицу основных стоянок Карелии периода неолита и раннего металла, составленную на основе анализа керамического материала, см. в приложении.

2. Древнейшими типами керамики на территории Карелии являются: керамика типа «Сперрингс» и древне-ямочная керамика волгоокского типа. Они появились на территории Карелии одновременно, но в различных ее районах. Наибольшее развитие эти типы керамики получили здесь в период с середины III до начала II тысячелетия до н. э. Взаимодействие указанных типов керамики на древних поселениях Карелии свидетельствует о сложных взаимоотношениях и ассимилятивных процессах, протекавших среди населения, обитавшего в этот период в Карелии.

3. На смену этим типам керамики пришла развитая ямочно-зубчатая керамика, богато орнаментированная разнообразными геометрическими узорами, составленными из кругло-конических и ромбических ямок, оттисков зубчатого штампа и зубчатых линий. Начальная дата ее появления относится к концу III тысячелетия до н. э., но наибольшего развития она достигла в первой половине и середине II тысячелетия до н. э.

4. Более поздним типом керамики является «асбестовая», возникновение которой относится к началу II тысячелетия до н. э., а наибольшее развитие — к концу II — 1-й половине I тысячелетия до н. э.

5. Еще более поздними типами среди ранней керамики в Карелии являются «текстильная» и неорнаментированная (гладкая и штрихованная) керамика, появление которых относится, по всей вероятности, еще к концу II тысячелетия до н. э., но наибольшего развития они достигли лишь ко 2-й четверти или даже к середине I тысячелетия до н. э.

6. В связи с этим все древнейшие поселения Карелии можно подразделить на 4 хронологические группы:

а) первая группа — поселения с древне-ямочной керамикой или ранней керамикой типа «Сперрингс», датируется 2500—2100 гг. до н. э.;

б) вторая группа — поселения с развитой ямочно-зубчатой керамикой и поздней керамикой типа «Сперрингс» с небольшим добавлением ранней «асбестовой» керамики, датируется 2100—1800 гг. до н. э.;

в) в третьей группе поселений преобладающей является «асбестовая» керамика с некоторым добавлением к ней ямочно-зубчатой керамики; эта группа поселений датируется 1800—1200 гг. до н. э.;

г) наконец, четвертая группа содержит в основном позднюю «асбестовую», «текстильную» и неорнаментированную керамику, иногда в небольшом количестве дополненную ямочно-зубчатой. Эту группу поселений необходимо отнести к 1200—500 гг. до н. э.

7. Первые признаки появления металла на стоянках Карелии относятся к поселениям третьей хронологической группы (стоянка Оровнаволоок), но наибольшее распространение производство металла и металлических изделий получило на стоянках четвертой хронологической группы, для которых обычны тигли, лячки, шлаки и др. признаки, указывающие на знакомство их обитателей с металлом. Бронза в Карелии была очень слабо распространена, а железо не сохранилось в неблагоприятных почвенных условиях. Поэтому находки бронзовых и медных орудий на стоянках Карелии чрезвычайно редки, а железных орудий вообще не найдено.

Приложение 1

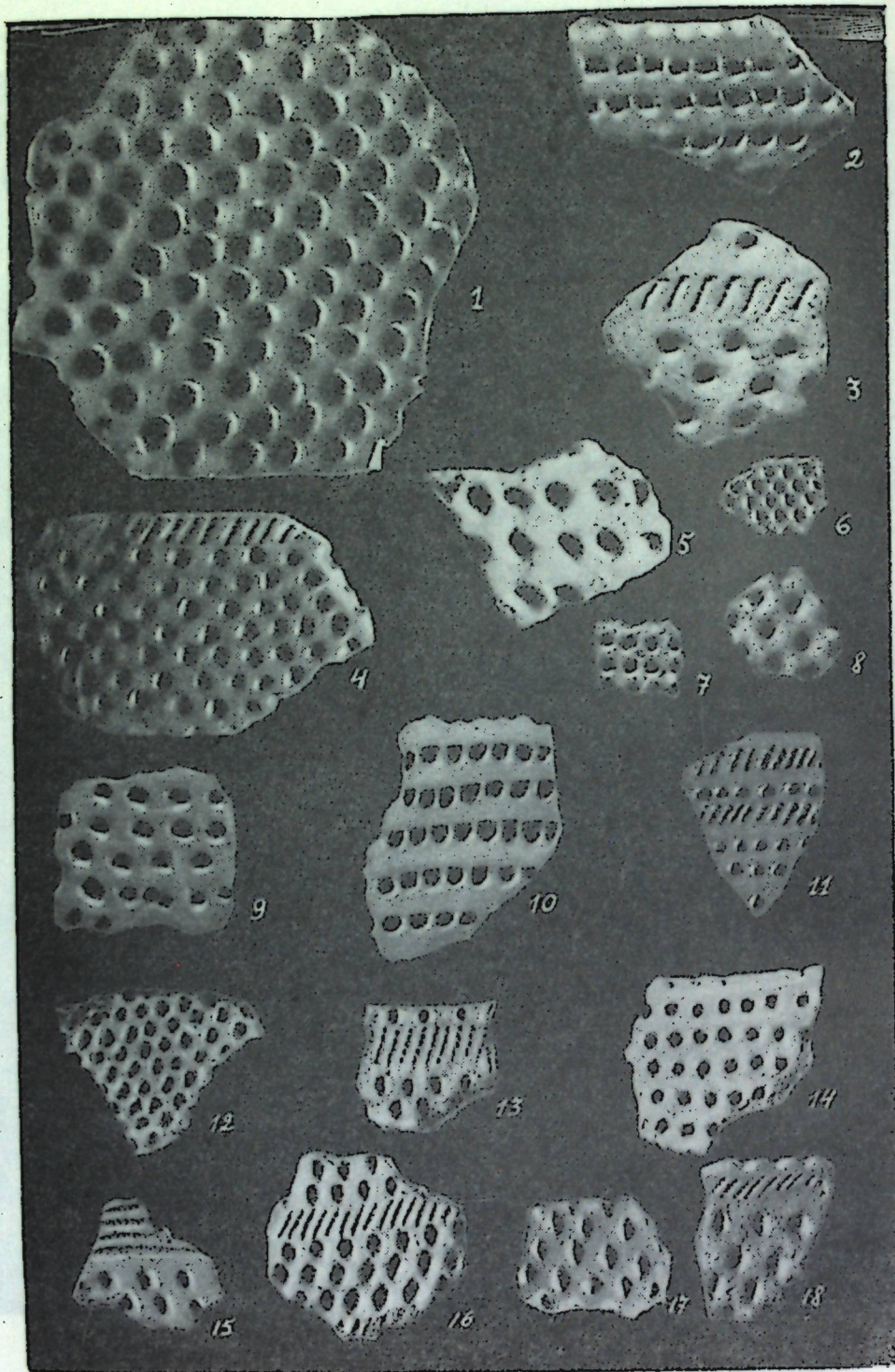
Таблица распределения основных типов керамики древних поселений Карелии по хронологическим группам

Хронологические группы	Наименование стоянок	Типы керамики (в %)						Всего фрагментов керамики
		"Спер-рингс"	ямочно-зубчатая		"асбестовая"	"текстильная"	неорнаментированная	
			ранняя	поздняя				
I группа (2500—2100 гг. до н. э.)	Пески IV	—	100	—	—	—	84	
	Соломенное V (у лесозавода)	—	100	—	—	—	73	
	Соломенное V (нижний слой)	—	100	—	—	—	16	
	Суна V	—	100	—	—	—	16	
	Машезеро	—	100	—	—	—	170	
	Кочнаволоок	100	—	—	—	—	256	
	Пушсовхоз II	—	—	—	—	—	—	
	р. Черная у с. Бесов Нос	—	100	—	—	—	35	
	Семеново I	—	100	—	—	—	85	
	Кашино	—	100	—	—	—	99	
	Войнаволоок V	—	100	—	—	—	1826	
	Бесовы следки № 3	—	100	—	—	—	62	
	Бесовы следки № 5	—	100	—	—	—	41	
	Кемская I	20,5	79,5	—	—	—	44	
	Кемская II	—	100	—	—	—	14	
	Соломенное IV	2,6	97,4	—	—	—	119	
	Оз. Лососинное	27,3	72,7	—	—	—	33	
	Сулгу I	53,0	46,0	1,0	—	—	98	
	Суна IV	—	93,7	6,3	—	—	724	
	Ялгуба II	0,6	99,4	—	—	—	2457	
Соломенное VI	27,6	37,4	35,0	—	—	163		
мыс Кладовец Нос	—	98,9	1,1	—	—	295		
II группа (2100—1800 гг. до н. э.)	Близ Челмуж	76,4	23,6	—	—	—	832	
	Медвежья Гора II	79,2	19,6	1,2	—	—	1064	
	Курмойла II	—	99,8	—	0,2	—	677	
	Семеново II	0,2	99,3	—	0,5	—	2534	
	Тудозеро	—	84,0	15,2	0,8	—	130	
	Суна Ia	24,2	61,3	12,9	1,6	—	186	
	Соломенное I	3,1	72,1	8,6	16,2	—	848	
	Суна I	19,1	54,3	15,3	11,3	—	2593	
	Кемь I	—	60,1	24,3	15,6	—	411	
	Усть-Рыбежная I	—	73,8	23,1	3,1	—	863	
	Салменицы	1,8	87,8	8,6	1,8	—	884	
	Курмойла I	14,2	68,6	2,2	15,0	—	3414	
	Порог Шойрукша	0,3	94,3	—	5,4	—	335	
	Юдъярви III	2,4	66,7	14,3	16,6	—	84	
	о. Шойрукшин	—	65,4	14,7	19,9	—	332	
Пески II	100	—	—	—	—	157		
Соломенное VII	12,3	46,4	40,3	1,0	—	1307		

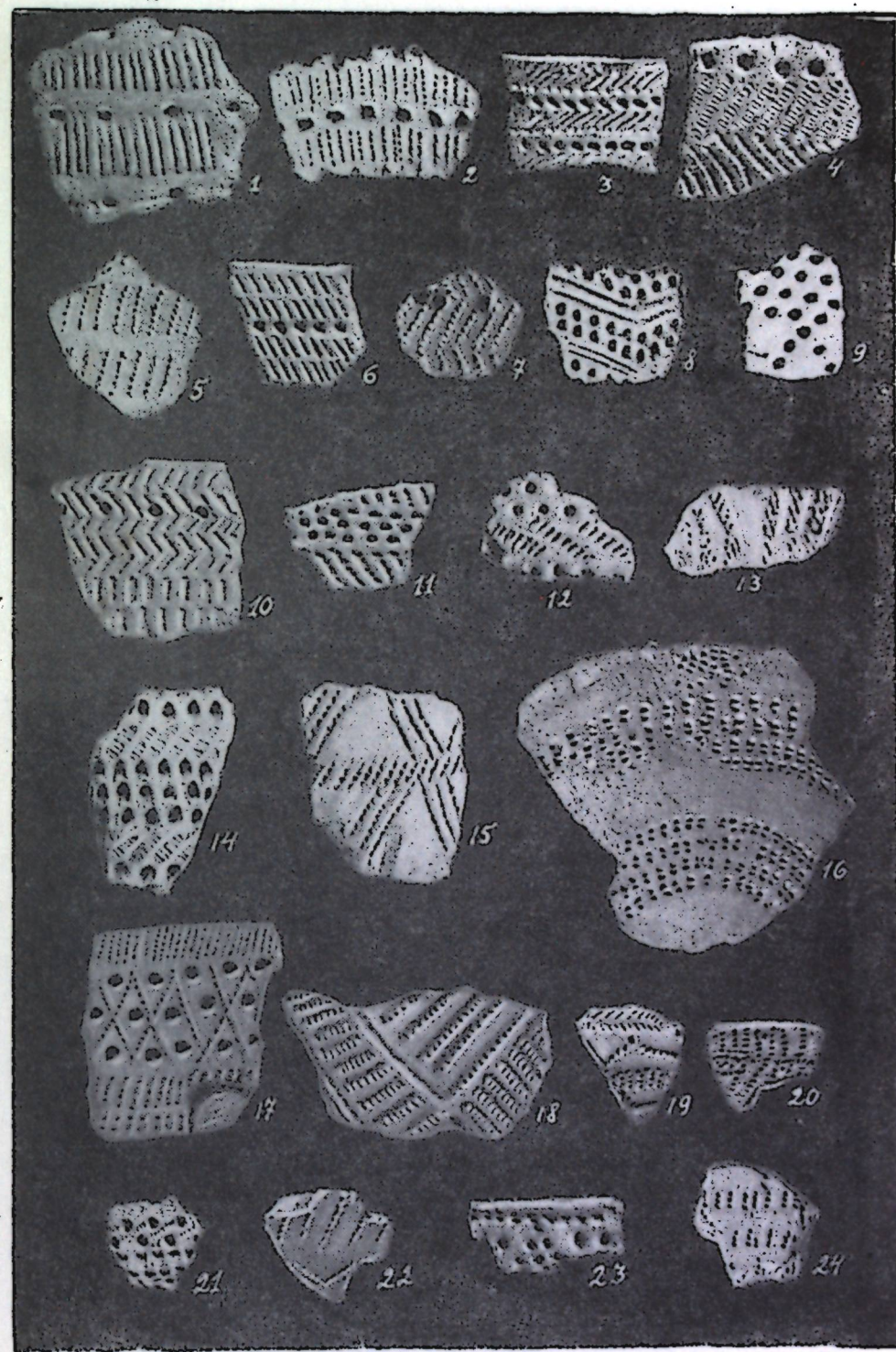
Продолжение прилож. 1

Хронологические группы	Наименование стоянок	Типы керамики (в %)						Всего фрагментов керамики
		"Спер-рингс"	ямочно-зубчатая		"асбестовая"	"текстильная"	неорнаментированная	
			ранняя	поздняя				
III группа (1800—1200 гг. до н. э.)	Соломенное IX	—	6,7	84,5	8,8	—	—	838
	Соломенное III	—	49,5	—	50,5	—	—	111
	Усть-Понча I	—	8,4	77,4	14,2	—	—	71
	Соломенное II	—	39,6	59,2	—	0,3	0,9	291
	Войнаволоок IX	—	45,1	54,9	—	—	—	3923
	Оровнаволоок	—	32,9	67,1	—	—	—	3410
	Мыс Бесов Нос	—	80,0	18,6	—	1,4	—	172
	Выгостров	—	77,0	12,1	6,7	—	4,2	239
	Золотец I	—	45,4	17,6	35,4	—	1,6	432
	Бесовы следки № 4	—	—	69,9	24,3	—	5,8	103
	Соломенное VIII	—	—	6,8	93,2	—	—	162
IV группа (1200—500 гг. до н. э.)	Соломенное V (верхний слой)	—	—	—	100	—	—	613
	Софьянга I	—	—	15,3	84,7	—	—	98
	пос. Шальский	—	—	—	100	—	—	76
	Соломенное IIIa	—	—	—	100	—	—	47
	Войнаволоок VII	—	0,9	0,1	99,0	—	—	909
	Суна III	—	—	—	99,7	—	0,3	409
	Суна II	—	—	1,7	86,1	1,0	11,2	296
	Оровгуба	—	—	—	100	—	—	458
	Залавруга	—	—	—	—	—	—	—
	Сопоха III	—	47,1	—	52,1	0,8	—	541
	Лахта II	—	16,6	—	0,7	82,0	0,7	139
	Чуйнаволоок	—	21,6	18,5	12,5	28,6	18,8	518
	Усть-Томица	—	0,7	7,6	—	86,6	5,1	652
Усть-Рыбежная II	—	—	—	—	—	—	—	
р. Олонка	—	—	31,5	—	55,0	11,5	1570	

1200 - 500 г.г. ДО Н.Э.	1800 - 1200 г.г. ДО Н.Э.	2100 - 1800 г.г. ДО Н.Э.	2500 - 2100 г.г. ДО Н.Э.

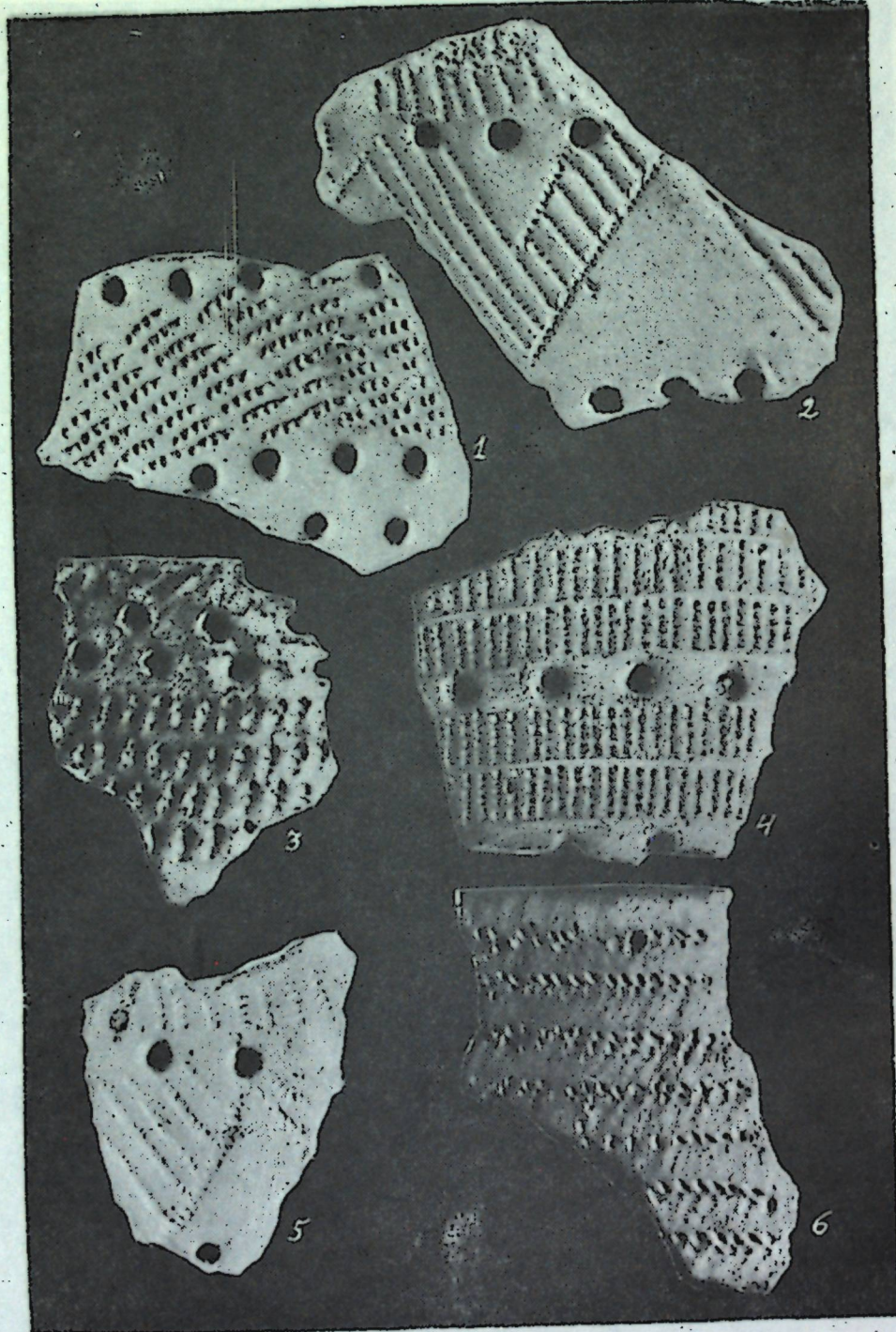

Древнейшая ямочно-зубчатая керамика волго-окского типа:
1—Суна IV; 2—3—Мшелзеро; 4—Тудозеро; 5—оз. Лососниное; 6—8—Пески IV; 9—11—Войнаполк V; 12—18—Ялгуба II

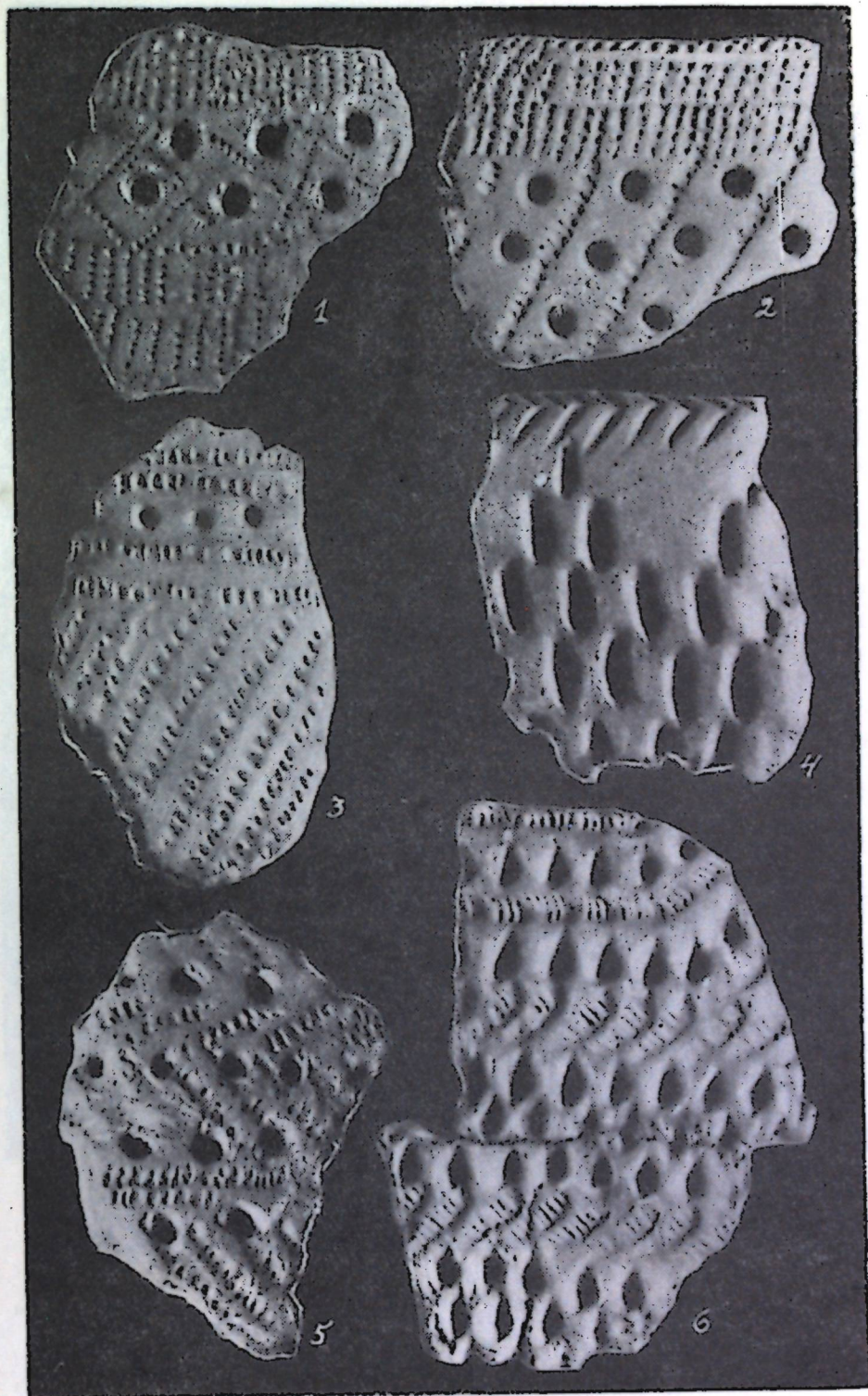
Развитая ямочно-зубчатая керамика:
1—Сулгу I; 2—Кудамгуба III; 3—9—Семеново II; 10—11—Сопоха III; 12—Ялгуба III; 13—16—Золотец I; 17—18—Орловолок; 19—20—Софьянга I; 21—Порог Шойрукша; 22—Усть-Пенча II; 23—Юдьярви III; 24—о. Шойрукши

Приложение 5

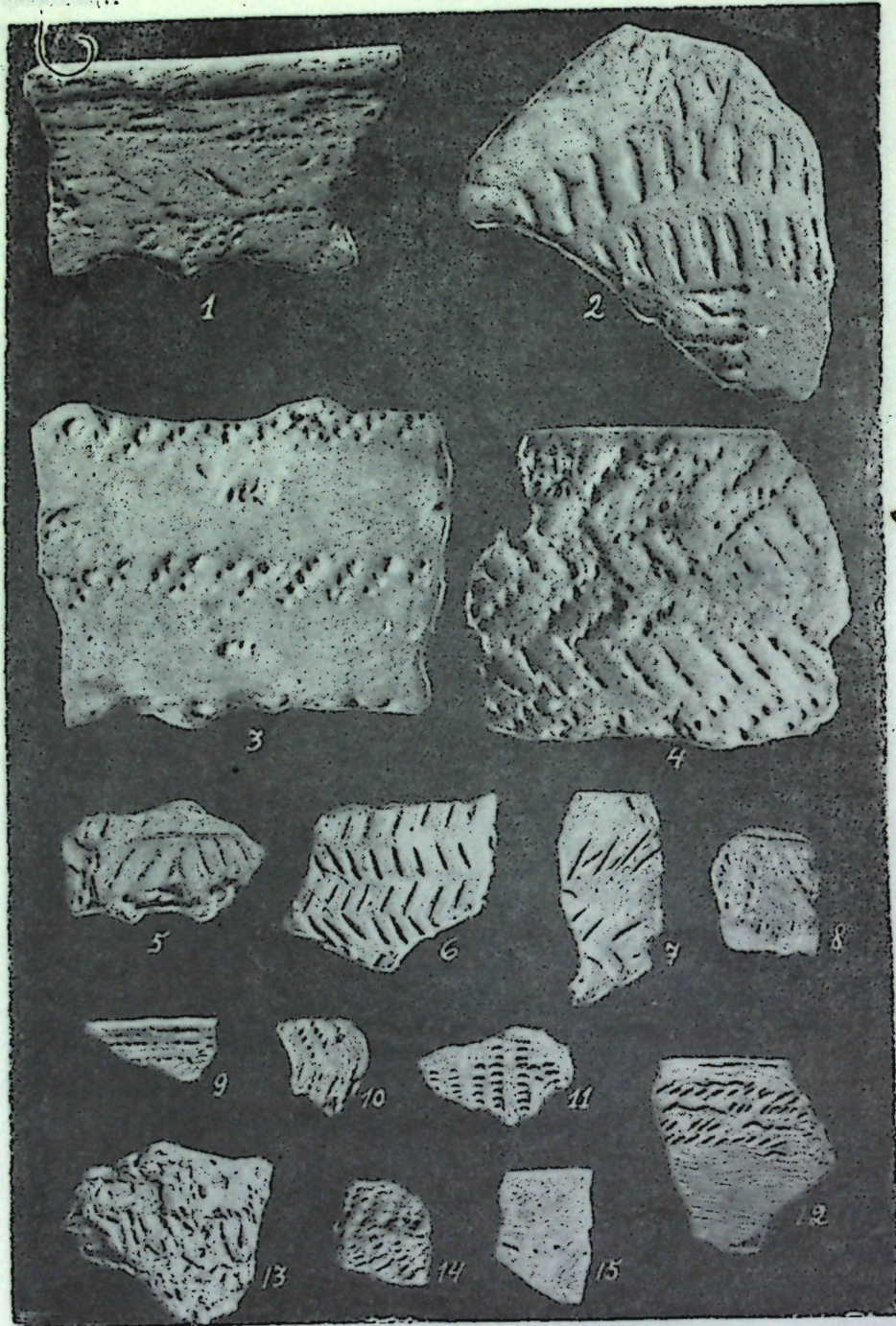

Развитая ямочно-зубчатая керамика прибалтийско-новгородского и прибалтийско-финского типов:
1-5 — Суна IV; 6 — Салменны

Приложение 7

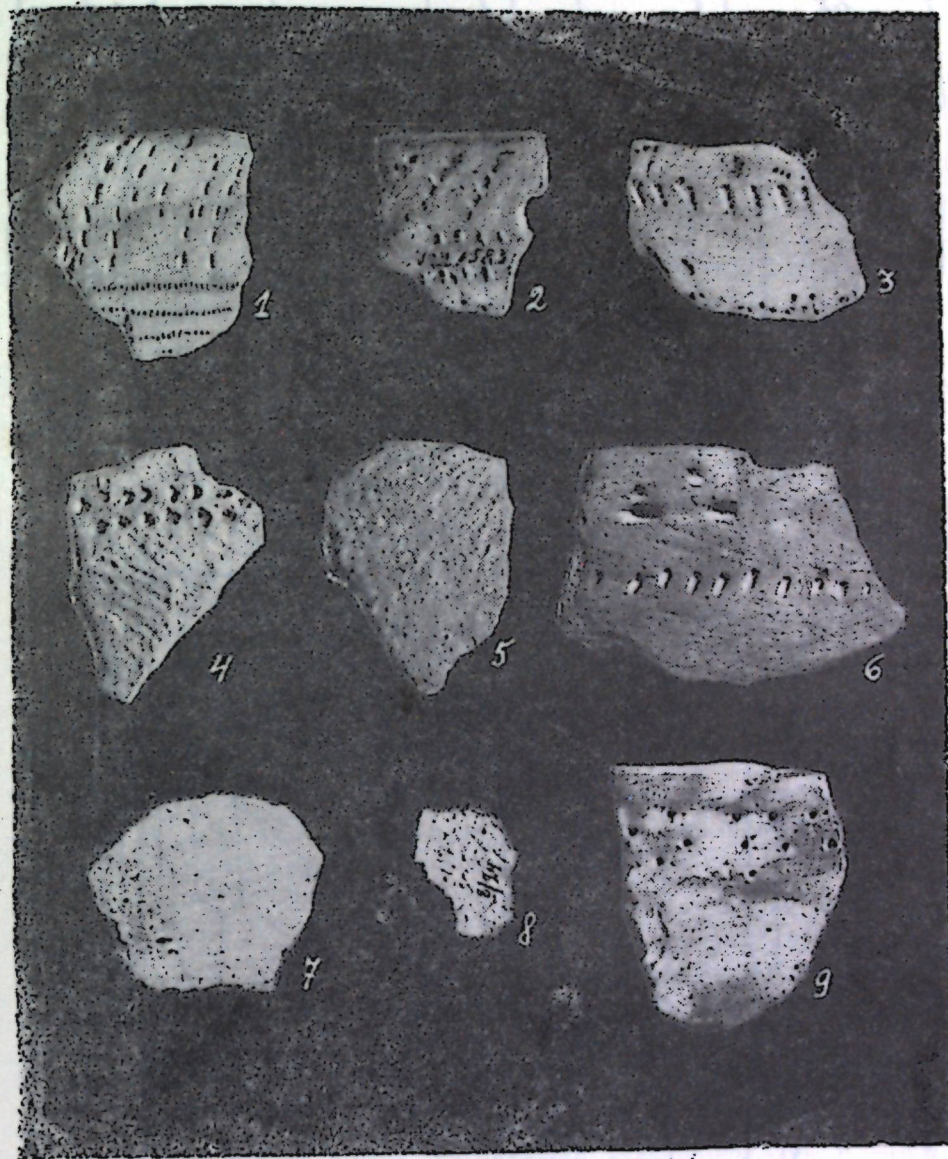

Развитая ямочно-зубчатая керамика:
1-2 — Суна IV; 3-4 — Суна Ia; 5 — Суна I; 6 — о. Шойрукши

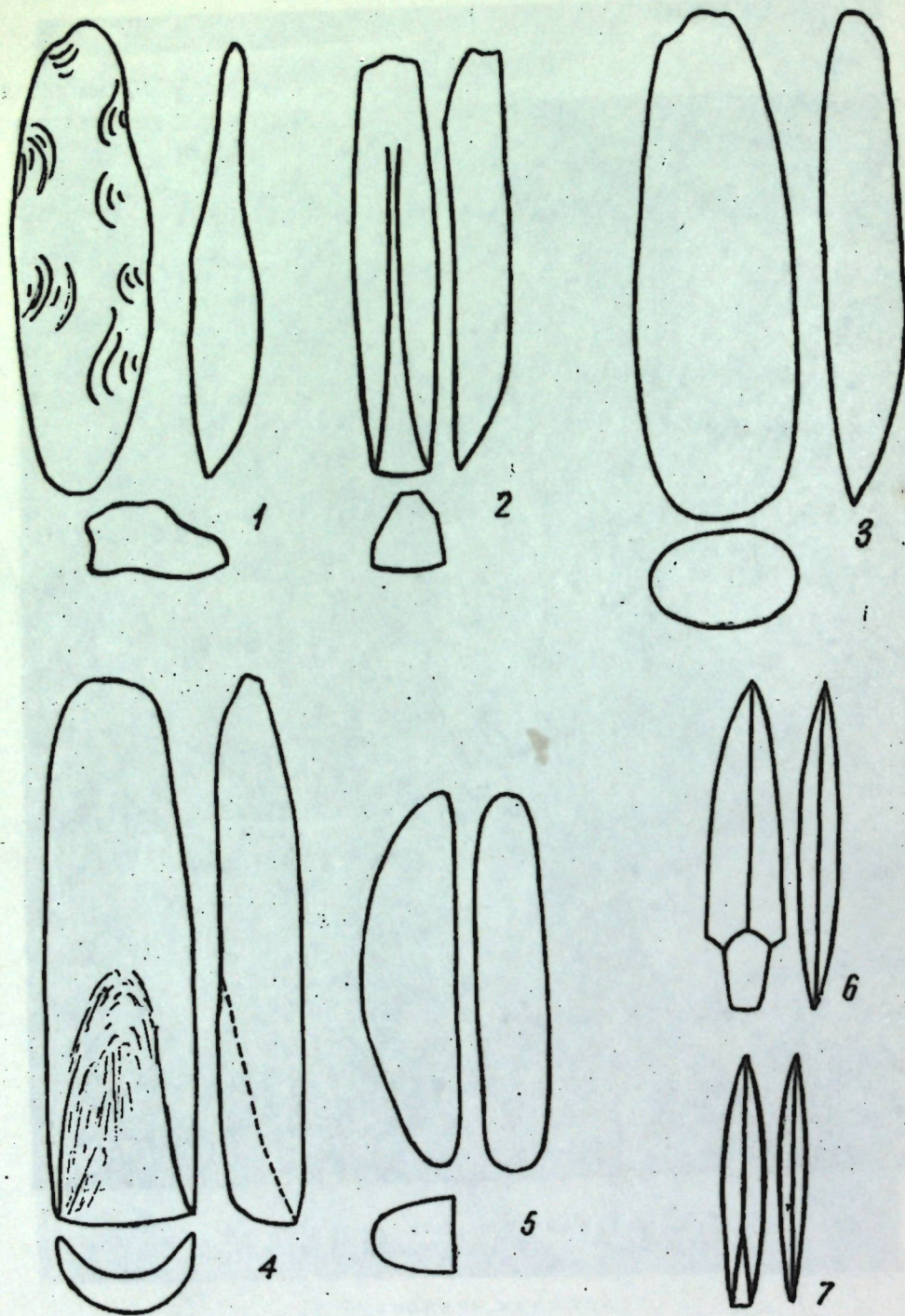

«Асбестовая» керамика:

1-4 — Суна I; 5-6 — Золотец I; 7 — Семеново II; 8 — Лахта II; 9-10 — о. Шойрук III; 11 — Кудам-
губа IV; 12 — Софьяга I; 13 — Лахта III; 14 — Юдьяри I; 15 — Сопоха III

«Текстильная» и гладкая керамика:
1-5 — Томица; 6-7 — Лахта II; 8 — Сопоха III; 9 — Золотец I

Датированные орудия с карельских неолитических стоянок:
 1 — топор типа «Рованиemi»; 2 — топор русско-карельского типа; 3 — топор с округлым лезвием;
 4 — «горбатое» желобчатое долото; 5 — кирка карельского типа; 6—7 — шиферные наконечники
 «широкого типа с шипами» и «узкого типа без шипов»

Я. А. БАЛАГУРОВ

СВЕДЕНИЯ О ПРОШЛОМ КАРЕЛИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В исторической литературе при освещении более раннего периода истории карельского народа территория Карелии нередко ограничивается Карельским перешейком и северным Приладожьем. И это является правильным, так как именно здесь до начала второго тысячелетия н. э. жила и трудилась основная масса карел. Примерно с конца первого тысячелетия часть карел стала постепенно продвигаться на север, в район Сайменских озер и к берегам Ботнического залива. Из скандинавских источников видно, что карелы в Приботнии появились уже в IX в. н. э.¹

На Олонецком перешейке² в начале второго тысячелетия н. э. карелы пришли в близкое соприкосновение с вепсами. Карельская колонизация Заонежья и позднее Поморья совпала с русской колонизацией. Таким образом, на этой территории возникли поселения вепсов, карел и русских, которые вели совместную трудовую жизнь. Аборигены края, малочисленные саамы (лопари), отходили на север.

Карелы и вепсы (весь) входили в состав Древнерусского государства со времени его возникновения; в период феодальной раздробленности территория Карелии была частью Новгородской земли, а с конца XV в. — частью русского централизованного государства³.

С середины XII в. территория карел подвергается опустошительным нашествиям со стороны шведских феодалов. После Ореховецкого договора (1323 г.) приботнические и присайминские карелы оказались под господством шведов и позднее явились одним из компонентов в формировании финского народа⁴. Однако языковые и этнографические особенности карел сохранялись здесь долго. Даже в конце XIX в. население Саволакса и северной части Эстерботнии финские ученые называли карелами⁵.

Основная масса карел, населявшая северо-западное и северное Приладожье, а также заселившая отдельные районы в бассейне Онежского озера и западного побережья Белого моря, оказалась в составе

¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 31.

² Расположен между Онежским и Ладожским озерами.

³ Отправка Александром Невским в 1251 г. послов в Норвегию для улаживания конфликтов между приботническими карелами и норвежцами свидетельствует о том, что территория приботнических карел также являлась владением Новгорода.

⁴ Д. В. Бубрих. Указ. произв., стр. 5.

⁵ Финляндия в XIX столетии, изображенная в словах и картинах финляндскими писателями и художниками. Под редакцией Л. Мехелина, З. Топелиуса и др. Хельсинки, 1894.

двух пятин Новгородского феодального государства. Карельский уезд (территория к западу и северо-западу от Ладожского озера) и Лопские погосты (к северу от Сямозера до бассейна р. Кеми) входили в Вотскую пятину; Олонецкий перешеек, территория вокруг Онежского озера и южная часть Карельского Поморья — в Обонежскую пятину; северная часть Карельского Поморья — в Кольский уезд. На данной территории шел длительный процесс формирования карельского народа, в состав которого вошли приладожские, прионежские и беломорские карелы, а также вепсы, населявшие Олонецкий перешеек. «Начало связывания разнородных этнических элементов, вошедших в состав карельского народа, было заложено еще в XIII в., когда группы Карелы появились на Олонецком перешейке»¹.

В начале XVII в. территория Карельского перешейка и северного Приладожья оказалась под властью шведских феодалов. Карелы не захотели выносить чужеземное господство и стали покидать свою родину². Переселение приняло массовый характер: десятки тысяч беженцев-карел поселились в центральных районах России (тверские карелы), значительное количество карел пополнило ряды своих сородичей в Прионежье и в бассейне р. Кеми. Все это привело к тому, что центр карельского народа в XVII в. переместился с Карельского перешейка на Олонецкий перешеек и в северную Карелию.

В результате Северной войны 1700—1721 гг. Карельский перешеек и северное Приладожье были возвращены в состав России, но торговые связи с Олонцом, Петровской слободой (Петрозаводск), Шуньгой и другими карельскими поселениями не получили заметного развития, так как города и селения Карельского перешейка экономически тяготели к Петербургу. Вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции основные районы Карелии в экономическом отношении оставались в значительной степени оторванными друг от друга. В литературе XIX и начала XX вв. каждый район фигурировал как отдельный этнографический объект или как часть административно-территориальной единицы (губернии)³.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КАРЕЛАХ В XII—XVII вв.

Своего летописания у карел не возникало, так как язык у них был бесписьменный. Однако история Карелии XII—XVII вв. нашла некоторое отражение в русских летописях, являющихся одним из главных исторических источников и ярких показателей высоты древнерусской культуры. В период феодальной раздробленности (XII—XV вв.) территория карел была составной частью Новгородской феодальной республики. Именно последнее обстоятельство и объясняет тот факт, что известия о населении Карелии того времени встречаются в новгородских летописях.

Летописцы были выразителями феодальной идеологии и мало внимания уделяли подлинному творцу истории — народу. Поэтому неудивительно, что летописные сведения о карельском народе крайне ограничены и касаются только политической жизни. Как первые летописные

¹ Д. В. Бубрих. Указ. произв., стр. 45. (Д. В. Бубрих древние карельские племена называет Корелой. — Я. Б.)

² В опустевшие селения Карельского перешейка шведские власти переселили значительное количество крестьян из восточных районов Финляндии.

³ «Архангельская или Беломорская Карелия», «Олонецкая Карелия», «Олонецкий край», «Поморье», «Заонежье» и т. д.

известия о карелах (1143 г.), так и большая часть последующих записей относятся к политической жизни карельского народа.

Летописи раскрывают нам картину многовековой совместной борьбы русских и карел против шведских завоевателей. Карелы в составе новгородской рати в XIII в. сражались против агрессоров под знаменами Александра Невского и его преемников¹. По Ореховецкому миру 1323 г. шведам удалось отторгнуть часть карельских земель, и много карельских беженцев нашло убежище на русской земле. В борьбе Новгорода и Швеции за Карелию карелы были верными союзниками новгородцев.

Важным источником, проливающим свет на историю карел, русских и вепсов, являются акты, являющиеся актовые материалы. Документы, исходящие от имени царя, великого князя и местных светских и духовных властей, а также от средних и мелких землевладельцев, позволяют проследить развитие феодальных отношений и другие стороны экономической и социальной жизни различных имущественных групп населения Карелии. Так, например, развитие феодальных отношений на территории Карелии наглядно иллюстрируется уставом князя Святослава Ольговича (1137 г.) о взимании церковной десятины в Обонежье. В этом документе впервые упоминается Олонец, одно из старейших поселений Карелии².

Систематическая публикация актовых материалов по истории Карелии началась только после Великой Октябрьской социалистической революции³. Раньше в документальных сборниках по истории России были опубликованы только отдельные документы по истории северных окраин страны, в том числе и по истории Карелии⁴.

При изучении истории края большое место должно быть отведено устному народному творчеству и особенно знаменитому эпосу карело-финского народа «Калевале». Основоположник пролетарской литературы А. М. Горький писал: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монарха с феодалами»⁵.

В устном народном творчестве заложены зачатки исторических знаний. Так, например, в рунах «Калевалы» нашли отражение процессы, происходившие во времена распада первобытно-общинного строя и формирования феодальных отношений. Действия героев рун протекают в условиях, когда еще господствовали родовые устои, и в большинстве рун «Калевалы» воспеваются трудовые подвиги человека⁶. Мотивы войны в рунах почти не нашли места, и это является убедительным

¹ Летописные известия о карелах. В кн.: Материалы по истории Карелии XII—XVII вв. Под редакцией В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

² М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

³ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Под редакцией В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941; Карелия в XVII веке. Под редакцией А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948.

⁴ Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1788—1791; Акты археографической экспедиции, т. 1—4. СПб., 1836—1838; Акты исторические, т. 1—5. СПб., 1841—1843; Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря, ч. 1—3. М., 1836. (Отдельные документы публиковались и в других сборниках, а также в газетах. — Я. Б.)

⁵ А. М. Горький. Собр. соч., т. 27. ГИХЛ, 1953, стр. 311—312.

⁶ Калевала. Карело-финский народный эпос. Собрал и обработал Э. Леннрот. Перевод Л. Бельского. Госиздат КАССР, Петрозаводск, 1956.

свидетельством того, что создание руны относится к периоду, протекавшему до шведских нашествий на Карелию в XIII—XIV вв.

В исторических песнях и преданиях феодального периода нашли место отзвуки народного протеста против феодального гнета, отголоски антифеодальных выступлений, борьба народа против польско-шведских интервентов в начале XVII в., события Северной войны, деятельность Петра Великого, строительство Петербурга, каналов и железных дорог. Однако научное изучение устного народного творчества как исторического источника получило свое развитие только в советское время.

Попытка изучить историческое прошлое Карелии и его народа предпринималась еще в XVI в. Голландский путешественник Симон ван Салинген, побывавший в Карелии во второй половине XVI в., сообщает, что в Кандалакше он познакомился с миссионером Федором Чудиновым, который считался «русским философом», так как «написал историю Карелии и Лапландии». Федор Чудинов работал также над созданием карельского алфавита («рискунул изобрести письмена для карельского языка, на котором никогда не писал ни один человек») и показывал Салингену алфавит и рукопись некоторых молитв, написанных им на карельском языке¹.

Необходимо отметить, что записки иностранцев (Герберштейн, Салинген и др.) являются важным источником по истории Карелии XVI в. В записках путешественников есть лаконичные сведения о Сороке (Беломорск), Сумском Посаде, Повенце, «городе Толвуе» и др.² Иностранцам в то время были известны богатства севера России, и авантюрист Генрих Штаден, бежавший в 1576 г. из Москвы через Карелию и Кольский полуостров в Западную Европу, предлагал в Германии план военной интервенции и ограбления русского Севера³.

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVIII—XIX вв. О КАРЕЛИИ

Более систематическое освещение исторического прошлого Карелии было начато в XVIII в. русскими учеными. Однако следует отметить, что представители дворянской, а позднее буржуазной историографии касались отдельных моментов исторической жизни края и только в связи с изучением истории Русского государства.

Крупнейший представитель дворянской историографии XVIII в. В. Н. Татищев (1686—1750), впервые предпринявший сбор и обработку летописных известий по истории Русского государства, в своем труде «История Российская» в ряде случаев попутно упомянул о Карелии и ее населении. В частности, В. Н. Татищев пишет, что в 1242 г. войско Александра Невского состояло из новгородцев, ладожан, корелы и ижоры⁴. Труд Татищева «История Российская» и отдельные летописи, опубликованные во второй половине XVIII в., были использованы последующими представителями дворянской историографии, которые в той или иной мере касались истории Карелии.

Великий русский ученый М. В. Ломоносов в ряде своих произведений призывал к изучению северных районов России. Ученый-энциклопедист, занятый разработкой многих научных проблем, М. В. Ломоносов уделял большое внимание истории России. Преждевременная смерть помешала М. В. Ломоносову осуществить свой замысел, и первый том его «Древней Российской истории» вышел уже после смерти автора¹. В этом труде и в «Кратком Российском летописце» Ломоносов упоминает Карелию и высказывает свое мнение о родстве языков финнов, карел, саамов и коми.

С конца XVIII в. история Карелии привлекла большое внимание историков в связи с экономическими сдвигами в стране и происходившими русско-шведскими войнами. Представитель дворянской историографии Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского», касаясь истории карел, сделал шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Он привел новые летописные данные о Карелии и, кроме того, использовал актовые материалы и скандинавские источники. Однако и Карамзин касался истории Карелии попутно, привлекая эти материалы как иллюстрации при изложении общероссийских событий.

В освещении древней истории Карамзин не критически следовал за скандинавскими источниками и считал, что существовала особая страна Кириаландия, занимавшая огромное пространство современной Финляндии, Олонецкого края и части Архангельской губернии². Если в рассказе о Кириаландии есть доля истины (карельские племена действительно занимали в древнее время часть этой территории), то рассуждения о легендарной Биармии оказались полностью ошибочными.

Значительное место Карамзин отвел истории сопротивления Руси шведской экспансии. Карелы, подвергавшиеся грабительским набегам со стороны шведов, были неизменными помощниками и соратниками русских. В 1142 г. ладожане и карелы нанесли поражение шведам, сделавшим попытку ограбить Ладожскую область; в 1188 г. русские, эсты и карелы совершили поход на Сигтуну; в 1227 г. ладожане, карелы и ижора разгромили шведский отряд, напавший на Олонец; в 1242 г. под знаменами Александра Невского «собралось войско: новгородцы, ладожане, корела, ижорцы», а в 1253 г. в окрестностях Наровы «русские и корела разбила немецких рыцарей»³. В переговорах с норвежским правительством Александр Невский добивался, чтобы норвежский король дал обязательство не грабить «нашу Лоль и Карелию»⁴.

В меньшей степени Карамзиным отражена внутренняя жизнь населения Карелии. В «Истории государства Российского» упомянуто крепление карел и наличие в «Карельской земле» владельца Валита Корелянина, подчиненного новгородским посадникам. Довольно подробно описан голод 1419 г., захвативший Карелию и другие районы России⁵. При изложении исторических событий на севере России Карамзин упоминает Олонец, Кемь, Шую (Шуерецкое), Ковду и другие населенные пункты Карелии.

По сравнению с Татищевым у Карамзина введено в научный оборот много новых фактов по истории Карелии. Однако автор «Истории государства Российского» не упоминает о Карелии в «Кратком Российском летописце».

По сравнению с Татищевым у Карамзина введено в научный оборот много новых фактов по истории Карелии. Однако автор «Истории государства Российского» не упоминает о Карелии в «Кратком Российском летописце».

¹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI, 1952; Древняя Российская история. Изд. 1, 1766.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, СПб., 1842, стр. 22.

³ Там же, т. II, СПб., 1842, стр. 119; т. III, стр. 52 и 149; т. IV, стр. 20, 44, 45, 46 и др.

⁴ Там же, т. IV, стр. 44.

⁵ Там же, т. V, стр. 125; т. XI, примечание 56.

¹ Сообщение Симона ван Салингена. «Литературный вестник», т. I, кн. 3, 1902, стр. 301—302.

² С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М.—Л., 1938.

³ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.

⁴ В. Н. Татищев. История Российская, книга 4, СПб., 1784, стр. 10—11; Его же. Избранные труды по географии России. М., 1950.

дарства Российского» в ряде случаев, приводя данные иностранных источников, не высказывает к ним своего отношения, хотя эти данные и исходили от лиц и кругов, настроенных враждебно к русским и карелам (папские буллы, шведские источники и т. п.). Так, излагая вопрос об основании Выборга (конец XIII в.), Карамзин пишет, что Биргер пытался утвердиться в Карелии, чтобы «обуздать ее свирепых жителей и утвердить латинскую веру»¹.

Некоторые сведения по истории Карелии содержатся в исследовании русского академика А. Х. Лерберга, отметившего извечные связи карел с новгородцами². Автор также касается агрессии шведских феодалов против карел и финского племени емь. Эта агрессия вдохновлялась и направлялась специальными папскими буллами, призывавшими светских феодалов к крестовым походам против «язычников» (карел и еми)³. Некоторое место в исследовании отведено вопросу о племенной карельской территории и продвижении карел на север и северо-восток в начале второго тысячелетия н. э.⁴

В своем труде А. Х. Лерберг убедительно показывает, что в древнее время финское племя емь (на́ме) занимало территорию, ограниченную Финским и Ботническим заливами, и имело соседями на севере саамов (лопь) и на востоке — карелов⁵.

Последующее развитие историографии (в частности, работа А. И. Гиппинга)⁶ показало правоту Лерберга. Кроме того, здравый смысл подсказывает, что малочисленное племя емь, которое вместе с племенем сумь предшествовало образованию немногочисленного финского народа, конечно, не могло занимать тех огромных пространств северо-востока Европы, о которых упоминали некоторые историки в XIX в. и финские реакционные буржуазные ученые и публицисты в XX в.

В изучении истории Карелии немалое значение имел сбор и публикация актовых материалов. Во второй четверти XIX в. в Олонецкой губернии работали участники археографической экспедиции, руководимой П. М. Строевым. Участник экспедиции Я. И. Бердников побывал в Олонце, Петрозаводске и Каргополе, а также в Соловецком, Александровском и Муромском монастырях. Во время поездки Бердников собрал ценные исторические материалы, которые позднее были частично опубликованы в «Актах археографической комиссии», «Актах исторических» и других изданиях. В 1869 г. К. М. Петров составил указатель актовых материалов о Карелии, опубликованных в первой половине и середине XIX в.⁷

Ценным источником для истории нашей страны являются писцовые книги, в которых содержатся данные о количестве деревень, дворов, о занятиях населения и путях сообщения в XV—XVII вв. Для изучения истории Карелии могут быть использованы сохранившиеся писцовые и дозорные книги, а также материалы писцового характера по Ка-

¹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. IV, стр. 90.

² А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819, стр. 92.

³ Там же, стр. 88, 126, 140, 144, 158 и др.

⁴ Там же, стр. 119, 124, 125, 174, 175 и 188.

⁵ Там же, стр. 92 и 124.

⁶ А. И. Гиппинг. Нева и Ниеншанц, ч. 1, СПб., 1909.

⁷ А. И. Андреев. Некоторые итоги изучения истории Карелии. В кн.: Материалы юбилейной сессии ученого совета. Петрозаводск, 1947, стр. 53—54; К. М. Петров. Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, напечатанным в изданиях Археографической комиссии. Петрозаводск, 1869.

рельскому уезду, по Заонежским и Лопским погостам¹. Данные писцовых книг в некоторой мере были использованы еще в середине XIX в. в книге К. А. Неволлина по истории новгородских пятины и погостов. В его очерке есть сведения по истории и исторической географии Карелии².

Виднейший представитель буржуазной историографии России XIX в. С. М. Соловьев (1820—1879) в своем капитальном труде «История России с древнейших времен», освещая общерусские вопросы, в ряде случаев приводит факты из истории Карелии.

В первом томе «Истории России с древнейших времен» довольно большое место уделено описанию Ореховецкого мира, который был заключен в 1323 г. между Новгородом и Швецией. Шведам удалось удержать Выборг и три карельских округа (Саволокс, Яскис и Эйрепю). С учетом этих изменений и была определена новая русско-шведская граница³.

Касаясь внешнеполитических вопросов, Соловьев отметил грабительские нашествия шведских отрядов Понтуса Делагарди, который в 1580 г. занял г. Корелу (Кексгольм) и, по данным ливонских летописей, истребил до двух тысяч жителей.

С. М. Соловьев впервые в русской историографии поднял вопрос о массовом переселении карел в первой половине XVII в. с оккупированного шведскими войсками Карельского перешейка в центральные районы России и частично на территорию Лопских погостов. Причину переселения автор видит в религиозных мотивах. Православные карелы не хотели терпеть религиозных преследований лютеран-шведов и навсегда покинули свою родину⁴. Несмотря на односторонность суждений о причинах переселения карел, заслугой Соловьева является постановка этого очень важного события в истории карельского народа.

Наконец, при освещении хода Северной войны Соловьев уделил некоторое внимание Карелии в связи с военными действиями на Карельском перешейке и переговорами со шведами, так как во время переговоров неоднократно вставал вопрос о судьбе г. Корелы⁵.

Если в изложении внешнеполитических событий автор стоит на позиции буржуазного объективизма, то в изложении внутренней политики Русского государства нередко этот объективизм заменяется сугубым субъективизмом, и вопросы подаются в ярко тенденциозной окраске. Это особенно касается истории народных восстаний.

Как истинный представитель буржуазной историографии, Соловьев трактует борьбу крестьянства с антинародных позиций, оправдывая карательные действия представителей феодального государства.

Упоминая о волнениях крестьян Толвуйской волости в 1678 г., Соловьев отмечает, что причиной волнений было нежелание крестьян находиться в крепостном подчинении у Вяжицкого монастыря. Автор признает, что в монастырских имениях были причины для недовольства, но спокойно констатирует, что заводчики мятежа были жестоко наказаны⁶.

¹ Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. II и 12. М., 1851—1852 гг.; «Олонецкие губерские ведомости», 1849, № 1—7; 1850, № 12—47; 1851, № 1—2; 1863, № 40; Писцовая книга Вотской пятины 1539 года, вып. I; Новгород, 1917; Писцовая книга Обонежской пятины, второй московской описи. Киев, 1910; Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

² К. А. Неволлин. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. СПб., изд. «Общественная польза», кн. I, стр. 1145.

⁴ С. М. Соловьев. Указ. произв., кн. 2, стр. 1166.

⁵ Там же, кн. 4, стр. 38, 504, 513.

⁶ С. М. Соловьев. Указ. произв., кн. 3, стр. 733.

Довольно подробно описывая Соловецкое восстание, автор упоминает Кемский городок и Сумский острог, среди вожаков обороны монастыря упоминается сотник Кемлянин Самко. Автор называет восстание «возмущением» и излагает материал в осуждающем тоне, отмечая, что строгие меры пришлось принять «против одного из самых знаменитых монастырей в государстве»¹.

В «Истории России» кратко отмечено, как антифеодальное движение крестьян вылилось в изуверскую реакционную форму — самосожжение, охватившее ряд районов России после поражения народной войны под руководством Степана Разина. Наиболее значительные факты этого явления произошли в Олонецком крае.

Уделив большое внимание истории движения приписных крестьян уральских горных заводов, С. М. Соловьев кратко освещает такие же события в Олонецком горном округе 1769—1771 гг. Касаясь этих событий, С. М. Соловьев считал, что первой причиной к волнениям «было принуждение крестьян, сверх обычных работ, ломать еще мрамор»; эти работы правительство вскоре отменило, но увеличило другие повинности (поставка древесного угля, добыча большого количества руды и т. д.)². Автор здесь совершенно не касается того вопроса, что все эти повинности основывались на существующей феодальной зависимости приписных крестьян. Наоборот, С. М. Соловьев считает, что «всего больше виноваты» чиновник Назимов, неправильно объяснивший крестьянам смысл указа о податях, а также «искатель приключений» Иван Елагин, который путешествовал в 1770 г. по Карелии и внушал приписным крестьянам, что надо подавать челобитные правительству. Наконец, С. М. Соловьев соглашался с мнением новгородского губернатора Сиверса, что главной причиной волнений олонецких приписных крестьян явились беспорядочные наряды их в заводские работы³. Идеалистический подход к анализу событий помешал талантливому историку вскрыть истинные причины крестьянского движения.

В «Истории России» кратко излагается ход волнений, переросших в восстание. Упоминается о посылке следственной комиссии и деятельности генерала Лыкошина, поражении отряда Ламздорфа и о том, что летом 1771 г. командир карательного отряда князь Урусов «был вынужден» стрелять из пушки в толпу приписных крестьян в Кижях⁴.

Рассматривая деятельность Комиссии 1767 г., С. М. Соловьев отмечает, что наряду с другими в Комиссии выступал депутат от олонецких государственных крестьян. Полемицируя с депутатами от купечества, Вонифантьев отстаивал право крестьян торговать и заниматься отхожими промыслами⁵.

В. О. Ключевский, вышедший из школы С. М. Соловьева, в своем «Курсе русской истории» касался отдельных вопросов истории Карелии, уже упоминаемых его предшественниками. Кроме того, в специальном исследовании по истории хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря В. О. Ключевский осветил ряд вопросов, связанных с ростом монастырских феодальных владений и закрепощением населения Карельского Поморья в XV—XVI вв.⁶ К исследованию Ключевского по

¹ С. М. Соловьев. Указ произв., кн. 3, стр. 287—290, 331—333.

² Там же, кн. 5, стр. 1361; кн. 6, стр. 1019. (С. М. Соловьев считал, что уголь и руда требовались для старых и вновь строившихся кузниц. На самом деле эти материалы требовались для доменных печей.— Я. Б.)

³ Там же, кн. 6, стр. 1019—1029.

⁴ Там же, стр. 1023.

⁵ Там же, стр. 368.

⁶ В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. Первый сборник статей. М., 1915.

своему содержанию близко примыкает небольшая работа преподавателя духовной семинарии Е. В. Барсова (о Палеостровском монастыре), где автор дает краткую историю монастыря, касаясь взаимоотношений монастырского начальства с крестьянами (запрещение крестьянам в ряде мест рубить лес, косить сено, ловить рыбу, собирать грибы и ягоды), эксплуатации крестьян духовными феодалами и сопротивления крестьян¹. Таким образом, даже в сугубо тенденциозной книжке Е. В. Барсова можно найти отзвуки антифеодального движения крестьян Заонежья в XVII в.

Видный историк Н. И. Костомаров при описании истории Новгорода упоминает, что карелы вместе с новгородцами неоднократно участвовали в воинских походах². В XIII в. карелы, пишет Костомаров, были многочисленным племенем, жившим вокруг Ладожского и Онежского озер («Карелы были деятельными союзниками Новгорода и отбивали нападение шведов») ³. Вместе с новгородцами карелы неоднократно отражали немецких рыцарей, в 1292 г. ижора и карелы отбили шведский отряд и т. д. Приграничное положение карел очень часто втягивало их в различные военные столкновения, и на этом основании Н. И. Костомаров делает ошибочное предположение, что «карелы ради взаимных врагов пристали к Новгороду»⁴. На самом деле славян и карел связывали давнишние прочные экономические и культурные узы, на базе которых и сложилось военное сотрудничество.

В последней трети XIX и начале XX вв. были опубликованы работы А. Я. Ефименко, В. И. Семевского, П. А. Соколовского, М. М. Богословского и М. А. Островской⁵. Все эти работы посвящены истории русского крестьянства и в них, попутно излагаются некоторые вопросы из истории Карелии. Авторами собран большой материал по истории северного крестьянства и уделено некоторое внимание хозяйственному и общественному строю крестьян Карелии.

Написанная специально об Олонецкой губернии книга С. А. Приклонского содержит в себе много фактов о бедственном положении населения как русских, так и карельских деревень. Автор приводит данные пореформенной статистики о сокращении посевов, о частых неурожаях и голоде. В 1878—1879 гг., пишет Приклонский, в Пудожском и Повенецком уездах крестьяне употребляли в пищу «соломенный и даже сосновый хлеб, один вид которого возбуждает ужас»⁶. Следующий год не принес облегчения. «В 1880 году снова был неурожай. Наступил пятый неурожайный год сряду»⁷. Голодом были охвачены Толвуйская, Великогубская, Сямозерская, Кондопожская и другие волости Петрозаводского уезда.

¹ Е. В. Барсов. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае. М., 1868.

² Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, т. I, ч. I. СПб., 1863, стр. 398, 401—402 и 404.

³ Там же, стр. 405.

⁴ Там же.

⁵ А. Я. Ефименко. Народные юридические обычаи лопарей, карел и самоедов Архангельской губернии. «Записки русского географического общества по отделению этнографии», т. 8, 1878; П. А. Соколовский. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877; А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, М., 1884; В. И. Семевский. История крестьянского землевладения в Олонецкой губернии. «Русское богатство», 1901, № 1; Его же. Волнения крестьян, приписанных к Олонецким заводам, в 1769—1771 гг., «Олонецкий сборник», вып. 4, Петрозаводск, 1902; М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. М., т. 1, 1909; т. 2, 1912; М. А. Островская. Земельный быт сельского населения Русского Севера, СПб., 1913.

⁶ С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884, стр. 15.

⁷ Там же, стр. 18.

Однако голодали не все крестьяне. В олонецкой деревне среди бедных хижин стояли дома богачей. Автор возлагал кое-какие надежды на общину, но все же был вынужден признать, что бедные крестьяне попадают «в тяжелую экономическую зависимость от богачей» и, чтобы спастись от голодной смерти, вынуждены «работать на тех же богачей»¹.

Указанные авторы привлекли свежий архивный материал, но, однако, дальше добросовестного описания и статистической обработки в духе буржуазного объективизма они не могли пойти. В этом сказались классовая ограниченность как буржуазной, так и мелкобуржуазной историографии. Попытки сделать какие-либо обобщения приводили авторов не только к ошибкам, но нередко и к реакционным выводам. Так, П. А. Соколовский даже в системе покрута, являвшегося одной из форм наиболее жестокой эксплуатации, видел какие-то общинные принципы. А между тем, сам же автор признавал, что «хозяева эксплуатируют покрученников до крайней возможности, не только отнимая большую часть добычи себе, но и заставляя покрученников продавать себе их пани и при том не за деньги, а за разные негодные продукты»². В основной работе В. И. Семевского по истории крестьянства проводится такой же идеалистический взгляд на сельскую общину, которая якобы могла приостановить процесс имущественного и социального расслоения крестьянства³.

ПУБЛИКАЦИЯ ЗАПИСОК УЧАСТНИКОВ НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИИ, ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ

Большое значение для истории Карелии XVIII в. имеют записки академиков И. И. Лепехина и Н. Я. Озерецковского⁴. В 1772 г. И. И. Лепехин путешествовал по побережью Белого моря и побывал на Соловецких островах. Из опубликованных записок видно, что главное внимание И. И. Лепехин уделял географическому описанию края, отмечая наличие природных богатств, промыслы населения, климатические особенности северных районов и обычаи промышленников. Некоторое внимание И. И. Лепехин уделил истории Северного края и особо остановился на истории Соловецкого монастыря, в частности, на истории Соловецкого восстания 1668—1674 гг.⁵ Источником для описания истории монастыря послужил «Соловецкий летописец». В своих записках И. И. Лепехин отметил отвагу и мужество поморов, плававших на Мурманский берег, Новую Землю и Грумант (Шпицберген).

Академик Н. Я. Озерецковский в начале своей научной деятельности работал под руководством И. И. Лепехина и в 1772 г. путешествовал по побережью Белого и Баренцевого морей. Путевые записки Озерецковского и материалы, полученные им от В. В. Крестинина и А. И. Фомина (члены-корреспонденты Академии наук), содержат ценные сведения по истории Северного края России. В. В. Крестинин упоминает имена знаменитых мореходов из селений Карельского Поморья Якова Чиракина и Савву Лошкина, которые неоднократно бывали на

¹ С. А. Приклонский. Указ. произв., стр. 186, 187, 239.

² П. А. Соколовский. Указ. произв., стр. 178.

³ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 2, СПб., 1901, стр. 462.

⁴ Краткие сведения о земледелии и крестьянских промыслах оставил академик Э. Лаксман, посетивший Петрозаводск, Олонец, Сумский Острог, Сороку и Кемь в 1769 и 1779 гг. (См. В. Г. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890; «Труды Вольного экономического общества», 1769).

⁵ Путешествия академика Ивана Лепехина, ч. IV. СПб., 1805, стр. 58—75.

Новой Земле и внесли большой вклад в освоение и изучение этого района страны¹.

В 1785 г. Н. Я. Озерецковский, побывав на побережье Онежского и Ладожского озер, собрал ценные сведения по статистике, этнографии и истории. Наиболее интересными являются сведения о земледелии, рыболовстве и охоте, а также об имущественном расслоении крестьян Олонецкого края. Есть также упоминание о торговых связях Карелии с Петербургом, Каргополом, Вытеграй и Рыбинском. В книге Озерецковского упоминаются Пудож, Олонец, Видлица, Петрозаводск, Шелтозеро, Киж, Толвуй, Кемь, Сумский Острог, Сердоболь (Сортавала), Суоярви, Импилахти и другие селения и волости Карелии².

В «Поденной записке», в письмах, рапортах и других бумагах Г. Р. Державина, занимавшего в 1784—1785 гг. пост олонецкого губернатора, содержится много интересных наблюдений о природе края, о населенных пунктах и производственной деятельности крестьян³. Державин предпринимал довольно длительные путешествия и побывал в Кондопоге, Пудоже, Кижках, Шуньге, Повенце, Сумском Остроге, Кемь и других населенных пунктах Карелии.

Во время поездки в Пудож и Вытегру Державин принимал активное участие в подавлении крестьянских волнений, возникших при передаче земельных участков. По его приказу крестьяне подвергались телесным наказаниям. Оправдывая свои действия, Державин писал, что в 1769 г. крестьяне Кижского погоста «при первом слушании не были усмирены», и это послужило к такому размаху крестьянского движения, что правительству «военною рукою их усмирять надлежало»⁴.

В 1791 г. по Карелии путешествовал П. И. Челищев, побывавший в селениях Присвирья, в Петрозаводске, Повенце, Сороке и Кемь. Путевые записки Челищева (опубликованы в 80-х гг. XIX в.) содержат в себе интересные сведения о земледелии, крестьянских ремеслах и отхожих промыслах. По обеим сторонам Онежского озера, пишет Челищев, крестьяне «живут очень бедно, ибо хлебопашество у них еще меньше, нежели у крестьян, живущих по Свири, да и урожай гораздо хуже, а привозят себе рожь, овес и ячмень водою, покупаячи без мала что не на весь год в городе Ладоге и Вытегре, на что зарабатывают деньги, отходя мужчины в Петербург и Петрозаводск в разные работы, иные на целый год, а другие на лето, а оставшиеся дома жгут в Петрозаводск для продажи на заводы уголь, гонят деготь и ездят с грузом из Петрозаводска в Петербург, а больше никакого промысла не имеют»⁵.

О жителях Карельского Поморья Челищев пишет, что они занимаются рыболовством в заливах Белого моря, но «главный же их на удачу промысел: ходят все мужчины на Мурманский берег Северного окіяна близ Колы для промысла трески, палтусины, сельдей и сала помянутых морских зверей» (тюленей.— Я. Б.)⁶. В книге также содержатся краткие сведения о китобойном промысле в Баренцевом море.

¹ Путешествие академика Ивана Лепехина, ч. IV, СПб., 1805, стр. 151, 155 и 184.

² Н. Я. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена, СПб., 1792.

³ В наиболее полном виде «Поденная записка» опубликована в книге В. В. Пименова и Е. М. Эпштейна Русские исследователи Карелии (XVIII в.), Петрозаводск, 1958.

⁴ Сочинения Державина, т. 7, СПб., 1872, стр. 93.

⁵ П. И. Челищев. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886, стр. 19—20.

⁶ Там же, стр. 34.

От взора путешественников 80—90-х гг. XVIII в. не ускользнуло наличие имущественного неравенства среди сельского населения Карелии и соседних с нею районов. К статистическим данным об имущественном неравенстве крестьян, приведенным в книге Н. Я. Озерецковского, прекрасным дополнением служит свидетельство П. И. Челищева о зачатках социального расслоения среди крестьянства Карелии. В 80-х гг. XVIII в. в Карельском Поморье богатые поморы приобретали рыболовные снасти и лодьи, а бедные, писал Челищев, к ним «наняются в работники» или уходят на отхожие промыслы¹.

В путевых заметках академика В. М. Севергина, посетившего в начале XIX в. Карельский перешеек и северо-восточное Приладожье, содержатся интересные сведения о населении этого района. «Главные обитатели Финляндии суть финны и карелы. Первые занимают наибольшую часть оной, а последние находятся в округах Кексгольмском и Сердобольском»². В. М. Севергин отмечает, что финны «роста среднего, лицом белы, видом сухощавы, волосы имеют длинные, жидкие, бело-желтые; нравом медленны, упрямы, нерешительны и любят спокойствие»; карелы же «роста более высокого, похожи на великороссиян, лицом приятны, волосы имеют русые, нравом веселее и деятельнее. Оба народа, впрочем, сложения здорового, и юродлив между ними мне видеть не случалось»³.

В книге Севергина содержатся также краткие сведения о земледелии (пашенном и подсежном), крестьянских промыслах, приведена характеристика поселений и крестьянских курных изб. Однако все эти сведения даны в самой сжатой форме, так как автор главное внимание уделял геологическим наблюдениям.

Если представители дворянско-буржуазной историографии ограничились краткими замечаниями из области политической истории Карелии, то прогрессивные русские ученые (Озерецковский, Лепехин, Челищев и др.) и политические ссыльные выказали несомненный интерес к судьбе самого народа. Осужденный по делу о декабристах Ф. Н. Глинка пробыл несколько лет в ссылке в Петрозаводске и одним из первых стал собирать руны «Калевалы», а также посвятил Карелии несколько своих произведений. В одном из своих стихотворений он писал:

«Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы;
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык»⁴.

Глинка, объезжая селения Олонецкого края, наблюдал и сделал интересные заметки о жизни крестьян и их занятиях.

Традиции Глинки были продолжены ссыльными С. А. Раевским, петрашевцем А. П. Баласогло и П. Н. Рыбниковым, которые продолжали сбор произведений устного народного творчества⁵. Записи рун «Калевалы», производимые Э. Лениротом в Архангельской Карелии (ныне район Калевалы Карельской АССР), и записи былины в За-

¹ П. И. Челищев. Указ. произв., стр. 38.

² В. М. Севергин. Обзорение Российской Финляндии. СПб., 1805, стр. 4.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Ф. Глинка. Избранное. Петрозаводск, 1949, стр. 279.

⁵ Сосланы в Петрозаводск: в 1836 г. Святослав Раевский за распространение лермонтовского стихотворения «На смерть поэта»; в 1849 г. Александр Баласогло за участие в революционной организации петрашевцев и в 1859 г. Павел Рыбников за участие в студенческом революционном движении. (См. А. П. Разумова. Из истории русской фольклористики. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.)

онежье показали, какими замечательными богатствами устного поэтического народного творчества обладали крестьяне Карелии.

Деятельность П. Н. Рыбникова по сбору и публикации произведений народного творчества явилась большим событием в жизни края и в истории русской литературы. Если раньше это дело не выходило из рамок краеведения, то с начала 1860-х гг. русские былины, записанные в Заонежье, получили общерусскую известность.

При поездках по глухим уголкам Олонецкого края Рыбников наблюдал жизнь олонецкого крестьянина, и его живые свидетельства являются ценным источником для истории Карелии. В одном из писем, написанном в Шуньге, Рыбников дает яркую картину крестьянского жилища и положения крестьянина: «Войдите в крестьянскую избу с промерзшими углами, с занесенными окнами, с ее угаром и чадом и осмотритесь кругом: перед вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Целое семейство сбилось в кучу в одной комнате, потолок застлан вековой сажеей, свет чуть-чуть проходит через щели оконных ставень, на полках запас лучины и дров, у печки тускло горит, нагорает и гаснет лучина. Темнота, холод, нечистота... Сегодня он снес подати, а завтра надобно отдавать сына или брата в солдаты, послезавтра давать ответ перед судом за порубку дров для топлива. Впереди вечное изгнание и, пожалуй, тюрьма за то, что крестился по-старому и вместо Иисуса выговаривал Исус. Летом скотский падеж, зимой долги и недостаток хлеба.

Не по силам крестьянчикам работушка,
Не по розмыслу крестьянчикам заботушка.

Впрочем, что же нам горевать о их судьбе! Ведь их трудом и усталостью мы покупаем себе удобства нашей цивилизованной жизни»¹.

В середине XIX в. в Карельском Поморье побывал писатель С. В. Максимов, написавший интересные и содержательные путевые записки. Автором записаны народные предания и исползована местная летопись (1787—1830 гг.), которую ему удалось обнаружить в ратуше г. Кеми². В книге Максимова упоминаются набеги шведов на Поморье в XVI в., описывается отражение англичан во время Крымской войны 1853—1856 гг., содержится материал о поморском парусном и промысловом флоте (лодьи, раньшины, шняки и др.), о быте и трудовой деятельности поморов.

Во второй половине XIX в. в Карелии побывали этнографы В. Майнов, Н. Харузин и В. Харузина. В. Майнов подготовил к печати и в 1877 г. издал довольно подробные и интересные путевые наблюдения об Обонежье и карельских волостях³. Путевые записки В. Майнова чередуются с историческими экскурсами в прошлое. Заносится запись о Выговском монастыре или о Лодейном Поле, о Маринском канале или о Петрозаводске и здесь же дается историческая справка. Кроме того, в книге подробно описаны занятия крестьян (особенно пространно описано рыболовство), обычаи, торговля и т. д. Несмотря на некоторые сомнительные авторские рассуждения (например, отрицание наличия следов саамского пребывания в топонимике Карелии), книга В. Майнова представляет значительный интерес как для этнографа, так и для историка. В отличие от В. Майнова в исследовании Н. Харузина сделано обоснованное предположение, что саамы (лопари) в древнее время занимали пространство намного южнее бассейна р. Кеми,

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 1, М., 1909, стр. XXXI—XXXII.

² С. В. Максимов. Год на Севере. т. 1, СПб., 1859.

³ В. Майнов. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.

и, в частности, следы их пребывания сохранились в топонимике Пудожского уезда¹

«Путевые воспоминания» В. Харузиной служат прекрасным дополнением к упомянутым книгам. Автором красочно описан быт населения Пудожского и окрестных селений. Особенно удался автору образ сказителя былины Никифора Прохорова (д. Бураково). Когда Н. Прохоров пел былинку про Илью Муромца, пишет Харузина, то лицо его стало вдохновенным, глаза разгорелись и румянец пробивался сквозь смуглость щек. Слушатели не сводили глаз с талантливого певца и ловили «каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива»². Интерес к сбору этнографического материала не заслонил от автора нужд и забот крестьянской жизни. Только в богатом хозяйстве одного сельского урядника, пишет Харузина, мы услышали выражение самодовольства, а «до сих пор приходилось только слышать жалобы на место, на жизнь, на тяжелую работу; в первый раз мы видели в деревне полное довольство»³.

Некоторые сведения о быте и производственной деятельности населения Карельского Поморья содержатся в книгах А. П. Энгельгардта и К. К. Случевского, посетивших этот район Карелии в конце XIX в. Книга Случевского снабжена иллюстрациями Кеми, поморских судов и рыбаков-поморов, а также Петрозаводска, Соломенного и других населенных пунктов южной Карелии, где автор также побывал⁴.

В начале XX в. в местной печати были опубликованы путевые записки, отразившие отдельные стороны жизни и быта населения Карелии. Так, например, книги М. А. Круковского и И. В. Оленева, снабженные многочисленными фотографиями и рисунками, имеют этнографический характер и служат прекрасным дополнением к историческим источникам.

В книге Круковского описывается путешествие по Олонецкой Карелии⁵. Автор побывал в Олонце, Видлице, Тулмозере и других карельских селениях. Потом он посетил Петрозаводск, Пудож, Повенец, водопад Кивач, Толую и Кижы. В книге имеется краткое описание жилища, хозяйства, промыслов, быта и культуры населения. Упоминается и цитируется «Калевала», помещен рисунок народного музыкального инструмента — кантеле и старика карела, играющего на кантеле.

В своих путевых очерках И. В. Оленев дал яркие зарисовки быта населения Беломорской Карелии. В книге изложено содержание «Калевалы» и даны фотографии деревень и жителей родины «Калевалы». С большим сочувствием автор пишет о тяжелой жизни карел, вынужденных весной питаться хлебом, в котором содержатся разные примеси (толченая сосновая кора, молотая солома, белый мох и др.). В неурожайные годы, пишет Оленев, хлеб в чистом виде можно найти только у зажиточных карелов⁶.

Во время путешествия Оленев побывал в Вокнаволоке, Лувозере, Кимасозере, Юшкозере, Панозере, Подужемье, Кеми и других населенных пунктах. Автором подмечены черты характера карел, их производ-

¹ Н. Н. Харузин. Русские лопари, М., 1890.

² В. Н. Харузина. На севере (путевые воспоминания). СПб., 1890, стр. 69.

³ Там же, стр. 116—117.

⁴ А. П. Энгельгардт. Русский север (путевые очерки). СПб., 1897;

К. К. Случевский. По северо-западу России, т. 1. По северу России, СПб., 1897.

⁵ М. А. Круковский. Олонецкий край. СПб., 1904.

⁶ И. В. Оленев. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, стр. 63.

ственная деятельность и обычаи. Подробно описан свадебный обряд. Яркое впечатление от чтения этих страниц книги усиливается еще и тем, что текст сопровождается фотографиями. Книга заканчивается очень кратким заключением об экономическом значении постройки Мурманской железной дороги.

В начале XX в. Выговский край посетил писатель М. М. Пришвин, назвавший этот район Карелии краем «непуганых птиц и нехоженых троп». Вдумчиво и любовно наблюдая жизнь деревни, М. М. Пришвин в художественной форме отразил многие стороны производственной деятельности выговских крестьян, живших в то время «почти что первобытной жизнью»¹.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

В 1785 г. по инициативе генерал-губернатора Тутолмина была составлена история Олонецкого края под наименованием «Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества»². В вводной части «Описания» приведена сжатая справка о прошлом края; потом идут сведения о территории наместничества, о климате, фауне и флоре. Значительный интерес представляют справки о торговле, судоходстве, промыслах и сельском хозяйстве.

Правда, данные «Описания» требуют проверки и сопоставления с другими источниками, так как Тутолмин стремился приукрасить истинное состояние дел. Еще Державин резко критиковал «Описание» и отметил много фактических неточностей и преувеличений³.

Если упомянутое выше «Описание» до сих пор не опубликовано, то другое описание Олонецкого наместничества увидело свет еще в конце XVIII в. Корреспондент Академии наук В. В. Крестинин в конце 1780-х гг. прислал из Архангельска это описание академику Озерецковскому, последний опубликовал его в своей книге. Здесь также дано описание административного деления наместничества, приведены сведения о занятиях населения и торговле, о некоторых исторических событиях (о пребывании Петра I в Карелии в 1702 г. и основании металлургических заводов). В «Описании» Крестинина содержится ряд наблюдений и соображений о Карелии и карелах, употреблявших «древний свой природный язык». Правда, утверждение, что Сумский Острог раньше был поселением племени суми, а Кемь столицей еми не выдерживают критики, но сведения о Карельском Поморье, о льноводстве в Пудожском уезде и торговле вполне достоверны и интересны⁴.

Почти одновременно с книгой Озерецковского было опубликовано «Описание местоположения Кексгольмской провинции, иначе Карелией называемой», принадлежащее перу члена Вольного экономического общества Алопеуса. Лютеранский пастор города Сердоболя (Сортавала) Алопеус, как видно, интересовался историей края,

¹ М. М. Пришвин. В краю непуганых птиц. СПб., 1907.

² Сохранилось несколько рукописных вариантов, которые хранятся в библиотеках Москвы, Ленинграда и в архиве Карельского филиала Академии наук СССР. Такие описания в 1780-х гг. были составлены по нескольким губерниям.

³ Я. Грот. Жизнь Державина, т. 1, СПб., 1880, стр. 395; Сочинения Державина, т. 7, СПб., 1872, стр. 730—733.

⁴ Н. Я. Озерецковский. Указ. произв. (Второе издание книги вышло в 1812 г.—Я. Б.)

и в 1787 г. в Петербурге на русском и немецком языках была опубликована его книжка по истории мраморных ломок Карелии. В книжках Алопеуса давались самые краткие сведения о Приладожской Карелии.

В середине и второй половине XIX в. в печати появилось несколько описаний Олонецкой и Архангельской губерний¹. В составе этих губерний находилась территория Карелии, а поэтому авторы в известной мере коснулись жизни карельского народа. В некоторых произведениях дано описание отдельных исторических фактов, а также статистические данные за 1830—1840 гг. В раннем из этих «Описаний» (1838 г.), в книге учителя местной гимназии К. Бергштрессера, дано краткое статистико-экономическое описание Олонецкой губернии. В книге упоминаются некоторые исторические данные о возникновении и деятельности горных заводов. Работа В. Дашкова в некоторой мере повторяет книгу К. Бергштрессера, но в отличие от последней содержит историческую справку о прошлом Олонецкого края и дает более подробные сведения о горных заводах и крестьянских промыслах. В книге есть упоминание о посещении Петрозаводска А. В. Суворовым. Кроме того, В. Дашков большое внимание уделяет этнографическим материалам и вводит в текст книги народные песни.

Книга И. Пушкарева «Описание Олонецкой губернии» является частью общего труда ряда авторов «Описания Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении». Приступая к составлению «Описания Олонецкой губернии», автор в значительной мере опирался на книги Бергштрессера и Дашкова.

Историческому обозрению И. Пушкарев отвел всего 12 страниц, кратко перечислив наиболее значительные факты из истории Олонецкого края до XIX в. (борьба с польско-шведскими инвервентами, деятельность Петра I в Олонецком крае и др.). Остальная часть книги отведена географическо-статистическому обозрению Олонецкой губернии. Автором были использованы труды В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, а также привлечены статистические материалы из архива Министерства внутренних дел, отдельные документы из «Полного собрания законов» и «Акт археографической комиссии».

К упомянутой выше серии краеведческих книжек примыкают меньше по размерам, но близкие по содержанию брошюры местных педагогов, изданные в качестве пособия для сельских учителей. В брошюрах даны краткие исторические справки о прошлом края и некоторые сведения о состоянии сельского хозяйства и промыслов².

В краеведческой книжке В. П. Верещагина также дана историческая справка, в которой кратко сказано о возникновении русских поморских селений на побережье Белого моря. По мнению автора, пришедшие русские слились с карелами и в результате этого образовались «поморцы». Упомянув о морских промыслах поморов, автор кратко останавливается на железоделательном (Юшкозеро и Маслозеро) и судостроительном (Подужемье) промысле населения Беломорской Карелии. В очерке есть интересные сведения о покруте, о трудных весенних походах поморов на мурманские промыслы и т. д.³

¹ К. Бергштрессер. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838; В. Дашков. Описание Олонецкой губернии. СПб., 1841; И. Пушкарев. Описание Олонецкой губернии. СПб., 1845.

² А. А. Андреев. Записки об Олонецкой губернии. СПб., 1855; К. Петров. Краткое описание Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1881.

³ В. П. Верещагин. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849.

В статьях М. Заринского о Кемь и Кемском уезде содержатся интересные статистические и этнографические сведения. В исторической справке сказано, что о Кемь письменные источники упоминают впервые в 1579 г. в связи с нападением «каянских немцев» на Кемскую волость. При защите волости погибли воевода Михаил Озеров и многие стрельцы. В 1580 г. набег повторился, но отряд стрельцов под командованием воеводы Анничкова в результате трехдневного боя разбил врага. Дальше также кратко упоминается о военных столкновениях и постройке в 1657 г. в Кемь (на Лепострове) небольшой крепости (острога). М. Заринский также сообщает о количестве населения (в начале 1850-х гг.), о морских рыбных промыслах и поморском промысловом флоте, о местном солеварении, торговле, об одежде и обычаях поморского населения¹.

Очерк П. П. Чубинского о Беломорской Карелии, также как М. Заринского, содержит краткую историческую справку, но другого характера. Основываясь на данных книги Н. И. Костомарова («Северо-русские народоправства»), П. Чубинский в самой сжатой форме сообщает о натиске шведских феодалов на Карелию в XII—XIV вв. и упоминает о военных событиях в Беломорской Карелии и в Карельском Поморье в XVI в.²

Как Заринский, так и Чубинский уделили некоторое внимание сбору сведений по географии, не оставив в стороне и такие вопросы, как климат, описание озер, рек и путей сообщения. В статье Чубинского содержатся данные о количестве населения, о состоянии земледелия, животноводства, промыслов и торговли. В середине XIX в. ведение подсечного земледелия законодательством было крайне ограничено, но оно все же имело распространение. При посещении подсек автор увидел участки, покрытые «обгорелыми пнями и камнями». По мнению Чубинского, такой способ земледелия ведет «к истреблению лучших лесов»³. Однако преследование подсек привело к снижению сбора хлеба, и население карельских волостей испытывало недостаток хлеба («Хлеб без примеси составляет достояние только зажиточных»)⁴.

Очень интересными являются этнографические наблюдения Чубинского. В краткой, но живой форме описаны автором жилище, пища, одежда и некоторые обычаи (сватовство, смотрины, свадьба, родины и похороны). В очерке есть также упоминание о найме рабочей силы и упадке промысла карел-коробейников (разносчиков товаров).

Во второй половине XIX и начале XX вв. статьи и очерки по истории Карелии помещались в «Ведомостях» и «Памятных книгах» Архангельской и Олонецкой губернии, а также в столичных журналах и газетах. Значительный интерес представляют работы И. Богуслава (о беломорских промыслах в XVIII и первой половине XIX вв.). В одной из его статей упоминаются поморские селения Сорока, Поньгома и другие. В следующей статье автор касается хозяйственной деятельности карел Беломорской Карелии и упоминает Маслозеро, Подужемье и другие карельские деревни⁵. В статьях и очерках Н. Камкина,

¹ М. Заринский. Кемь и Кемский уезд. «Архангельский сборник», ч. 1, кн. 2. Архангельск, 1865.

² П. П. Чубинский. Статистико-этнографический очерк Карелии. «Труды Архангельского статистического комитета за 1865 г.», кн. 2, Архангельск, 1866.

³ Там же, стр. 75.

⁴ Там же, стр. 103.

⁵ И. Богуслав. Исторический взгляд на Беломорские промыслы. Его же. Беломорские карелы. «Труды Вольно-экономического общества», 1847, № 5.

Д. Ломачевского и других авторов есть сведения о производственной деятельности, о торговле и быте населения Олонецкой и Беломорской Карелии¹.

Накоплению сведений по истории и экономике Карелии способствовала публикация статей и отдельных документов в «Олонецких сборниках»². Среди опубликованных документов наибольший интерес представляют воеводские «отписки» о борьбе населения Олонецкого края против польско-шведских интервентов в начале XVII в., о пашенных солдатах, об обельных крестьянах, о борьбе крестьян Кижского погоста в 1680—1690 гг. против заводовладельца Бутенанта, данные Всероссийской переписи 1897 г. по Олонецкой губернии и т. д. В статьях, помещенных в сборнике, даются краткие сведения по истории карел XVIII в., по истории города Олонца, Петрозаводска, Повенца и Пудожя, о подвигах олонецких стрелков во время Отечественной войны 1812 г., а также этнографические и статистические материалы³.

В изучении прошлого Карелии заметную роль сыграли губернские общества краеведов, издававшие в Архангельске и Петрозаводске свои журналы, в которых печатались статьи и заметки по вопросам истории, фольклора, этнографии и статистики Карельского Поморья, Олонецкой Карелии, Заонежья и других районов современной Карелии⁴. Однако таких материалов печаталось мало и в журналах преобладали сведения по сельскому хозяйству, рыбным промыслам, лесной промышленности и метеорологии.

Усилиями краеведов было также издано несколько брошюр по археологии, по истории Олонецких горных заводов, Выговского старообрядческого монастыря и о деятельности Тивдийских мраморных ломок. В журналах также помещались библиографические обзоры краеведче-

¹ Н. Камкин. Архангельские карелы. «Древняя и Новая Россия», 1880, № 2, 4; Историческое обозрение Олонецкой губернии. «Олонецкие губернские ведомости», 1847, № 22, 23; Исторические заметки о Финляндии и Карелии (там же, 1846, № 6); Лопари, карелы и поморцы Архангельской губернии. «Северное обозрение», 1849, т. II; Описание Кемского уезда. «Санкт-Петербургские ведомости», 1853, № 46; О карелах, обитающих в Олонецкой губернии. «Олонецкие губернские ведомости», 1853, № 7, 9—12; 14—15; 22—26; И. К. Бэр. Торговля и самобытность финских народов. «Библиотека для чтения», 1853, т. 119; Карелы, лопари и поморцы Архангельской губернии. «Северное обозрение», 1858, т. II; Орывки из заметок о Карелии. «Журнал Министерства внутренних дел», 1859, № 4; Олонца. «Русский дневник», 1859, № 97, 119; Д. П. Ломачевский. Историческое обозрение Олонецкой губернии. «Олонецкие губернские ведомости», 1858, № 3, 6 и 8; Ф. Ульрих. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу. СПб., 1877; Е. И. Тиханов. Карелы в Финляндии. СПб., 1867; М. Д. Георгиевский. Карелы. «Вестник Олонецкого губернского земства», 1908, № 4, 6, 10, 14—19 и 20.

² Олонецким губернским статистическим комитетом было издано в Петрозаводске четыре выпуска «Олонецкого сборника» (вып. 1, 1876; вып. 2, 1886; вып. 3, 1894; вып. 4, 1902).

³ А. Ласточкин. Карелы, обитающие в Олонецкой губернии. Олонецкий сборник, вып. 3, 1894; К. Петров. Театр в Петрозаводске в 1809 году. Олонецкий сборник, вып. 4, 1902; А. Сборнов. К истории культуры Олонецкой Карелии. Олонецкий сборник, вып. 1, 1876; А. Иванов. Тивдийские мраморные ломки. Олонецкий сборник, вып. 2, 1886; Е. Прилежаев. Краткая историческая записка об Олонце. Олонецкий сборник, вып. 3, 1894; Я. Колясников. Народные юридические обычаи у карел, живущих в Олонецком уезде. Олонецкий сборник, вып. 2, 1886; П. Митропольский. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губернии. Олонецкий сборник, вып. 3, 1894; П. Минарский. Олонецкие карелы и Ильинский приход. Олонецкий сборник, вып. 2, 1886 и др.

⁴ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. (издавались в Архангельске в 1908—1917 гг. два раза в месяц); Известия общества изучения Олонецкой губернии. (издавались в Петрозаводске в 1913—1917 гг. от 8 до 2 журналов в год).

ской литературы¹. В результате сбора и изучения документальных материалов обстоятельную брошюру о прошлом Пудожского края написал Н. Шайжин². На основании изучения опубликованных материалов о деятельности Комиссии 1767 г. преподаватель учительской семинарии (Петрозаводск) В. И. Крылов опубликовал содержательную статью по истории Олонецкого края середины XVIII в.³

О зарождении и развитии металлургической промышленности Карелии XVII—XVIII вв. имеются сведения в книгах К. И. Арсеньева, И. Ф. Германа, П. Е. Холостова, а также в рукописи А. С. Ярцова⁴. Данные по истории разработки проектов постройки Беломорско-Балтийского канала содержатся в работе Н. А. Крылова, изданной в 1880-х гг. Олонецким губернским земством. Автор собрал значительный материал по экономике края и тщетно пытался доказать правительственным кругам необходимость и выгоду постройки канала⁵.

В конце XIX и начале XX вв. в Петрозаводске было издано несколько статистических сборников, в которых имеются подробные сведения о численности населения, состоянии лесов, земледелии, животноводстве и промыслах населения основных районов современной Карелии⁶. Положение олонецких рабочих и состояние кустарных промыслов получили некоторое освещение в работах Н. Барышникова, И. И. Благовещенского и А. Л. Гарязина⁷. Данные И. И. Благовещенского и А. Л. Гарязина частично использованы В. И. Лениным в его книге «Развитие капитализма в России».

Значительный интерес представляет книга «Архангельская Карелия», изданная в 1908 г. Архангельским губернским статистическим комитетом. Книга содержит сведения о производственной деятельности, о путях сообщения и грамотности карел. По первому вопросу авторы приводят статистические данные, а по второму только рассуждения, так как дороги, по признанию авторов книги, находились в первобытном состоянии, и это заставляло жителей с апреля до ноября переносить на своих плечах «по пешеходным скалистым или болотистым тропинкам, а многие десятки верст, продовольственные припасы и всякие другие предметы потребления»⁸.

¹ А. Галченко. О каменном веке и об остатках его в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1913; А. Шидловский. Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера. Петрозаводск, 1914; В. Мегорский. Осударева дорога. Петрозаводск, 1902; И. Благовещенский. Историческая дорога. Петрозаводск, 1902; Д. Островский. Выговская пустынь и ее значение для истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914.

² Н. Шайжин. Старая Пудоба с 14 по 18 век. Петрозаводск, 1906.

³ В. И. Крылов. Нужды и недостатки народной жизни Олонецкой губернии в 18 веке. Петрозаводск, 1904.

⁴ К. И. Арсеньев. Описание Олонецких горных заводов с самого их основания до последнего времени. «Труды минералогического общества», ч. I. СПб., 1830; И. Герман. Описание Петрозаводского и Кончезерского заводов. СПб., 1803; П. Е. Холостов. Краткий исторический очерк горнозаводского дела в Олонецком крае. Петрозаводск, 1847; А. С. Ярцов. Российская горная история. 1812. Рукописный фонд Ленинградского горного ин-та.

⁵ Н. А. Крылов. Экономическое значение Беломорского канала. Петрозаводск, 1889.

⁶ Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года. Архангельск, 1916; Материалы для статистики судостроения, судоплавания и судоходства в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1877; Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910; Олонецкая губерния (статист. справочник). Петрозаводск, 1913.

⁷ Н. Барышников. О составе, жилищах, бюджетах и заболеваемости олонецких рабочих. Петрозаводск, 1899; И. И. Благовещенский и А. Л. Гарязин. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1895.

⁸ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908, стр. 44.

В книге даны довольно подробные сведения о школах в карельских и поморских волостях Кемского уезда. К 1 января 1906 г. в поморских начальных школах училось 56% детей школьного возраста и в карельских начальных школах — 26%. Однако и эти данные не отражали истинного положения. В 1906 г. в поморские школы поступило 250 чел., а выбыло, не окончив срока обучения, 167 учеников, в карельских школах соответственно — 168 и 61 ученик. В том же 1906 г. окончили курс обучения в начальных школах поморских волостей 41 и в карельских — 22 ученика¹. Если учесть, что в 1903 г. в первом случае в школы было принято 192 и во втором случае 124 ученика, то полный курс трехгодичного обучения в поморских школах окончили 21% и в карельских — около 18% из числа поступивших. В обоих случаях из школы выбыло до окончания срока учебы около 80% учащихся.

Опубликование этих сведений и даже само издание специальной книги о северной Карелии объясняется тем, что в начале XX в. здесь произошло усиление панфинской пропаганды, вызвавшее контрмеры со стороны правительственных кругов и духовенства православной церкви. Как реакционные круги финской буржуазии, так и правящие круги царской России были единодушны и солидарны в подавлении революционного движения русского и финского народов, но в самом лагере реакционеров происходила грызня. Примером такой грызни и являлась деятельность панфинистов и «карельских православных братств».

РЕАКЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ

Идейный кризис русской буржуазной исторической науки, обусловленный обострением классовых противоречий и распространением марксизма-ленинизма, нашел свое отражение и в исторической литературе областного характера. В Карелии это кризисное направление в историографии выразилось в пропаганде шовинистических взглядов.

Известно, что в период первой русской революции 1905—1907 гг. усилился и окреп союз трудящихся всех национальностей России, но в то же время активизировалась деятельность монархистских и буржуазных организаций, стремившихся разжечь национальную вражду между народами. «Пятый год, — писал В. И. Ленин, — объединил рабочих всех наций России. Реакция старается разжечь национальную вражду»².

В Карелии шовинистическую пропаганду развернули панфинисты и русские черносотенцы. Внешне их деятельность проявлялась в борьбе между представителями лютеранского и православного вероисповедания, но фактически решался вопрос — останется ли Олонецкая и Беломорская Карелия объектом эксплуатации русских капиталистов или их место здесь займут финские капиталисты. Эксплуататорским классам было также выгодно распылить рабочих и крестьян на мелкие национальные группы и вызвать между ними вражду.

Именно выполнению такой задачи и должны были служить книги и отдельные статьи, вышедшие из-под пера финских и русских шовинистов. К числу таких работ принадлежит книга по истории Карелии, написанная представителем православной церкви миссионером В. П. Крохиным³. Являясь служителем религиозного культа, автор значительное место в своей небольшой книжке отводил вопросам православной церкви. В книге восемь небольших глав: 1. Современные карелы; 2. Би-

армия — Карелия доисторических времен; 3. Переселение карел-биармов от берегов Белого моря на перешеек между Ладожским озером и Финским заливом; 4. Подчинение карел русским; 5. Ореховский договор: разграничение сфер влияния в Карелии шведами и новгородцами; 6. Приладожская Карелия в XV и начале XVI вв. и др.

Работа Крохина охватывает историю карел до начала XVIII в.¹ и основана главным образом на шведских и финских источниках. Автор вполне верит в существование древней Биармии, называя ее «Биармия-Карелия». Вслед за шведскими и финскими филологами и историками Крохин основание для своих предположений находит в скандинавских преданиях и в лингвистических догадках. Развивая эту гипотезу, Крохин пишет, что в силу внешних обстоятельств в X в. н. э. большинство карел-биармов переселилось с берегов Северной Двины на Карельский перешеек. По пути их движения (Беломорское побережье — р. Кемь — Приботния — озера Сайменского бассейна — Карельский перешеек) часть переселенцев основала свои селения и таким образом, в частности, возникла особая группа приботнических карел².

Кратко остановившись на истории Новгородской земли, на территории которой жили карелы, автор освещает борьбу русских и карел против агрессивных нашествий шведских феодалов. Большое внимание автор уделит вопросу о переселении карел с Карельского перешейка в центральные районы России после заключения Столбовского мира (1617 г.). Причиной бегства, по мнению автора, явилось религиозное притеснение, попытка шведских правителей обратить карел в лютеранское вероисповедание. Эта причина Крохиным выдвигается на первый план. Однако он упоминает, что карелы подвергались не только религиозным преследованиям, на население карельских деревень были возложены огромные подати, в карельских селениях царил произвол шведских феодалов и чиновников. В последней главе книги Крохина несколько слов сказано об итогах Северной войны, освобождении Приладожья и образовании Великого Финляндского княжества в начале XIX в. Однако главное внимание автор уделяет борьбе православия и лютеранства, а также политике обрусения и финнизации карельского населения.

Книжка В. П. Крохина, написанная в тенденциозном направлении, все же содержит некоторые ценные сведения о внутренней жизни карельского народа и дает читателю краткую сводку данных о численности населения, о школьном деле и о других сторонах жизни и быта карел Приладожья.

В еще более тенденциозном направлении написана книжка «Православная Карелия», вышедшая из печати в 1914 г.³ В книжке приведен очень краткий обзор исторических событий в северном Приладожье в XVI—XVIII вв., а основное содержание посвящено критике панфинской пропаганды и разбору методов деятельности панфинистов. Авторы сообщают данные о численности карел, проживающих в Архангельской, Олонецкой и Выборгской губерниях, которых надо спасти от финнизации и обращения в лютеранство. В то же время в книжке отмечено, что около миллиона карел, населявших большую часть Куопиенской, а также частично Сан-Михельской и Улеборгской губерний, уже давно потеряны для православной церкви, так как они приняли лютеранское вероисповедание и только по антропологическим признакам несколько отличаются от коренных финнов. В книге «Православная Карелия» резко

¹ В. П. Крохин. История карел. СПб., 1908.

² В. П. Крохин. Указ. произв., стр. 19 и 20.

³ Православная Карелия. Пг., 1914.

¹ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908, стр. 73.

² В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 203.

³ В. П. Крохин. История карел. СПб., 1908.

критиковались шовинистические призывы панфинистов (которые договаривались до создания «великой финской всемирной державы»), но и сами авторы не оставались в долгу и тоже выступали с шовинистических позиций. Таким образом, оба направления служили интересам реакционных сил и проводили линию враждебную как русскому, так и финскому и карельскому народам.

В шовинистическом духе была написана также книжка об Олонецкой губернии в начале первой мировой войны. Автором этого произведения явился педагог местной учительской семинарии В. И. Крылов. В начале 1900-х гг. он пробовал писать о «нуждах народных» (правда, о нуждах в XVIII в.), но к 1914 г. от этих настроений ничего не осталось. В своей книжке Крылов выражал верноподданнические чувства к царствующему дому, широко цитировал манифест Николая II и проповеди местных священников, призывавших население постоять за «веру и царя»¹. Книжонка Крылова является ярким примером полного союза царизма и либералов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучением исторического прошлого народа Карелии до Великой Октябрьской социалистической революции по существу никто не занимался. Отдельные представители дворянской и буржуазной историографии касались истории Карелии только в связи с описанием истории России или истории Новгорода (В. Н. Татищев, С. М. Соловьев, А. И. Никитский и др.), а также в связи с разрешением отдельных проблем по истории России (С. Ф. Платонов, В. И. Семевский, М. М. Богословский, М. А. Островская и др.). Местные краеведы (И. Благовещенский, М. Мегорский, В. Крылов и др.) освещали отдельные вопросы истории края и не ставили задачи создать обобщающий труд. Так же обстояло дело и с историей северной Карелии и Карельского Поморья, составлявших Кемский уезд Архангельской губернии.

Если представители дворянско-буржуазной историографии почти не касались истории трудящихся (русских, карел и вепсов), проживающих на территории Олонецкого края и Архангельской Карелии, то представители русской передовой общественно-политической мысли выказывали несомненный интерес и сочувствие к судьбе самого народа (Н. Я. Озерецковский, П. И. Челищев и др.).

Реакционные круги царской России, а также и Финляндии в эгоистических интересах эксплуататорских классов разжигали вражду между русским, финским и карельским народами. Этим антинародным устремлениям противостояла пропаганда большевистской партии, направленная на укрепление дружбы и солидарности между трудящимися всех наций. Жизнь показала правильность позиции большевистской партии, вскрывающей однородность классовой основы великодержавных русских и финских шовинистических кругов. В период борьбы против финского революционного народа в едином лагере оказались царские генералы (например, Маннергейм) и финские буржуазные националисты, а в борьбе против русских монархистско-белогвардейских сил в едином строю шли русские, финские и карельские рабочие и крестьяне. Только эта упорная и самоотверженная борьба обеспечила народам России свободу и равенство.

¹ В. И. Крылов. Отклики в Олонецкой губернии великой европейской войны. Петрозаводск, 1914.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия национального, политического и культурного самоопределения для освобожденных народов бывшей Российской империи. При помощи великого русского народа бывшая северная окраина царской России превратилась в Автономную Карельскую ССР. После разгрома белогвардейцев и иностранных интервентов карельский народ включился в социалистическое строительство и добился уничтожения вековой отсталости. На территории республики возникли крупные промышленные предприятия, был построен Беломорско-Балтийский канал.

В результате всех этих изменений, вызванных Октябрьской революцией, были созданы необходимые условия для расцвета советской исторической науки. Развитию советской исторической науки способствовал рост интересов трудящихся масс к истории и доступ историков к историческим документам, хранящимся в архивах, двери которых для ученых открыла Советская власть. Все это создало условия для разработки на местах истории отдельных народов СССР, о которых буржуазная историография лишь упоминала как о народах без истории.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. И. Андриайнен. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии в начале третьей пятилетки	3
Г. Н. Богданова. Организация и деятельность комитетов бедноты в Карелии	18
Документы о борьбе трудящихся Карелии против англо-франко-американских интервентов в 1918—1919 гг.	34
Р. Ф. Тавоева. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX — начало XX в.)	39
Г. А. Панкрушев. Датировка памятников Карельской археологической культуры	52
Я. А. Балагуров. Сведения о прошлом Карелии в дореволюционной исторической и краеведческой литературе	87

Редактор *М. М. Савельев*
 Технический редактор *О. Б. Петрова*
 Корректор *В. Н. Тихонова*

*

Сдано в набор 3/III 1959 г. Подписано к печати 19/VI 1959 г. Е-06247. Бумага 70×108^{1/16}. 7 печ. л. 9,59 усл. печ. л. 9,24 уч.-изд. л. Госиздат № 86. Тираж 500. Заказ № 496. Цена 5 руб. 50 коп.

Госиздат Карельской АССР
 Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1.

*

Сортавальская книжная типография
 Министерства культуры Карельской АССР
 Сортавала, Карельская, 32.